

ГИДЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Жан-Ноэль Робер

ЭТРУСКИ

Города-государства
Экономика
Религия
Письменность
Искусство
Частная жизнь

ЖАН-НОЭЛЬ РОБЕР

ЭТРУСКИ

Москва
«Вече»
2007

*Издание осуществлено при поддержке
Национального центра книги
Министерства культуры Франции*

*Ouvrage publié avec le concours du Ministère français chargé
de la culture – Centre National du Livre*

Перевод с французского С.Ю. Нечаева

Робер Ж.-Н.

P58 Этруски / Ж.-Н. Робер. — М. : Вече, 2007. —
368 с. : ил. — (Гиды цивилизаций).

ISBN 978-5-9533-1931-7

Этруски — создатели первой развитой цивилизации на Апеннинском полуострове. Возможно, этруски были «пришельцами из-за моря»; их первые поселения представляли собой процветающие общины, располагавшиеся в центральной части западного побережья Италии, в области, называвшейся Этрурия. В эпоху наивысшего могущества этруски распространили свое влияние на значительную часть Апеннинского полуострова, вплоть до подножий Альп на севере и окрестностей Неаполя на юге. Покорился им и Рим.

Книга известного французского историка Ж.-Н. Робера рассказывает о религии, военном деле, языке, письменности, искусстве и быте этрусков.

ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-9533-1931-7

Jean-Noël Rober. Les Étrusques

© Les Belles Lettres, Paris, 2002

© С.Ю. Нечаев,

перевод на русский язык, 2007

© ООО «Издательский дом «Вече»,
2007

ЭТРУРИЯ

I

ИСТОРИЯ

Есть ли у Этрурии своя история? Дюжина союзных друг другу городов, развитие которых шло одновременно, и которые имели совершенно различные, а порой и противоположные судьбы — могли ли они иметь общую и единую историю? Без сомнения, правильней было бы говорить об истории этрусской цивилизации, об истории людей, которые пользовались одним и тем же языком, и которых объединяла общая религия.

Фактически, эти города (в греческом понимании этого термина), одновременно столь различные и столь похожие, объединялись сознанием своей принадлежности к одной и той же нации и отмечали каждый год это единство, избирая в храме бога Вольтумны, располагавшемся на территории Вольсинии, главу союза (*rex Etruriae*), символ их культурных и религиозных связей. Римляне, впрочем, рассматривали это несколько иначе и, начиная от Катона и кончая Титом Ливием, говорили об этрусском господстве в Италии, не выделяя господства того или иного города.

Поэтому мы будем говорить об истории Этрурии или, скорее, об истории этрусков, следы которой, впрочем, по большей части стерты. Археология говорит о существовании богатого и мощного народа, но сохранившиеся тексты, с одной стороны, не столь красноречивы, а с другой стороны, являются

иностранными. Если этрусские свидетельства исчезли до их латинского перевода, греческие или латинские тексты, дошедшие до нас, очень обрывочны и при этом очень пристрастны. Мы знаем, однако, что латинские этрусковеды вроде Клавдия очень много писали об этой самобытной цивилизации, но все было потеряно за исключением нескольких отрывков, которые ограничиваются лишь тем, что упоминают главные конфликты между этрусками и римлянами, греками или жителями Карфагена. К тому же они очень предвзяты.

В связи с этим следует удовлетвориться историей, написанной крупными мазками, которая оставляет нас в неведении относительно ее внутреннего развития. Такой подход не является, без сомнения, бесполезным при рассмотрении мифа об этрусской тайне. Глядя на развитие событий с общей точки зрения, мы можем только удивляться скорости, с которой эта цивилизация перешла от состояния зарождения к состоянию великого могущества, сопоставимого с могуществом других цивилизаций западного Средиземноморья, то есть Греции и Карфагена. На это ушло всего век или два, самое большее. Однако в этом не было ничего удивительного. Этрурия являлась первой цивилизацией Италии, но она была обязана своим ростом контактам с греками и представителями Востока, привлеченными туда естественным богатством земель.

Однако вопреки сказанному Катонem или Титом Ливием, эта культура была далека от того, чтобы господствовать надо всем полуостровом и, вопреки тому, что с энтузиазмом утверждают некоторые современные историки, она не представляла собой первой итальянской общности. Для этого надо будет дождаться Рима и социальных войн последнего века до нашей эры. Этрусская гегемония была реаль-

на, но не всеобъемлюща, и она была в большей степени культурной, чем политической. История Италии в это время остается «трехполюсной»: ее пишут этруски, южные греки и итальянские народы на заре их развития.

Благополучие Этрурии было, увы, непродолжительным. Ее богатства не могли не привлечь жадных и могущественных римлян. Они не пожелали терпеть рядом с собой соперницу, которая пользовалась вековым авторитетом, и которой — это факт — они были в такой степени обязаны.

Этрурия являлась первоначальным очагом, питавшим огонь итальянской цивилизации. Как отмечает Жак Эргон, этот регион двадцатью двумя веками позже станет аналогичной колыбелью для Ренессанса, как если бы у Тосканы со времен античности и до Нового времени была привилегия вызывать и пробуждать дыхание человеческого разума.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Вопрос происхождения этрусков не является сегодня центральным для этрусковедов, но до середины XX века он очень волновал ученых в ущерб, без сомнения, более важным и менее рискованным исследованиям истории этого таинственного народа.

Надо сказать, что современная дискуссия по этому вопросу основывается на очень древних источниках, которые уже основательно расходились с мнением историков античности. В их оправдание напомним о вкусе древних к легендам и их заботе о том, чтобы связать происхождение каждого народа с каким-то основополагающим мифом или с подвигами каких-то героев, в честь которых практиковалось название многих вещей и явлений.

С античных времен по поводу происхождения этрусков выдвигались три версии: версия восточного происхождения, версия их прихода из северных альпийских стран и версия их местного происхождения.

В действительности только первая версия является наиболее древней и наиболее разработанной. Известны, в частности, работы Геродота (I, 94), который рассказывал о решении царя Лидии (Малая Азия), направленном на разрешение проблем, связанных с охватившим страну жестоким голодом. Он разделил свой народ на две группы и по жребию определил ту половину, которая должна была эмигрировать. Во главе тех, кого судьба вынудила уйти, он поставил своего сына Тиррена. Эти лидийцы после длительного странствия, которое заставило их познакомиться с многими народами, прибыли «к умбрийцам», где они основали многочисленные города и взяли себе имя своего предводителя, став тирренцами. История голода в Лидии помимо того, что она просто вполне вероятна, подтверждается еще и различными документами, в частности, египетскими. Она достаточно хорошо вписывается в рамки потрясений, спровоцированных кризисом государства хеттов в конце XIII века до н.э. В эту эпоху имела место миграция в район Средиземноморья, а военные набеги некоторых народов и многочисленные акты пиратства стали практически повседневной реальностью. Фараоны Мернептах (1230 год до н.э.), а затем Рамзес III (1190 год до н.э.) вынуждены были отбиваться от налетов тех, кого египетские источники называют «народами моря», среди которых рядом с ахейцами можно найти филистимян, сардов, а также загадочных тереш (или турша), в которых некоторые историки видят троянцев-таршиш (другое греческое название тирренцев, происходящее от корня «турша»).

Менее известным вариантом истории Геродота является легенда о Тарконе и Тиррене, рассказанная александрийским поэтом Ликофроном в его поэме «Александра». Эти два героя с в высшей степени этрусскими именами были сыновьями Телефа, правителя Мизии, упомянутого Гомером в «Одиссее». Связь мизийцев с фригийцами и меонийцами-лидийцами отмечена у Геродота. Тиррен и Таркон могли встретить Энея и Улисса в Италии, и если первый дал свое имя всей стране этрусков, то второй стал основателем первого города Тарквинии.

Эта легенда у Ликофрона не противоречит третьей версии, сторонником которой является греческий историк Лесбос (VI век до н.э.), для которого Этрурия была обязана своим происхождением пеласгам. Эти догреческие жители Греции и побережья Эгейского моря, согласно легенде, пересекли Адриатическое море, чтобы обосноваться в Спине, в дельте реки По, а потом добраться до Тосканы, где они получили новое название — тирренцы.

Само собой разумеется, что каждая из упомянутых версий бесконечно сложнее в деталях и не может не вызывать многочисленных вопросов. Однако исторический фон всех этих вариантов остается одним и тем же: это потрясение, произошедшее на Востоке в конце XIII века до н.э. и в начале XIV века до н.э., то есть в период, когда происходила Троянская война. Реальность волн миграций через Средиземное море, эхом которой была «Одиссея», и сила талассократов¹ (особенно лидийцев), которые начали развиваться после падения империи Хиттитов, поддерживают идею о том, что пеласги-тирренцы могли прийти в Италию только с Востока. Относи-

¹ Талассократы — владыки морей (в отличие от сухопутных теллуократов). — *Примеч. пер.*

тельно их присутствия в Восточном Средиземноморье мы имеем ряд свидетельств, как легендарных, так и археологических.

Легендарными свидетельствами являются приключения, происходившие с моряками-тирренцами, которые, не зная этого, схватили бога виноделия Диониса собственной персоной и пытались продать его, как простого раба. Это для них плохо кончилось. Дионис спровоцировал панический ужас среди моряков, которые стали прыгать в море и превращаться там в дельфинов (гомеровский гимн Дионису).

Археологическим свидетельством является стела, обнаруженная на острове Лемнос, на которой есть надписи на языке, близком к этрусскому, и которая вызывает больше вопросов, чем дает ответов. Но если относительно легко установить родство тирренцев с Лемноса и этрусков, то мы еще пока не можем точно определить, первые ли эмигрировали в Италию или вторые, уже обосновавшись там, завязали отношения между Западом и Востоком.

Имеются доводы, которые дают современным историкам (например, Раймону Блоку) аргументы в пользу версии о восточном происхождении этрусков. В частности, это поразительные сходства между азиатской религиозной практикой и этрусской. У вавилонцев, например, есть немало общего с тосканцами в области методов гадания. Но и здесь нет ничего решительно убедительного, если начинать рассматривать эти методы в деталях. Что же касается аргумента, основанного на восточном влиянии на этрусское искусство в его апогее, то сегодня мы знаем, что он не выдерживает критики. Этот стиль, очень точно названный «ориентализирующим» из-за его происхождения, соответствует моде, которая в одно и то же время охватила все средиземноморские цивилизации, благодаря развитию торговых отношений

между народами. Факт того, что он расцвел в Этрурии, как и в других местах, не может служить доказательством происхождения жителей Тосканы.

Надо признать, что и две другие версии, касающиеся происхождения этрусков, проливают на этот вопрос не больше света.

В частности, Тит Ливий утверждает, что реты, жившие в Альпах, имели этруское происхождение. Предлагая обратное, археологи XIX века хотели увидеть в этих северных народах первоисточник итальянских и этрусских народов, мигрировавших на юг в конце II тысячелетия. Некоторые из них опираются в своих гипотезах на аргумент, который они считают очень важным: на практику кремации. Они считали, что виллановианская культура происходила из так называемых полей погребальных урн, пренебрегая тем существенным фактом, что эта цивилизация имела неоспоримый индоевропейский характер, не связанный с этрусской цивилизацией. Они установили также связь между названием «реты» (Rhaeti) и тем, как тосканцы называли себя на этрусском языке: «расенна». Помимо того, что этот тезис не подтверждается ни одним древним источником, представляется, что он не выдерживает современного анализа фактов. Во всяком случае, распространение этрусской цивилизации с юга на север выглядит более правдоподобно, чем в противоположную сторону.

Что касается третьей версии, то есть версии о коренном итальянском происхождении этрусков, то она берет свое начало в заявлении Дионисия Галикарнасского, греческого историка, жившего в Риме при императоре Августе (I, 25 и далее). Он утверждал, что «этрusский народ никуда не эмигрировал и был всегда там». Эта ремарка привлекла внимание некоторых ученых, особенно лингвистов XX века,

для которых этрусский язык — так как он не является индоевропейским — мог служить свидетельством того, что это было местное наречие, предшествовавшее появлению народов — носителей индоевропейского языка. Между тем, несмотря на его кажущиеся сильными аргументы (он, например, подчеркивал, что историк Ксант Лидийский никогда не говорил о предводителе, по имени Тиррен, который эмигрировал бы в Италию), тезис Дионисия должен рассматриваться с очень большой осторожностью. Другие заявления из его произведений, враждебные этрускам, опровергают даже очевидные вещи по поводу заимствований, которые римская цивилизация была вынуждена делать у своего соседа во времена царей. Надо рассматривать подобное видение истории в общей перспективе жизни этого историка в славную эпоху императора Августа: для него Рим был греческим городом, который принял многие группы населения, пришедшие с Востока. Этруски же, напротив, были для него лишь варварами, не греками, на которых не бросила свой отсвет блестящая греческая цивилизация и которых Рим имел полное право завоевать. Очевидно, что оригинальный взгляд Дионисия отвечает политическим требованиям оценки Рима, которым он восхищался, несмотря на какую-либо историческую объективность (впрочем, объективность никогда не была важна для древнего историка).

А что думали об этом сами этруски? Тацит («Анналы», IV, 55) очень редко упоминает лидийское происхождение и героя Тиррена, но у него речь идет о «декрете Этрурии», который датировался 26 годом н.э. Действительно, Массимо Палоттино в середине XX века показал, что вопрос происхождения этрусков ничего для них самих не значил, так как очевидно, что этот народ, как и любые другие, сформир-

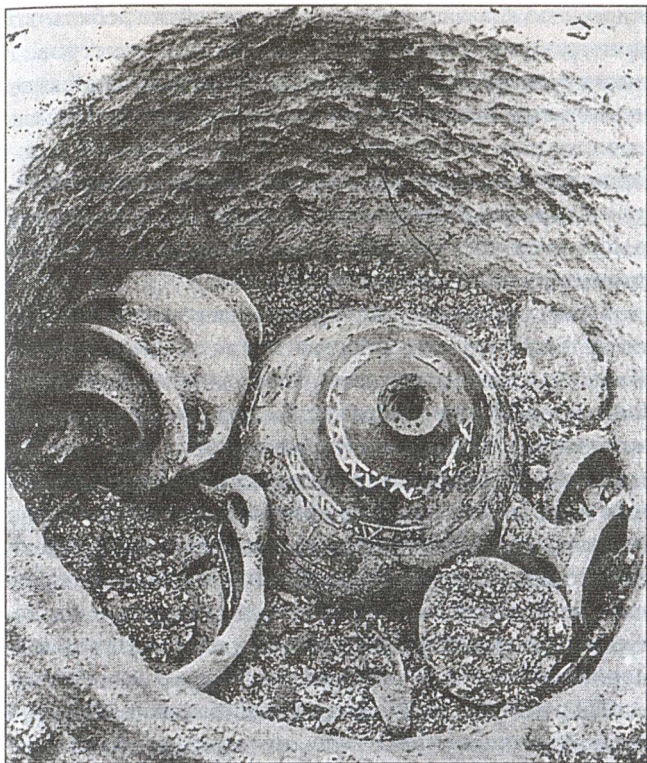

ровался и обогатился в течение многих веков от различных народов, которые были его составными частями. Абсурдно думать, что он был целиком переселен из Азии в Италию в какой-то определенный момент, но не менее абсурдно верить, что он появился на итальянской земле, не приняв колонистов, пришедших с Востока, как это было повсюду в Средиземноморье. В легендах, которые часто хранят в себе следы исторической памяти, в Тоскане всегда кто-то жил. Народы, пришедшие с Востока и привлеченные богатствами этой земли (руды и т.д.), смешались с местным населением, причем вполне вероятно, что это происходило многократно, благоприятствуя таким образом образованию оригинальной и утонченной цивилизации, породившей первоначальную культуру ранней Италии и развивавшейся в контакте с греческими колонистами, обосновавшимися на юге полуострова.

Подлинная проблема заключается в том, чтобы узнать, в какой момент произошло это соединение. Историки очень долго датировали начало этрусской цивилизации VIII веком до н.э. Хотя некоторые легенды, миграционные движения в Средиземноморье и развитие виллановианской цивилизации, подтвержденное археологическими находками, позволяют датировать начало этого глубокого превращения X веком до н.э. (и даже XI веком до н.э.). А это серьезно меняет взгляд историков-исследователей на образование и зарождение Этрурии.

ВИЛЛАНОВИАНСКИЙ ПЕРИОД

После открытия в Вилланове (селении, расположенном неподалеку от Болоньи) в середине XIX века гробницы, которая была сочтена археологами при-

*Круглая могильная яма.
Конец Виллановианского периода*

надлежащий к культуре, непосредственно предшествовавшей этрусской, весь период, растянувшийся от начала образования Этрурии до конца VIII века до н.э., стали называть «виллановианским». Под этим термином подразумевается, таким образом, вся ранняя история этрусков.

Погребения, найденные в Вилланове, связаны с самой ранней в Италии практикой кремации мертвых — этот обычай, известный также в центральной

Европе под названием «культуры полей погребальных урн», не существовал на Апеннинском полуострове в эпоху бронзы. Захоронения этой «апеннинской культуры» встречаются повсеместно во всех регионах, где говорили на италийских языках индоевропейского происхождения, одновременно с так называемой культурой «ямных погребений» (где мертвецов хоронили в могилах-ямах в вытянутом положении вместе с предметами их повседневной жизни).

Итак, обряд кремации развился именно в Тоскане, а также в некоторых местах долины реки По и Кампаньи, там, где позже появилась этруская цивилизация. Конечно, различие между двумя обрядами не всегда было ясно выражено, и их сосуществование было замечено в промежуточных зонах, например, в Лации (где эта особенная культура называлась «latiale»), но их распределение появляется тем не менее ясно, как отличительный знак различных народностей, различающихся по своей культуре: индоевропейской, с одной стороны, и неиндоевропейской (то есть этрусской), с другой стороны.

Таким образом, весьма соблазнительно идентифицировать появление этрусской цивилизации с обрядом кремации в Тоскане. Однако это никоим образом не решает вопроса происхождения этрусов.

Следует запомнить две важные даты, связанные с формированием этрусской цивилизации: 1200 год до н.э. и 900 год до н.э. Первая дата соответствует появлению этой новой культуры (так называемой протовиллановианской) и, возможно, приходу групп людей, появившихся с Востока, хотя ничто не позволяет доказать это. Конец XIII века до н.э. был отмечен серьезными потрясениями, особенно на востоке Средиземноморья: падение империи хеттов, акты пиратства и попытки завоевания (особенно в Египте) «народов моря», Троянская война или

то, что она символизирует, падение микенских дворцов и последствия этого для средиземноморской торговли, а потом последствия греческой колонизации. Если имелись когда-то миграционные движения людей, пришедших с Востока, чтобы присоединиться к населению Тосканы с целью изменить культуру и привнести основы новой цивилизации, то их следует датировать началом XII века.

Вторая дата, 900 год до н.э. (начало железного века, после постепенного расширения практики кремации на все то, что позже будет этрусской территорией), отмечает начало предурбанизации, которая знаменует собой новый рост и апогей виллановианской культуры. При этом не должно быть отмечено никакого разрыва с предыдущим веком. Именно некрополи лучше всего информируют нас об этой эволюции и об организации первых городов. Вначале зона проживания была относительно рассеяна. Люди жили в овальных или прямоугольных хижинах, в основном скромных размеров (5 на 10 метров), подобных тем, чьи следы сохранились на холме Палатин и которые принято связывать с именем Ромула. После кремации прах мертвых собирался в урнах, выполненных в стиле «импасто» (*impasto*)¹ из грубой керамики, цвет которой был связан с методом обжига, присущим типичному этрусскому «буккерио» (*bucchero*)². Эти урны затем помещали в гробницы на ямах, вырытых

¹ Термином «импасто» принято обозначать технику наложения толстого слоя масляной краски (обычно путем выдавливания ее непосредственно из тюбика). Густая, сочная накладка красок, нередко употребляемая в живописи для усиления светового эффекта. В гравировании этим словом выражается искусное соединение штрихов с пунктиром, служащее для той же цели. — *Примеч. пер.*

² «Буккерио» — черные этрусские керамические вазы, с большим или меньшим успехом имитирующие бронзовые сосуды; они часто украшались рельефными фигурами и надписями.

прямо в земле, их стенки выкладывались плоскими камнями. Отмечается эволюция в геометрическом оформлении этих урн, которые имели биконическую форму и обычно прикрывались миской или же боевым шлемом, если покойником был мужчина. Некоторые поселения, особенно в смешанных зонах, где захоронения сосуществовали наряду с кремацией, оставили после себя урны, воспроизводящие по форме жилища, и по этой причине названные урнами-домиками. Они позволяют осуществить интересную визуализацию этрусских видов жилищ.

Изучение некрополей и, например, общих гробниц, объединяющих несколько погребальных урн под одним курганом, позволило выделить группировки жилищ, то есть демонстрацию общей организации, связи внутри которой могли быть только политическими, экономическими и религиозными. Эти объединения людей происходили либо решением собираться в одном месте, которое впоследствии становилось «оппидумом»¹ мощного города, либо объединением соседних деревень, имевших общие интересы (таким был, например, случай Рима). Так формировались города в IX и VIII вв. до н.э. Вещи, обнаруженные в гробницах этого периода (бронзовое вооружение, шлемы, вазы, пряжки портупей, застежки различных форм), демонстрируют богатство местной аристократии. Впрочем, в конце IX века до н.э. и, главным образом, в VIII веке до н.э., развитие виллановианского общества было связано с сильным движением колонизации внутри Италии, которая создавала условия для встречи с греческой цивилизацией. Открытие виллановианских учреждений в Кампанье создает этому доказательство, а

¹ Оппидум (лат. oppidum) — временный город-крепость. — *Примеч. пер.*

возникновение Капуи, без сомнения, является плодом этой виллановианской экспансии на юг.

Что касается городов, то в этот период наблюдается перегруппировка разбросанных зон обитания в места, которые в будущем станут крупными городами (Вейи, Цере, Вольсинии, Вульчи и др.). Возьмем пример Тарквиний, священного города Этрурии. Раскопки многочисленных некрополей, расположенных на всех его холмах, обнаружили существование нескольких зон обитания, рассеянных на высотах, в частности, на плато Монтероцци. Примерно в 750–720 гг. до н.э. все эти зоны обитания были заброшены в пользу единственного места, где и был создан город Тарквинии, в то время как Монтероцци стало некрополем нового города. Здесь, как и в Риме, выбор единого места жительства был определен местом, предназначенным для погребения мертвых. Археолог Марио Торелли сравнивает эти два знаменитых города и отмечает общность в процессе перегруппировки окрестных жителей и в процессе их основания.

Подобное же в образовании городов наблюдалось почти по всей Этрурии с некоторыми отличиями в различных эпохах и регионах.

ЭТРУСКИ В ИТАЛИИ

Изучение влияний и конфронтаций на Апеннинском полуострове до появления Рима позволяет отметить огромную роль, которую этруски сыграли не только в Италии, но и во всем Западном Средиземноморье. Очевидно, что они занимали там главенствующее положение, в отличие от греков и карфагенян. Отношения между этими тремя народами постоянно усложнялись.

Можно сказать, таким образом, что этруски сыграли важнейшую роль в образовании Италии. С IX века до н.э. виллановианская культура, пришедшая в Кампанию (а также в Эмилию и Романью), свидетельствует об этрусской экспансии. В VIII веке до н.э. появляются первые импульсы восточного влияния, которое утвердилось в следующем веке. Эти постепенные изменения соответствовали развитию греческой колонизации, которая сильно повлияла на территории, занятые этрусками (памятники, изобразительное искусство, письменность и т.д.).

Италия стала трансформироваться под греческую модель. Контакты, особенно торговые, городов Великой Греции с Кампаньей, Лацием и Этрурией благоприятствовали эволюции этих регионов и способствовали их развитию. Тем не менее, надо отметить отсутствие греческих колоний на этрусской земле. При этом Этрурия, плодородная и богатая металлами, имела все, чтобы привлекать греческих колонистов. Но этрусские города, которые к этому времени уже образовались, сами проявляли колонизаторские наклонности. Они соперничали с греками на земле Италии. Без сомнения, в VII веке до н.э. этруская талассократия достигла своего апогея.

VII век до н.э. — это время, когда Карфаген (основанный, как считается, в 814 году до н.э.) тоже задумал утвердиться в Западном Средиземноморье. В VI веке до н.э. греческое присутствие еще более усилилось: греческие колонии-полисы вознамерились перекрыть этрускам дорогу в Сицилию. Мало-помалу эти три силы вынуждены были сталкиваться друг с другом, как только установленному ненадежному равновесию начинали угрожать любые попытки со стороны того или иного лагеря, если речь не шла о союзе двух сил против третьей. История со-

хранила память о нескольких войнах, но можно с уверенностью утверждать, что были и другие.

Несмотря на торговые проблемы, усиленные прочими видами соперничества, появление греческих колонистов на юге Италии сильно повлияло на обычаи этрусков. Этот период был отмечен наиболее высокой степенью изысканности этрусской цивилизации и благополучием таких крупных городов, как Цере, Тарквиния, Вульчи, Популония, равно как и городов Большой Греции (Таренто, Кротоне, Сибарис, Локры) и Кампанье (Кумы). Положение Рима стало еще более стратегическим, и этрусские города начали ссориться из-за обладания этим пунктом, стоящем на дороге с севера на юг полуострова. Фрески со знаменитой гробницы Франсуа¹ в Вульчи свидетельствуют об этом.

Но блеск и изысканность этрусской культуры этого периода скрывали реальность упадка, который уже наметился в жизни Этрурии. В 545 году до н.э. была одержана победа над фокейцами при Алалии, но она поставила этрусков в еще более тяжелое положение. Карфагеняне, объединившиеся с этрусками в борьбе против фокейцев (они имели виды на Сардинию), отдали Алалию своим союзникам-этрускам, а сами получили контроль над большей частью острова. В то же самое время они обосновались в Западной Сицилии и начали там войну против греков. При этом карфагеняне постоянно опирались на своих этрусских союзников, с которыми у них был заключен договор о дружбе. Однако этот пресловутый договор, похоже, на-

¹ Гробница Франсуа названа так по имени итальянского археолога Алессандро Франсуа, описавшего раскопанную в 1857 году этрусскую гробницу в городе Вульчи. В ней был похоронен Вел Сатис — крупный этрусский общественный деятель IV века до н. э. — *Примеч. пер.*

вязывал этрускам нечто вроде карфагенского протектората.

Карфаген подписал также союзный договор с Римом в конце VI века до н.э. (Полибий, III, 22), и этим римская торговля с Сардинией в Тирренском море оказалась ограниченной, а торговля с Сицилией и с Африкой попала под жесткий контроль.

К этим внешнеполитическим проблемам следует добавить внутренние потрясения в греческих колониях, начавшиеся с конца VI века до н.э., что не могло не отразиться на этрусках. Тарквиний Гордый правил в Риме, как тиран, вызывая ненависть римлян. В конечном итоге, Рим восстал и тирана с его семьей изгнали. Считается, что Тарквиний был выслан из Рима в 509 году до н.э.

Однако с изгнанием Тарквиниев борьба не кончилась. Тарквиний бежал к Порсенне, царю этрусского города Кьюзи. Порсенна, считая полезным для этрусов восстановление власти Тарквиния, пошел на Рим. По некоторым версиям, он захватил город. После этого отряд этрусов под предводительством сына Порсенны Арунта двинулся против латинян, но был разбит греческим войском под начальством Аристодема. Характерно, что участие римлян в этой битве нигде не упоминается. Это можно объяснить только тем, что римляне в тот момент сами были под властью этрусов. Однако после поражения этрусов для Рима началась новая история.

Приморские этрусские города (Цере, Вульчи и др.) начали приходить в упадок. Города же внутренней части прогрессировали (Кьюзи, Вольсинии и Вейи, которые, похоже, стали пользоваться некоторым влиянием на соседний Рим). Эта новая ситуация, в значительной степени связанная с падением Сибариса, сделала Карфаген свободным в действиях на море. Таким образом, греческий мир оказался лицом

к лицу с персами на Востоке и карфагенянами на Западе. Именно Сиракузы нанесли карфагенянам первое поражение при Гимере, в Сицилии, в 480 году до н.э. Через некоторое время, в 474 году до н.э., новый тиран Хиерон, объединив греческую коалицию, разбил под Кумами этрусков, союзных уже основательно ослабленным карфагенянам. Тем самым Сиракузы получили контроль над Тирренским морем. Что касается этрусков, то они вынуждены были отступить за свои первоначальные границы, и, вероятно, именно с этого поражения надо отсчитывать время, когда они окончательно оставили Рим.

АПОГЕЙ

В конце VIII века до н.э., который отмечает окончание виллановианского периода, Этрурия испытала необычайный взлет и познала (до 474 года до н.э., то есть до даты поражения под Кумами) невиданный экономический и политический подъем. Эта эпоха, и особенно VI век до н.э., знаменует собой период благополучия этрусков, когда они установили свое господство за пределами своих традиционных границ, в том числе на севере, в Кампанье и на море; когда технические достижения и демографическое развитие толкнуло их к тому, чтобы показать себя в Средиземном море в противостоянии с греками и жителями Карфагена; когда контакты с Грецией и Востоком мобилизовали их собственный творческий гений в области искусства, которое только подчеркивало изысканность их цивилизации.

В начале VII века до н.э. все условия были созданы для того, чтобы Этрурия вошла в историю и оставила там след, безусловно, блестящий, но недолговременный. В этот период были окончательно сфор-

мированы городские, политические и общественные структуры. Еще надо напомнить, что это была Этрурия, которая постепенно стала осознавать свое этническое единство, о чем свидетельствуют выборы царя Этрурии (*rex Etruriae*) в святилище бога Вольтумны; страна разделялась на некоторое количество городов-полисов (двенадцать, как традиционно принято считать), которые образовывали столько же конкурирующих друг с другом территорий.

По причинам доступности моря, которое способствовало расширению товарообмена, приморские города первыми стали проявлять свое влияние, особенно Тарквинии (с VII века до н.э.), а вслед за ним и Цере. Город же Вульчи, например, расположенный в стороне от моря, вынужден был ждать VI века до н.э., чтобы начать настоящий рост, а Кьюзи — даже конца того же века.

Надо также поставить историю развития Этрурии в рамки изменений, которые происходили в эту эпоху на Средиземном море, в частности, в контекст существования греческих колоний на юге Италии. Именно эти многочисленные и неизбежные контакты с греческими торговцами и художниками, а также влияние некоторых союзных этрускам городов, таких как Сибарис или Таренто, и способствовали формированию оригинального характера этрусков. В частности, эвбейские колонисты первыми основали Пифекузу (Искья) в 770 году до н.э. и колонию в Кумах (примерно 735 год до н.э.). Греческие колонисты, которые пытались наладить торговлю с соседями, обнаружили неподалеку виллановианские поселения этрусков Кампанье. Именно этот богатый регион способствовал установлению союза между этрусками и греками из Великой Греции, инициировав первое взаимопроникновение между двумя этими культурами. С целью усилить эти связи и под-

держат проникновение на юг, этруски вынуждены были занять Лаций, чтобы обеспечить путь, которая соединял Тоскану с районом Капуи. Но это не означает, что они оккупировали Лаций. Сохранение латинской лиги или договор между Римом и Карфагеном (примерно в 509 году до н.э.), в котором Рим выступал от имени всех своих союзников (Полибий, III, 22), не позволяют говорить об этрусской оккупации, хотя, как мы знаем, в Риме, начиная с 616 года до н.э., правили этрусские цари. Но многочисленные находки, связанные с этрусками и обнаруженные в этом регионе (например, в Пренесте), показывают глубокие следы этрусского присутствия. В Кампанье войны с некоторыми греческими колониями, завершились для этрусков поражением возле города Кумы (524 год до н.э.), что стало первым предупреждением, предшествовавшим поражению от греческой коалиции в 474 году до н.э.

◆ Влияние Востока

Два великих «золотых века» (согласно справедливому определению А. Хуса) этрусского благополучия, и особенно первый из них, определяются как связанные с периодом «ориентализации». Термин «ориентализация» связан с многочисленными чертами восточного влияния, которое можно усмотреть в этрусском искусстве — в вазах, фресках, статуях, украшениях. Открытие Этрурии к внешнему миру благоприятствовало увеличению товарообмена. Начала развиваться торговля, принося на тирренские берега многочисленные товары из Финикии, Малой Азии, Египта. Фантастический репертуар восточных мастеров (хищники, сфинксы, грифоны) заставлял мечтать этрусских художников, которые пытались их воспроизводить. В эту эпоху многочис-

ленные деятели искусств начали путешествовать по Средиземному морю, оседать то тут, то там, создавать свои школы, воспитывать учеников. Они приносили вместе с собой темы, которые очаровывали людей повсюду, распространяя таким образом по средиземноморскому бассейну настоящую моду, которая не ограничивалась одной Этрурией. Можно даже сказать, что этруски с их чувствительностью и богатым воображением фигурировали среди самых лучших учеников этих восточных учителей.

Первое и, без сомнения, наиважнейшее, что означало вхождение этрусков в историю, — это была их письменность. Конечно, их алфавит сформировался под воздействием греческих торговцев, когда в целях развития экономики и торговли потребовалось вести счета на специальных табличках, но мастерство этрусков быстро сделало из письменности один из видов искусства, которым владели специальные люди — писцы, чье общественное положение считалось одним из самых привилегированных.

Мы располагаем, по крайней мере, одним знаменитым примером этих восточных учителей, приехавших в Этрурию, чья работа способствовала динамичному развитию тосканцев. Речь идет о Демарате, богатом торговце из Коринфа, изгнанном из своей родины и приехавшем в Тарквинию примерно в 650 году до н.э. Этот человек, известный, как отец будущего царя Рима Тарквиния Древнего, обосновался в Этрурии со своей семьей. Согласно Плинию Старшему («Естественная история», XXXV, 152), его сопровождали различные художники, специализировавшиеся в работе с глиной. Известно же, что торговля была тесно связана с распространением художественных ремесел.

Приток богатств и развитие рафинированных восточных искусств объяснялись также тем, что эво-

люция общественных и политических структур были благоприятными. С этим «золотым веком» связано появление богатой и мощной аристократии, наглому господству пресловутых «принцев Этрурии», которые заставляли строить для себя дворцы, подобные тем, что археологи обнаружили в Аквароссе или в Мурло, с их роскошным внутренним и внешним убранством, выполненным из терракоты. Эти же важные вельможи заставили воздвигать для своей посмертной славы огромные и великолепные курганы, о чем свидетельствуют некрополи города Цере, где в могилы клали знаки власти и богатства, вроде великолепных украшений и золотых драгоценностей, секреты изготовления которых остаются тайной и в наши дни.

◆ Талассократия и пиратство

В эпоху богатые люди часто совмещали два рода деятельности: вели за собой армию и занимались торговлей в Средиземном море; все это делалось для получения наибольшей прибыли и славы. Могущество этрусков на море единогласно признавалось древними. Тит Ливий писал об этом неоднократно: «до Римской империи Тосканская империя распространялась далеко в небе и на земле» (V, 33, 7); Этрурия, «мощная на суше, она была еще более мощной на море» (I, 23, 8). Диодор упоминает мощные «военно-морские силы» тосканцев и их «господство на море» (V, 40). И это совершенно верно, ибо этруски доказали свое мастерство в судостроении. Но было бы ошибочно видеть единственную цель военного флота в том, чтобы обеспечивать господство этрусков над морскими просторами. Морские сражения, которые они вынуждены были вести, всегда являлись продолжением экономического конфликта, обострения соперничества между странами, пытавшимися сохранить свои торговые

преимущества. Военный флот служил лишь для того, чтобы обеспечивать защиту торгового флота. Этрусские товары обнаружены археологами в Африке (в Карфагене), на юге Испании, на греческих островах, в районе Антиохии и в Египте. Их привозили туда этрусские корабли.

В эпоху античности между понятиями «торговля на море» и «пиратство» не было никакой реальной разницы. Одно считалось позитивным, другое — негативным, но это второе обвинение относилось к соперникам в делах, которые, очевидно, использовали то же пиратство для утверждения своего экономического превосходства.

Вот почему греки расценивали этрусков как пиратов (Страбон [V, 3] утверждал, что они «живут пиратством»). В античности — и до недавней эпохи! — пиратство было обычным делом в Средиземном море. Аристократы и богачи — все они были торговцами, даже если они сами и не садились на корабли; а все торговцы были пиратами. Им приходилось и защищаться от нападений других, и самим нападать на конкурентов и похищать их товары, и осуществлять набеги на побережье, грабить и похищать людей, которых можно было потом перепродать как рабов. Даже Одиссей (Улисс) не удержался от поездки во Фракию с целью захвата там женщин и скота («Одиссея»; IX, 39—66). Именно поэтому в древности города строились не на побережье, а в основном на удалении от него, обычно на хорошо укрепленной высоте. Вспоминается «гомеровский гимн Дионису», в котором тирренские морские разбойники, пленившись красотой молодого бога, приняли его за сына царя и решили похитить его, чтобы получить за него выкуп. Но Дионис наказал их, превратив в дельфинов. Не исключено, что эта легенда (которая, кстати, упоминает присутствие этрусских моряков на

греческих островах) символизировала воспоминания об усилиях тосканских торговцев по захвату рынков сбыта вина в регионе. Впрочем, пиратство не всегда изображалось в негативном виде. Можно было бы упомянуть роль пиратов в регулировании торговли и защите торговых судов. В любом случае, оно практиковалось повсеместно в Средиземном море и было, можно сказать, единосущным с процессом торговли. И когда тиран Анаксилай, тиран Регия, укреплял базу на мысе Скиллайон, он это делал не только для защиты от пиратов-этрусков (Страбон, VI, 1, 5), но и для того, чтобы контролировать пролив и, вероятно, чтобы взимать таможенные пошлины.

Таким образом, многочисленные столкновения на море между этрусками и другими народами могут быть рассмотрены либо как простые акты пиратства, либо как морские сражения. Разница между этим имеется, но поводы остаются одними и теми же. История сохранила нам воспоминания о некоторых из этих сражений, рассказанные греками. Нам они кажутся более многочисленными и более красочными, чем внутренние войны между этрусскими городами, но надо остерегаться нашего незнания: исторические события, связанные непосредственно с Этрурией, в документах не сохранились, а те немногие этрусские тексты, которыми располагаем, мы неспособны расшифровать. Между тем внутри страны войны также имели место: то, что мы знаем о братьях Вибенна и о Мастарне, это доказывает.

Некоторые примеры столкновений с греками в VI веке до н.э. показывают, что Этрурия была грозной морской державой. В 580 году до н.э. греки, выходцы из Книды и Родоса, пытались обосноваться в Сицилии, но были разгромлены и изгнаны оттуда. Потом они заняли Липару и все Эолические острова, что позволяло им контролировать Мессинский

пролив, где торговали этруски (Диодор, V, 9, 4). Те атаковали греков и, как говорят, вынудили разделиться на две части: одни работали на земле, а другие защищали их от этрусских пиратов. У них было много морских столкновений. Павсаний (X, 11, 3) рассказывает об одном из них, в течение которого пять липарийских триер победили двадцать этрусских.

Другой конфликт закончился знаменитым морским сражением при Алалии примерно в 540–535 гг. до н.э. (Геродот, I, 166; Диодор, V, 13; Страбон, V, 2, 7). Началось все с того, что в середине VI века до н.э. беженцы из Фокеи основали на восточном берегу Корсики свою колонию Алалия. Но и этруски тоже претендовали на этот остров. Для чего они заключили договор с Карфагеном, и в решающем сражении фокейцы были разбиты этрусско-карфагенским флотом, который вдвое превосходил их по численности кораблей (у каждой из трех сторон было примерно по шестьдесят кораблей). Геродот назвал эту победу «Кадмейской»¹.

После поражения фокейцы были вынуждены оставить Корсику, и остров быстро оккупировали этруски. Фокейцы же посадили жен и детей на корабли и отправились в сторону нынешней Франции, где они основали колонию Массилию (нынешний Марсель). Карфаген же захватил Сардинию и фактически стал рассматривать воды между Сардинией, Африкой и Испанией как свою собственность. Именно он стал настоящим победителем в указанной войне. Это стало первым своеобразным предупреждением этрусской талассократии.

¹ Кадм — это основатель Фив, а в битве под Фивами, согласно легенде, погибли все семь вождей, осаждавших этот город. Поэтому с тех пор победу, оказавшуюся губительной для победителей, называют Кадмейской. — *Примеч. пер.*

Это сражение показывает, что единственной причиной войн всегда были конфликты экономического характера, а для их разрешения, как правило, заключались соглашения и союзы, как, например, между Римом и Карфагеном в 509 (или 508) году до н.э. Аристотель («Политика», III, 9, 1280а) упоминает также договоры, которые связывают карфагенян и этрусков, в особенности город Цере. Раскопки в Пирги, порте города Цере, позволили открыть знаменитые золотые скрижали, из которых две написаны на этрусском, а третья — на пуническом. Речь идет о посвянительной надписи, сделанной Тефарием Велианой, тираном города Цере, в храме Пирги примерно в 500 году до н.э. Текст посвящен пунической богине Астарте, аналогу этрусской богини Уни. Факт, что Цере принимал иностранную богиню и даже посвящал ей храм, не исключителен сам по себе; он является, скорее всего, некоей конкретизацией заключенного союза. В ту эпоху это было тем более ценно, так как греческая угроза усиливалась, и равновесие сил становилось ненадежным, а что угрожало экономическому благополучию всех.

Поражение этрусков в морском сражении при Кумах в 474 году до н.э. положило конец их могуществу в Средиземном море. И на суше они дважды — в 524 и потом в 509 гг. до н.э. — неудачно столкнулись с войсками тирана Аристодема. Торговые претензии тирренов стали опасны для греков, живших в Сицилии. Диодор (XI, 51) выдвигает версию, что именно талассократия этрусков стала причиной вмешательства Сиракуз. В 480 году до н.э. карфагеняне направили в Сицилию свои войска, но греки одержали над ними победу при Химере. После этого греки из Кум попросили помощи у Сиракуз, и местный тиран Гиерон, придя со своим флотом к Кумам, разгромил этрусский флот. Какие этрусские города участвова-

ли в этой войне и были ли они достаточно сильны, чтобы иметь флот? Может быть, Капуя? Ответа нет. Похоже, что Цере был главным участником событий с этрусской стороны, а помогали ему Тарквинии или Вульчи. Что же касается главного дестабилизирующего элемента, то он мог состоять в увеличении значимости афинской торговли в Кампанье. Возможно, этруски хотели укрепиться в регионе в ущерб Кумам. Может быть, они мечтали о гегемонии и о стабильности, выступая против греков? Судьба сражения решила все иначе.

Ослабленные этруски постепенно ушли из Кампанье и из Рима. Они отошли за свои естественные границы. После этого кампанцы в 424 году до н.э. овладели Капуей и в 421 году до н.э. Кумами.

ЭТРУСКИ В РИМЕ

Сегодня мы знаем, что Рим не был основан этрусками, как думали еще недавно некоторые историки. И это несмотря на то, что тосканцы должны были присутствовать на римской земле в то время, когда примерно в 753 году до н.э. объединялись селения, стоявшие на римских холмах. Точно так же, впрочем, находились там и греки, и сабиняне, и латиняне. Их присутствие было неизбежным, ибо этруская территория начиналась сразу же на другом берегу Тибра, а это место было единственным, где реку можно было пересечь вброд (Фиденский брод). Город Ромула вначале контролировал место перехода через реку для торговцев солью, а в это время соляные разработки, расположенные в устье Тибра, принадлежали этрусскому городу Вейи.

Тем не менее, похоже, что этруски придумали легенду, которая могла бы оправдать их присутствие во

главе Рима с момента его основания. Мы знаем, что «официальная» легенда о Ромуле появлялась постепенно и была оформлена только в IV веке до н.э. Так, например, Плутарх в своей «Жизни Ромула» (II, 4), напомним о других версиях, дает нам этрусскую версию рождения Ромула, идущую от греческого историка по имени Промацион. Согласно ей, этрусский царь Тархетий был дедом основателей Рима — Ромула и Рема. Царствовал Тархетий в Альбе-Лонге и считался, очевидно, потомком Энея, то есть, в конечном счете, самого Зевса. В очаге его дома вдруг появился волшебный фаллос, от которого якобы и произошли римские близнецы, вскормленные волчицей.

Так называемая «этрusская» версия происхождения Рима со временем ушла в забвение, но мифу о герое, рожденном от фаллоса, придали официальный характер в римской истории, чтобы оправдать появление Сервия Туллия у царя Тарквиния.

◆ От легенды к реальности

Пришлось ждать конца VII века до н.э., чтобы получить свидетельство политического господства этрусков в Риме. Контроль над переправой в Кампанию — это была экономическая необходимость. И мы можем только удивляться, что этруски не пришли в Рим еще раньше. Как бы то ни было, дата, предложенная легендой в качестве выбора царя Тарквиния на роль владыки Рима (616 год до н.э.), кажется вполне соответствующей исторической реальности.

История этрусских царей Рима, как нам ее рассказывает Тит Ливий (I, 34), выглядит следующим образом. Первый этрусский царь Древнего Рима, по преданию, был выходцем из города Тарквинии. Его настоящее имя, как считается, было Лукумон. Его отец Демарат переселился в Тарквинии из гречес-

кого города Коринфа. Рожденный от тарквиниянки Лукумон еще в молодости приобрел себе большое состояние и женился на Танаквиль — женщине умной и честолюбивой. Она-то и посоветовала ему перебраться в Рим, так как в Тарквинии, из-за того, что Лукумон не был чистокровным этрусском, ему был закрыт путь к самым высшим должностям. Лукумон согласился с доводами жены, и они вместе отправились в Рим, где он вскоре был избран царем, известным как Луций Тарквиний Приск, или Тарквиний Древний. Прославившийся своим богатством и мудростью, он занялся обустройством Рима и содействовал развитию искусств. В 578 году до н.э. он был убит заговорщиками, но его место, благодаря хитрости Танаквиль, заняли не они, а Сервий Туллий, приемный сын убитого царя. Этот человек, рожденный при самых чудесных обстоятельствах, о которых уже было упомянуто, стал образцовым царем, который повел Рим по пути важных реформ. Но и он был убит собственной дочерью Туллеей и зятем Луцием Тарквинием, и последний, будучи сыном Тарквиния Древнего, захватил в городе власть и стал вести себя, как настоящий тиран.

Знаменитая история изнасилования Лукреции привела к тому, что в Риме началось восстание, которое возглавили Коллатин (муж Лукреции) и Брут. Они вместе со своими сторонниками изгнали Луция Тарквиния и установили в Риме республику. Произошло это в 509 году до н.э., в год освящения храма Юпитера на Капитолии. Легенда гласит, что вслед за этим царь этрусского города Кьюзи Порсенна осадил Рим. Но он вынужден был отступить перед лицом серии патриотических подвигов, совершенных римлянами, в частности, доблестным воином Горацием Коклесом, Муцием Сцеволой, отрубившим себе правую руку, и юной заложницей Клелией.

Некоторые факты, предоставленные главным образом археологами, позволяют нам сформулировать несколько гипотез относительно исторической реальности, стоящей за официальной римской легендой, во многом обязанной Титу Ливию. Например, мы узнали, что этруское господство не закончилось в 509 году до н.э. с изгнанием Тарквиния и поражением Порсенны. Конечно, для укрепления национальной гордости следовало бы открыть большой храм в «освобожденном» Риме, но римский историк Тацит признает, что царь Кьюзи все же захватил Рим, а археологические находки доказывают, что этруски присутствовали там до 475 года до н.э., то есть до тех пор, пока поражение при Кумах не вынудило их уйти за Тибр. Возможно, характер власти изменился после 509 года до н.э., но этруски (вероятно, из Кьюзи) оставались у власти.

Другой удивительный пример: Сервий Туллий. Различные источники позволяют нам предположить в нем реального царя, которого легенды называют сыном раба или захваченной в плен принцессы, который был рожден во дворце и выбран в качестве зятя царя Тарквиния. Он осуществил столько реформ, что выглядит «наиболее римским» из всех возможных царей. Однако есть один случайно сохранившийся документ — речь императора Клавдия. Клавдий был увлечен этрускологией и написал двадцать книг на эту тему. Его первая жена происходила из этрусского аристократического рода, и он, по видимому, черпал знания в архивах богатых этрусских семей, которые не дошли до нас, впрочем, точно так же, как и его работа об этрусках. Итак, в своей речи император упоминает Сервия Туллия, «вставив его между Тарквинием Древним и его сыном, а может быть, внуком (имеется в виду Тарквиний Гордый)». Согласно этрускому источнику, он

его представляет как «верного друга» некоего Целия Вибенны, который был изгнан из Этрурии и дошел до Рима, где захватил холм, названный Целийским в память о Вибенне. Его звали Мастарна. Затем он «поменял имя и взял царскую власть в городе». Некоторые выдержки из других авторов также упоминают этот эпизод: один говорит о «лукумоне»¹ города Вульчи Целии Вибенне, который, встав во главе армии, обосновался в Риме, возможно, силой; другой дает отчет о прибытии людей из Вульчи, ведомых Мастарной и Авлом Вибенной, братом Целия.

Имена братьев Вибенна нам известны. Их можно обнаружить на некоторых рисунках, а также зеркалах и погребальных урнах, найденных в гробницах города Вейи. Но наиболее интересное свидетельство находится в городе Вульчи в гробнице Франсуа и оно датируется IV веком до н.э.. Одна из фресок представляет серию победоносных боев, ведшихся городом Вульчи против различных врагов. Атакующие являются людьми Целия Вибенны, и среди них есть Авл Вибенна и Мастарна, и можно даже увидеть, как они освобождают своего начальника, закованного в цепи. Речь идет, по всей видимости, об увековечивании подвигов жителей Вульчи в боях против других этрусских вождей.

Таким образом проходит сближение между Мастарной из Вульчи и царем Сервием Туллием. Конечно же, много вопросов остается нерешенными. Кем был в действительности этот Целий Вибенна — полководцем, действовавшим от имени царя Вульчи, или главарем банды, одним из кондотьеров-авантюристов, которых в те времена было великое множе-

¹ Лукумонами в Этрурии называли глав отдельных независимых городов, избранных из среды высшей аристократии. — *Примеч. пер.*

ство? Был ли Вибенна (или его брат) когда-либо царем Рима? Кто такой этот Мастарна, чье имя (macstarna) очень сходно с латинским словом «magister» — этрусский офицер или диктатор? Подобные вопросы такие можно задавать и задавать.

За всеми этими вопросами вырисовываются очертания истории этрусского Рима, отличной от той, что написал Тит Ливий. Кажется, что на римском троне было больше этрусских царей, чем трое упомянутых, что вполне логично для общего срока в более чем сто лет! Возможно, надо рассматривать целую династию царей Тарквиниев, один из которых имел имя Гней (Snaeus).

С другой стороны, события, изображенные на стенах гробницы Франсуа, говорят о том, что наследование этрусками римского престола не прошло мирно. Это подтверждает осада, устроенная царем Кьюзи Порсенной. И в этом нет ничего удивительного, если вспомнить о значимости положения Рима для общего экономического господства. Без сомнения, надо иметь в виду некий период занятия этрусками города: Рим должен был находиться под властью трех этрусских городов, представленных одним или некоторыми царями; это были Тарквинии (Тарквиний), Вульчи (Мастарна-Сервий Туллий) и Кьюзи (Порсенна). Эта схема соответствует хронологическому порядку, в котором главные этрусские города находились в своем апогее. В VII веке до н.э. Тарквинии были самыми богатыми, а Цере превзошел их в VI веке до н.э. Затем в середине того же века стали расти Вульчи, а потом Кьюзи, могущество которого пришло в конце века. Это не означает, что другие второстепенные, но тем не менее важные города той же эпохи, например Вейи, не осуществляли значительного влияния на Рим: оформление храма Юпитера вейскими художниками доказывает это.

◆ Свидетельства этрuscoго присутствия

Присутствие тосканских торговцев в Риме за-долго до правления Тарквиния не вызывает сомнений, но этрусское господство так глубоко изменит город в таком множестве областей, что потребует-ся чересчур долго составлять исчерпывающий спи-сок. Даже наблюдая обычаи этрусково в Риме, мы можем понять, что тосканцы жили здесь, как у себя дома.

Наиболее ярко этрусское влияние проявилось в области благоустройства — до такой степени, что Дионисий Галикарнасский даже называл Рим «этрuscoм городом». Мастерство инженеров-гидравликов позволило осушить болотистую землю Форума, создать первый водосток (Cloaca Maxima функциони-ровала еще в середине нашего XX века) и фактичес-ки новый городской пейзаж. Был оборудован Капи-толий и построен храм Юпитера — по образцу этрусских храмов, сооружены каменные здания, по-крытые черепицей. Они были украшены раскрашен-ными изделиями из терракоты, остатки которых об-наружены во всех важных местах центра (Форум, Капитолий), оборудован Большой цирк (Circus Maximus), проложено несколько улиц на террито-рии Форума, в том числе знаменитая Vicus Tuscus (улица тосканцев) со статуей бога Вертумнуса (одна из ипостасей бога Вольтумны, символа конфедера-ции этрусских городов)

Этрусские цар- не довольствовались тем, что изменили городской пейзаж. Они также ввели не-которые церемонии (триумф, игры), установили календарь и — главным образом, благодаря Сер-вию Туллию — провели важные реформы, создав новые общественные и военные структуры. Все

граждане Рима были разделены на классы согласно их состоянию, и эти классы стали представлены в армии разными отрядами с разным уровнем вооружения.

К этим основным изменениям можно добавить ряд нововведений юридического и культурного порядка, которые надолго укоренились в нравах и обычаях римлян, до такой степени, что они и сами стали забывать об их происхождении. Наиважнейшим из этих нововведений являлся, без сомнения, алфавит, который этруски сами позаимствовали у греков.

Все это означает, что, несмотря на стремление самих римлян к преуменьшению этрусского влияния, присутствие этрусков в Риме было реально и оставило очень глубокий след.

УПАДОК И РОМАНИЗАЦИЯ

Хотя термин «упадок» и применяется для обозначения процесса, который означал для этрусков утрату их морского могущества на следующий день после поражения при Кумах (474 год до н.э.), он может показаться несоответствующим по отношению к эволюции некоторых городов внутренней части Этрурии. Прекрасная Этрурия V века до н.э. была еще далека от того, чтобы быть подавленной во всех областях. Города долины реки По развивались в ожидании фатального удара, который им нанесут кельты; города-порты вроде Спины осуществляли важные товарообмены с греками по Адриатическому морю. Некоторые внутренние города, близкие к реке Тибр, рост которых был замедлен, так как у них не было преимуществ приморских городов, получили, наконец, значительное экономическое и культурное развитие: законченные произ-

ведения типа Химеры из Ареццо или статуи Марса из Тоди свидетельствуют о большом мастерстве художников. Так произошло, например, с городом Вольсинии или с Кьюзи, царь которого Порсенна захватил Рим. Этрурия оставалась богатой сельскохозяйственной территорией, остававшейся главной житницей Рима вплоть до захвата римлянами Сицилии в III веке до н.э. Сельскохозяйственное богатство этих прекрасно орошенных земель стало предметом зависти для мощного соседа, который задумал разместить там своих колонистов.

На юге поражение при Кумах и постепенная потеря Кампанье не освободили этрусков от сиракузцев, претензии которых все возрастали. В 453 году до н.э. сицилийский тиран послал своих пиратов в экспедицию против поселений этрусков на Корсике, с которой тосканцы продолжали выгодный товарообмен. Но атака была предпринята главным образом против рудничных центров острова Эльба, что нарушило снабжение приморских городов железом, таким необходимым для их экономики. Через несколько лет, в 415 году до н.э., Афины, разорвав отношения со своими бывшими союзниками, объявили Сиракузам войну. Экспедицию возглавил Алкивиад. Древнегреческий историк Фукидид рассказывает (VII, 7, 53), что афиняне настойчиво обхаживали тирренцев, «у которых некоторые города сами предлагали себя для участия в войне». Они предоставили снабжение и послали три пятидесятивесельных боевых корабля. Это немного, и хорошо показывает ограниченность средств этрусков в том, что должно было выглядеть как возможность отомстить сиракузцам. Поражение Афин отразилось на их этрусских союзниках, которые оказались еще более ослабленными.

В 384 году до н.э. сиракузцы, попавшие под власть Дионисия, предприняли последнюю вылазку против

этрусков. Сиракузский тиран послал своих людей в экспедицию вдоль этрусского побережья до острова Эльба и Популонии под предлогом борьбы с пиратами, но в действительности, как говорит Диодор (XV, 14, 3), «чтобы грабить знаменитый храм, известный своими богатствами и приношениями, которые были ему сделаны, находившийся в порту этрусского города Агиллы, называвшемся Пирги». Речь, действительно, шла о наиважнейшем алтаре Этрурии, со святилищем бога Вольтумны, том самом, где были обнаружены знаменитые золотые скрижали. Но эти пиратские действия, какими бы болезненными они ни были, были лишь точечными акциями и, без сомнения, имели мало значения по сравнению с длительной и глубокой подрывной работой, связанной с чередой войн против Рима.

◆ Рим против Вейи: Столетняя война

Вейи стал первым городом, вступившим в бой честолюбивым соседом. Война, которая началась в 455 году до н.э., проходила в три главных этапа и закончилась в 396 году до н.э. падением этрусского города после десятилетней осады, которую воюющие стороны не упустили возможности сравнить с осадой Трои. Детали этой длинной войны хорошо известны, но все же необходимо помнить о двух вещах: с одной стороны, рассказы о боевых действиях исходят от историков-римлян (от Тита Ливия, опиравшегося на данные Фабия Пиктора), которые не могли удержаться от восхваления действий римлян, с другой стороны, нужно вернуть это столкновение к его настоящей первопричине, которая в большей степени была связана с личными интересами рода Фабиев¹, чем с интересами всех римлян.

Формальный повод к этой войне заключался в претензиях могущественного рода Фабиев, поддержанного несколькими тысячами их сторонников (некоторые историки называют цифру в пять тысяч человек), на небольшой городок Фидены. Он действительно имел латинское население, но находился под защитой Вейи и стремился там и оставаться. Но Рим в ту эпоху распространил свою гегемонию на Лаций и сделал вывод, что Фидены, будучи латинским городом, должны перейти под его власть. Однако истинная причина войны крылась в другом: именно в Фиденах находился единственный брод, который позволял пересечь Тибр и открывал торговый путь на юг; здесь проходила старинная соляная дорога, и удержание этого места было гарантией существенных прав, которыми пользовался этот городок. Наконец, территория рода Фабиев соседствовала с территорией Фиден. Поэтому вполне понятен личный интерес этих богатых римских аристократов, которые могли пользоваться своим положением, чтобы придать вид государственной необходимости этому банальному корыстному присвоению: ведь кто-то из Фабиев всегда занимал место консула с 485 по 479 гг. до н.э.

Военные действия были начаты в 485 году до н.э. консулом Фабием Квинтом. Первую войну окружили ореолом подвигов членов рода Фабиев, из которых триста шесть человек попали в засаду возле Кремеры, небольшого притока Тибра, в 477 году до н.э. Род Фабиев был почти уничтожен. Армия Вейи при-

¹Фабии — древнеримский патрицианский род. Его представители рода участвовали почти во всех важнейших событиях римской истории (например, в сражении против этрусков при Вейях в 477 году до н.э., во время которого погибло 306 членов рода Фабиев). К роду Фабиев принадлежали полководец Фабий Максим и историк Фабий Пиктор. — *Примеч. неф.*

шла на Яникул, один из римских холмов, и стала морить голодом жителей Рима. Перед лицом подобной катастрофы было заключено перемирие на срок лет. Но в 438 году до н.э., после жестокого убийства в Фиденях двух римских послов, война возобновилась. Претензии Рима на городок, стоящий на берегу Тибра, остались неизменными: вейское присутствие на «римском» берегу Тибра представляло собой неприемлемую угрозу. Римский военачальник Корнелий Косс покрыл себя славой, убив в единоборстве царя Вейи Ларса Толумния и пожертвовав снятые с него доспехи в храм Юпитера на Капитолийском холме. После различных превратностей судьбы как для одной, так и для другой стороны, Фиденя были взяты римлянами в 425 году до н.э., после чего городу Вейи была дана передышка на двадцать лет. Этрусский город, потерявший стратегический пункт на Тибре, был ослаблен.

Это поражение спровоцировало в Вейях политический кризис между аристократами и представителями народа. Начался острый конфликт. Тит Ливий утверждает, что кризис завершился восстановлением царской власти. В действительности речь могла идти об установлении тирании, опиравшейся на руководителей черни, что объясняет отсутствие солидарности с другими этрусскими городами, в которых господствовали местные аристократы. Римский историк уточняет, что другие члены этрусской конфедерации, хотя их настойчиво просили три раза — в 405, в 404 и в 397 гг. до н.э. — отказали в поддержке «царю» Вейи.

Последняя фаза этого конфликта — с 406 по 396 гг. до н.э. — изображена Титом Ливием как «тройанская эпопея» Рима, в которой осада Вейи представляется осадой Трои. В этом заключается неточность рассказа. Мы знаем, какую роль в этом сыграл старый диктатор Марк Фурий Камилл и Марк По-

стумий Альбин (см. Тит Ливий, книга V). Но некоторые факты указывают на то, что этруски также осознавали параллель между троянским циклом и войнами, ведомыми Римом против их городов. Между тем они использовали легенду иначе: для них троянцами были римляне! На стенах гробницы Франсуа в Вульчи рядом со смертью царя Тарквиния, вызванной ударами людей Вибенны и Мастарны, представлено жертвоприношение троянских пленных. Для Вел Сатиса, владельца гробницы, представленного в качестве триумфатора после победы, которую он одержал над римлянами в ходе войны между Тарквиниями и Римом в период с 358 по 351 гг. до н.э., посыл был предельно ясен: римский враг не заслуживает другой судьбы, кроме судьбы троянских пленников. Так рождаются легенды.

Тем временем Рим только что раздавил свою первую этрусскую жертву — город Вейи. В реальности, которая очень далека от волшебной-религиозной атмосферы рассказов Тита Ливия, жителей города истребили или продали в рабство. Богиня Уни была «передана», то есть увезена в Рим и установлена в храме на холме Авентин. Рим значительно увеличил свою территорию, распространив господство на Капену и частично Фалерию. Все равновесие в регионе оказалось измененным, и наиболее мощные города поняли, что надо выбирать между сотрудничеством с Римом (что сделал город Цере) и попытками сопротивляться намерениям опасной столицы латинян.

◆ Набег галлов

Галлы также были известны этрускам. В начале IV века до н.э. некоторые их племена просочились на равнины реки По, привлеченные плодородием

земель и вином, которое они научились ценить с V века до н.э. Инсурбы, бойи и сеноны, пришедшие с севера последовательными волнами, захватили север Италии. Кельты заинтересовались богатыми городами Падуанской Этрурии и стали понемногу беспокоить их, а потом заняли. Последний удар был нанесен сенонами, которые в начале IV века до н.э. захватили восемнадцать этрусских городов на севере, а потом проникли в центральную часть Этрурии. Принято считать, что Мельпум (он же Милан) попал в руки кельтов в день падения Вейи.

В 390 году до н.э. сеноны, сея ужас, спустились в долину Чианы, вынудив к сопротивлению Ареццо и осадив Кьюзи. Легенда, рассказанная Титом Ливием (V, 33), приписывает ответственность за это вторжение одному виноторговцу, некоему Аррунсу, который обратился за помощью к галлам, чтобы отомстить царю города, виновному в том, что он соблазнил его жену. Он якобы послужил гидом для галлов и помог им пересечь Альпы! Реальность, вероятно, была не такая поэтическая. Кьюзи призвали на помощь Рим. Воинственные кельты пугали не только своим вооружением, но и своей дикостью. Римская армия была побеждена у небольшой речки Аллии, и галлы спустились до самого Рима, который они взяли без сопротивления — вопреки легенде о гусях, якобы спасших римскую честь. Взятие Рима, официально датированное 390 годом до н.э., имело место, скорее всего, в 386 году до н.э. Захватчики завладели землями в Этрурии и обосновались на Апеннинах, как об этом свидетельствует, например, великолепная бронзовая статуя воина из Тоди, известная под названием Марс из Тоди. Статуя эта была передана в дар алтарю этого города кельтским начальником Агалом Трутитисом. Присутствие кельтов в Падуанской Этрурии зафиксировано лучше,

так как Дионисий Сиракузский подписал с ними союзнический договор, добившись передачи нескольких укрепленных пунктов на побережье Адриатики.

◆ Конец независимости этрусских городов

Еще больше века потребовалось Риму на то, чтобы удержать всю Этрурию под своей властью, и отсутствие реального союза между этрусскими городами стало важным фактором этого успеха. Цере, например — возможно ввиду своей близости с городом Ромула — предпочел разыграть союзническую карту. Это соглашение между обоими городами было столь прочным, что во время взятия Рима Бреннусом и его галлами Цере принял у себя весталок¹ и римские «sacra»². За это знать Цере получила в награду частичное право римского гражданства. Надо сказать, что набеги сиракузцев и разграбление алтаря Пирги подтолкнуло церитов к поиску поддержки столь мощного союзника.

Город Тарквинии, напротив, чувствуя угрозу, объединился с некоторыми соседними городами против Рима, который, завладев Сутриумом и Непете, стал проявлять агрессивные намерения в отношении внутренней части Тосканы. Но это обернулось провалом в 382 году до н.э. Началось наступление тарквинийцев, которым помогали только жители Фалерии и в течение некоторого времени жители Цере (в 358 году до н.э.). Другие города (Вульчи, Вольсинии и Кьюзи) отказались принимать в этом участие. Война, которая длилась семь лет, оказалась одной из самых жестоких в ту эпоху. Таким

¹ Весталки — жрицы римской богини Весты, поддерживавшие, в соблюдение древнего обычая, вечный огонь в ее храме. — *Примеч. пер.*

² Sacra — святыни.

образом, в 358 году до н.э. Рим, казалось, был разбит, и тарквинийцы устроили массовые человеческие жертвоприношения на центральном форуме своей столицы, убив триста семь пленных римлян (на одного больше, чем триста шесть пленных, которые были убиты в начале войны между Вейи и Римом). Этот акт, конечно, имел религиозный характер, но у него были еще более безжалостные последствия, когда римская армия перешла под начало полководца Фабия. Мести пришлось ждать пять лет, а потом Рим, став, в свою очередь, победителем, убил триста пятьдесят восемь пленных тарквинийцев на их же собственном форуме. Таким образом, конфликт закончился катастрофой для большого этрусского города, территория которого была полностью опустошена. Потом Рим предоставил городу перемирие на сорок лет. Цере был наказан за предательство: город вынужден был платить подать, предоставить Риму людей и принять у себя римскую администрацию. Так покончили с его независимостью.

Во время этой ужасной войны на стороне города Тарквинии мы можем увидеть Аулуса, члена семьи Спуринна, который, согласно одной из элогий, обнаруженных на форуме города, принимал участие в боях. Знаменитый полководец Вел Сатис из Вульчи (тот, что похоронен в гробнице Франсуа), который жил в эту эпоху, похоже, добился триумфа во время этого конфликта — без сомнения, в самом его начале, что могло означать, что жители Вульчи все же оказывали Тарквинии поддержку своими войсками. Но тут мы вынуждены довольствоваться одними лишь гипотезами.

В течение нескольких десятилетий царило относительное спокойствие, если не считать нескольких локальных мятежей, о которых мы знаем очень мало. Последняя фаза столкновения началась в

311 году до н.э. Несколько объединенных городов (Вольсинии, Кортоня, Перуджа, Тарквинии и даже Фалиски) попытались отобрать у римлян город Сутриум, ставший римской колонией. Поражение этрусков было полным: шестьдесят тысяч убитых. Другое сражение, которое было дано на озере Вадимон у самых укреплений Перуджи, также закончилось тяжелым поражением. И тут у этрусков появился сильный союзник: самнитский полководец Геллий Эгнаций, который во главе своей армии прибыл в Этрурию в поисках союза с Вольсиниями и Кьюзи. Надо напомнить, что в то же время велись Самнитские войны, которые нанесли римлянам несколько тяжелых ударов (например, в Кавдинском ущелье в горах Самния около города Кавдия, где в 321 году до н.э. римская армия потерпела поражение от самнитов). К этрускам и самнитам присоединились умбрийцы, сабины и кельты. Несколько столкновений в различных местах закончились тяжелыми поражениями для коалиции, и так продолжалось вплоть до последнего сокрушительного удара, нанесенного в 295 году до н.э. при Сентине, в северной Умбрии. Около ста тысяч галлов и их союзников были убиты (Тит Ливий, X, 32, 1, и Диодор, XXI, 6, 1). Союз противников Рима распался. Остатки галлов и самнитов отступили в разных направлениях: одни — на север, другие — на юг, а этрусские города, принимавшие участие в антиримском движении (Вольсинии, Перуджа и Ареццо), вынуждены были в 294 году до н.э. согласиться на перемирие с уплатой большой контрибуции. В 293 году до н.э., в свою очередь, сдались Фалерии.

Десятью годами позже, после затруднений римлян, имевших место в Лукании и в Бруттиуме, коалиция возродилась с еще большей активностью на юге Этрурии. Но Рим вновь поборол сопротивление,

благодаря Квинту Марцию Филиппу (281 год до н.э.) и Тиберию Корнуканию (280 год до н.э.), который отметил свой триумф в городах Вольсинии и Вульчи. Города этрусков были вынуждены сдаваться поочередно. В целом этрусские аристократы понимали, что их экономический и политический интерес теперь состоит в верности Риму. На севере и в центре Этрурии Рим довольствовался тем, что забрал себе богатства и утвердил свое господство договорами. Что касается приморских городов (Тарквинии, Вульчи и Розелла), то там все шло по-другому: основание колоний и конфискация половины земель стали ценой, которую им пришлось заплатить за то, чтобы подписать мирное соглашение.

Последним городом, который попал в руки римлян, стали Вольсинии; это произошло в 265 году до н.э. Религиозное сердце Этрурии (местонахождение святилища бога Вольтумны). Защищенный надежными укреплениями, город не испытывал ни в чем нужды и имел возможность выстоять, но мятеж вольсинийских рабов, которые вдруг потребовали перераспределения аграрной собственности, толкнул аристократов к тому, чтобы позвать на помощь Рим. Римляне подвергли город длительной осаде. После взятия Вольсинии были разорены, а все его население переселили на берег близлежащего Большенского озера, где был создан новый город. Победитель, Марк Фульвий Флакк, распял восставших на крестах и не упустил возможности вернуться в Рим в качестве триумфатора.

Пример Вольсинии показывает, что, помимо борьбы за независимость, Этрурия познала одновременно и внутренние мятежи политического и социального характера. Римское присутствие совпало, таким образом, для нее с периодом глубоких потрясений. С другой стороны, эта смертельная

борьба оставила Этрурию обескровленной, а ее земли опустошенными. Если оставить в стороне несколько локальных мятежей, то она могла лишь позволить себе пассивно интегрироваться в структуру римской власти.

◆ Интеграция

Разоренным этрусским городам необходимо было время для выздоровления. Можно считать, что они вновь пришли в равновесие в начале II века до н.э. после волнений, спровоцированных восстаниями рабов (последнее восстание в Этрурии датируется 196 годом до н.э.) и скандалов, связанных с вакханалиями (186 год до н.э.)¹. Но в это время романизация уже сделала свое дело: шла медленная реорганизация территорий при сохранении местных обычаев и религии, открывались новые пути сообщения, чтобы облегчить передвижение армий и торговцев, шло обустройство колоний.

Интеграция не была резкой, а шла постепенно. Это можно констатировать на примере языка: этрусский язык оставался разговорным почти везде в течение более чем целого века, и города переходили на латынь поочередно в период с конца II века и в течение почти всего I века до н.э. Так продолжалось почти до начала новой эры, как, например, в Вольтерре. Погребальные обряды романизовались лишь к первым годам Империи. В то же время мы знаем, что некоторая специфичность этрусской жиз-

¹ Вакханалии — латинское название общеантичного культа Вакха (Диониса). В Риме в 186 году до н.э. было принято постановление сената, запретившее справлять вакханалии по всей Италии, кроме некоторых случаев. Это мотивировалось тем, что празднества сопровождались величайшими бесчинствами и даже убийствами. — *Примеч. пер.*

ни, особенно в религиозной области, была принята римским обществом и сохранялась несколько веков.

В III веке до н.э. богатство Этрурии, особенно в области сельского хозяйства, снова сыграло важную роль. Страна была вынуждена (без сомнения, по принуждению) материально поддерживать военные мероприятия римлян. Этрусские земли были разделены на огромные латифундии, принадлежавшие богачам, которые для их обработки использовали настоящие легионы рабов. Известно, что Тиберий Гракх во время поездки в Испанию проезжал через Этрурию и был поражен пустынностью страны и практически полным исчезновением свободных крестьян-землевладельцев. В нем сложилось убеждение, что преобладание крупного землевладения — это существенный недостаток римского экономического и социального строя и источник всех бедствий республики. Возвратясь в Рим, он добился избрания в трибуны и предложил аграрную реформу, по которой определялась максимальная норма владения общественной землей.

Интеграция Этрурии с Римом полностью завершилась после Союзнической войны, то есть после восстания италийских племен против Рима в ответ на отказ римского сената предоставить права римского гражданства италийским союзникам. Каждое племя выставило свою армию, общая численность которой достигла двухсот тысяч человек, превысив численность римской армии. В результате, в 90 году до н.э. Рим даровал права римского гражданства италийским племенам, в том числе и этрускам. Все италийские общины практически превратились в римские муниципии. Этрурия была разделена на шесть трибов (округов). Начиная с этой даты, внутренняя история Этрурии смешалась с историей Рима.

Это новое положение не помешало Этрурии представлять собой для римлян культурную модель и образец утонченной цивилизации, что всегда вызывало у них уважение и восхищение.

ХРОНОЛОГИЯ

(Знаками [] отмечены некоторые важные события, не имеющие прямого отношения к этрускам)

◆ Начало

III–XVII вв. до н.э.: Ранний бронзовый век

XVI–XIV вв. до н.э.: Средний бронзовый век. Аппенинская культура и начало мисийского влияния.

XIII век до н.э.: Эпоха легендарной миграции лидийца Тиррена.

XIII–XII вв. до н.э.: Поздний бронзовый век. Рост мисийского влияния.

XII–X вв. до н.э.: протовиллановианский период. Распространение кремации.

XI век до н.э.: начало отсчета собственно этрусской истории

◆ Развитие Этрурии

IX–VIII вв. до н.э.: виллановианский период. Начало железного века [814: основание Карфагена. Начало греческой колонизации Италии и Сицилии:

775: основание поселения на острове Питекуссы (Искья).

753: основание Рима.

750: основание Кум.

730: основание Сиракуз.

710: основание Сибариса, Кротоне и Таренто].

◆ Апогей

VII–VI вв. до н.э.: апогей этрусской цивилизации.

VII век до н.э.: распространение этрусков в центральной Италии (основание Ареццо, Перуджи, Кортоны).

VII – начало VI вв. до н.э.: так называемый ориентализирующий период.

Союз этрусков и карфагенян: талассократия (западное Средиземноморье).

616–509: господство этрусских царей в Риме:

616–578: правление Тарквиния Древнего.

578–534: правление Сервия Туллия.

534–509: правление Тарквиния Гордого.

VI век до н.э.: распространение этрусков в Кампанье и на севере Этрурии (?).

560: после основания Марсея (600) фокейцы¹ обосновываются на Корсике.

550: этрусско-карфагенский союз против греков.

540/535: морская победа над фокейцами (Алалия, на Корсике).

524: основание Марцаботто и Спины; победа Аристодема над этрусками (?).

510: разрушение Сибариса в ходе войны с Кротоне.

510–500: апогей художественных работ в Вульчи и Вейи (храм Аполлона).

509: легендарная дата изгнания царей римлянами (мятеж Брута).

508–506: Порсенна, царь Кьюзи, занимает Рим.

506: римляне разбивают этрусков при Ариции (?).

504: победа Аристодема и латинян над сыном Порсенны при Ариции.

¹ Phocéens – фокейцы. Фокея – древний город в Малой Азии, жители которого, бежав от персов, основали Массилию (Марсель). В современном французском языке Phocéen марселец. – *Примеч. пер.*

499: победа Рима над латинянами при озере Регилле.

◆ Неудачи

V век до н.э.: падение этрусков на их первоначальной территории.

[480: победа греков над карфагенянами при Гимере и над персами при Саламине].

477: первые столкновения между Вейи и Римом (?).

474: морское поражение этрусков близ Кум от греческой коалиции, ведомой Гелоном Сиракузским.

426: Рим захватывает Фидену.

423: взятие Капуи самнитами (конец этрусского господства в Кампанье).

[414—412: столкновения между греками и карфагенянами в Сицилии].

406: начало осады Вейи римлянами.

примерно 400: начало галльского вторжения в Италию (?).

◆ Потеря самостоятельности

IV — начало III вв. до н.э.: римское завоевание Этрурии.

396: взятие Вейи римлянами. Галлы захватывают Мельпум (Милан).

390/388: галлы осаждают и сжигают Рим.

386: союз Рима и Цере.

384—383: поход Дионисия Сиракузского против Цере.

383: взятие Сутриума римлянами.

358: начало войны между Римом и Тарквиниями (в союзе с другими городами): победа Тарквинии.

353: победа Рима над Цере.

351: победа Рима над Тарквиниями.

Взятие Фелсины галами. Начало образования Цизальпинской Галлии.

[321: поражение Рима от самнитов: Кавдинское ущелье¹].

310: завоевание внутренней Этрурии (Ареццо, Кортона, Перуджа).

308: подчинение Тарквиний (город подписал перемирие на 40 лет).

301: восстание против этрусского рода Цильниев (в Ареццо).

295: поражение этрусков, галлов и самнитов от римлян при Сентине.

Подчинение Вольсинии, Ареццо, Перуджи.

293: подчинение фалисков.

283: поражение этрусков от римлян (у Вадимонского озера).

280: союзный договор Рима с городами Вольсинии, Ареццо, Перуджа, Вульчи, Розелла, Ветулония, Популония.

273: аннексия Римом территории Вульчи.

265: взятие и разрушение Вольсинии.

◆ Интеграция в Римскую империю

Конец III века до н.э.: романизация Этрурии.

[264–241: первая Пуническая война].

¹ Fourches Caudines — во время долгой борьбы с самнитами, одним из племен Южной Италии, в 321 году до н.э. римская армия потерпела сокрушительное поражение в Кавдинском ущелье. Пленные, в том числе и два консула, должны были сдать оружие и доспехи и пройти под «ярмом» (два копыя, воткнутые в землю, а третье положено на них) в знак покорности. Подробный рассказ об этом событии есть у Тита Ливия в его «Истории Рима» (книга IX). Ныне это выражение обозначает какие-либо унижительные обстоятельства, через которые приходится пройти в жизни. — *Примеч. пер.*

245 (?): основание римской колонии в Пирги (или 300?).

241: разрушение Фалерий. Строительство консульских дорог Виа Аурелия и Виа Америна.

225: победа при Теламоне союзников римлян и этрусков над галлами.

Строительство дороги Виа Клавдия.

[218—201: вторая Пуническая война].

205: этруски способствуют отправлению Сципиона в поход против Карфагена.

196: восстание рабов в Этрурии.

189: основание латинской колонии в Болонье.

183: основание римских колоний в Парме и Модене.

181: основание римских колоний в Грависке и Сатурине.

177: основание римской колонии в Луни и латинской колонии в Лукке.

154 (или 125): строительство дороги Виа Кассия.

133—121: аграрные реформы Гракхов, которые не касались этрусской территории.

91: поход на Рим этрусков, враждебных законам Ливия Друзуса.

88: в результате Союзнической войны этрусские города получают права римских городов.

82: диктатор Сулла наказывает Ареццо и Вольтерру конфискациями их территорий после гражданской войны, в которой этруски поддерживали Марию.

42: война в Перудже: во время гражданской войны между Антонием и Октавианом город удерживался людьми первого и был разрушен людьми второго.

40: Этрурия становится седьмой римской провинцией.

II

ТЕРРИТОРИЯ ЭТРУРИИ

О какой Этрурии мы говорим? Свидетельства древних, греческие и римские, рисуют нам образ сильной страны, территориально единой, стоящей во главе обширного союза племен и внушающей к себе уважение других древних народов. Катон, например, категорически утверждает: «почти вся Италия была под властью этрусков» (Сервий, «Комментарии к Энеиде», XI, 567). Фукидид, согласно Дионисию Галикарнасскому (I, 25), отмечал: «Тиррения была знаменита тогда во всей Греции и Западной Италии». Тит Ливий писал, что «репутация Этрурия распространялась на земли и моря от одного до другого конца Италии» (I, 2), а оба моря, которые окаймляли Италию, обязаны были ей своими названиями: «итальянцы называют одно морем Тосканским (Тирренским), другое — Адриатическим, от названия города Адрия, который был колонией этрусков» (V, 33).

Но существовала ли такая Этрурия? Разумеется, она существовала в воображении иностранцев, которые рассматривали ее глобально и оставались под впечатлением ее великой истории. Разумеется, она существовала в понимании императора Августа, который в 27 году до н.э. сделал Этрурию седьмым административным регионом Италии. Но эта Этрурия не соответствовала никакой политической реальности. Этрусского государства никогда не было, как не существовало и этрусской империи в смысле единой

территории, над которой господствовало централизованное государство. Этрурия была конфедерацией двенадцати независимых городов-государств (часто соперничающих между собой), по образу того, чем были греческие полисы. Возможно, этруски чувствовали свою принадлежность к одной и той же этнической общности, так как они собирались каждый год у алтаря общетрурского бога Вольтумны; там избирался *rex* или *praetor Etruriae*, власть которого была, скорее, религиозной, чем политической. Похоже, что такой «глава» Этрурии символизировал главным образом сознание принадлежности к одному народу и не означал подчинения ему других городов.

Если мы хотим очертить этрусскую территорию, то надо исходить не из политических соображений, а рассматривать лишь сферу культуры. Повсюду, где в Италии использовался этрусский язык, везде, где археология предоставила нам свидетельства искусства и образа жизни этрусков, всюду можно говорить, что мы находимся на этрусской земле. Таковы, в частности, Центральная Этрурия и два ее территориальных продолжения — одно на юге, в Кампанье, другое на севере, на правом берегу реки По и на левом берегу вплоть до Мантуи. Можно было бы к этому добавить и поселения на Корсике и на островах Липари. Но все эти территориальные ответвления, даже если они были очень важны (как, например, Кампанья), имели лишь в той или иной степени длительное существование во времени и были лишь в той или иной степени проникнуты этруским контекстом. Поэтому главной территорией этрусков остается Центральная Этрурия, которую мы также можем назвать «Внутренней Этрурией». Эта территория не соответствует нынешней Тоскане, которая включает в себя северные земли от реки Арно, как впрочем и Реджо, но исключает восток

Древней Этрурии (Перуджа располагается отныне в Умбрии) и, главным образом, распространяется на юг от озера Больсена до Рима. Этот последний регион составлял самое сердце древней земли этрусков. Ее контуры грубо можно очертить, приняв за северную границу — реку Арно, восточную — Тразименское озеро и Умбрию, а южную — реку Тибр, которая отмечала границу с Римом и латинскими городами. И при этом даже внутри этих границ было трудно говорить о каком-то единстве ее населения, кроме культурного и лингвистического.

ЛАНДШАФТ

Нет сомнения, что ландшафты Этрурии нашли отражение в искусстве этрусков. Пышная красота городов юга угадывается в торжественных очертаниях саркофагов; выразительные жесты персонажей раскрашенных гробниц Тарквиний сочетаются с округлостью окружающих холмов; краски, нанесенные на стены гробниц, гармонируют с великолепием разноцветных пейзажей, свидетельствующих о сельскохозяйственном богатстве Этрурии, которое отмечали древние авторы. Произведения искусства этрусков вызваны соперничеством с природой Центральной Италии, открытой к остальному миру своими гостеприимными берегами. Во внутренней части, в области труднодоступных гор, с ее непроходимыми лесами, все это отражается в более твердом характере и закрытости жителей. На севере многочисленные зловонные болота объясняют большую рассеянность по территории и более упорный темперамент людей, которые должны были жить ценой бесконечных усилий по оздоровлению и удобрению своей земли.

Этрурия — это прежде всего страна холмов и воды. Добрую половину территории на востоке занимают горы. На долю равнин приходится примерно 10%, а остальную часть составляют холмы, главным образом, из песчаника, известняка и глины — на севере, вулканического туфа и лавы — на юге; повсюду они прорезаны долинными и глубокими оврагами. Поэтому людям не составляло никакого труда возводить города на высотах для обеспечения своей безопасности, оставляя пиратам и возможным захватчикам лишь прибрежные территории.

Укрепленные города обычно господствовали над рекой, которая использовалась как основным путь сообщения. На этрусской территории было две главных реки: Тибр и Арно. Еще две реки, Палья и Чиана, представляют собой два притока Тибра. Другие реки, вроде Чечины (около Вольтерры), Бруны (в Ветулонии), Омблоне, Фиоры или Марты (соответственно в Розелле, Вульчи и Тарквиниях), спускались по холмам и впадали в море. В стране этрусков было много озер, например, Большена и Браччиано, которые занимали кратеры бывших вулканов.

Надо думать, что античный ландшафт был намного более лесистым, чем сегодня, а климат — гораздо более влажным. Рим считал лесное богатство Этрурии неисчерпаемым. Этрусский лес использовался для строительства кораблей; города Вольтерра, Кьюзи и Перуджа поставляли лес, необходимый для строительства римского флота во время Второй пунической войны. В древние времена тосканцы поставляли еловую древесину в Карфаген, а Теофраст хвалил качество этрусских буков.

Едва спустившись в долину, можно было видеть густые рощи и посевы зерна на плодородной и жирной почве, а также лужайки, «покрытые цветами»... «счастливое расположение которых радует взгляд».

Плиний Младший («Письма», V, 6, 7–13), имевший в этих местах великолепную виллу, не устает восхищаться этой гармонично сложной «картиной большой красоты»:

«Представь себе огромный амфитеатр, такой, который может придумать только природа. Широко раскинувшаяся равнина опоясана горами, вершины которых покрыты высокими старыми рощами; дичь там обильна и разнообразна. Дальше спускаются по горе леса, откуда берут листья на корм скоту; между ними холмы с жирной почвой (если даже будешь искать здесь камни, вряд ли они попадутся), плодородием не уступающие полям на равнине; обильная жатва тут ничуть не хуже, только вызревает позднее».

На берегу положение было не таким радостным. Плиний Младший в том же письме отмечает: «Воздух плох и насыщен миазмами в той части берега, которая образует побережье». С эпохи римского завоевания начались заболевания малярией. Еще Катон отмечал ее присутствие в районе Тарквиний. На севере Маремма имела репутацию нездоровой местности, и были нужны все знания и изобретательность этрусских агрономов и гидротехников, чтобы проводить дренаж земли и делать воздух пригодным для дыхания. Это было характерно для большей части Этрурии, и можно лишь догадываться, что богатства местного ландшафта обязаны поту и крови ее жителей. Тем не менее, прибрежные зоны оказались наиболее уязвимыми, и когда начался упадок приморских городов, нездоровые условия привели к стерилизации земель. Поэтому процветание переместилось к городам внутренней части, и поэтому в эпоху империи можно было считать Ареццо, Кортону или Перуджу наиболее важными городами Этрурии.

ДВЕНАДЦАТЬ ГОРОДОВ

Древние авторы (Дионисий Галикарнасский, Тит Ливий, Сервий и др.) говорят об этрусках, как об индивидуальностях, но также упоминают и нацию, объединяющую двенадцать народов, двенадцать городов. Слово это следует воспринимать в его греческом значении: город (полис) — это независимое государство со своей столицей и своей территорией, которая объединяет вокруг столицы некоторое число маленьких центров. Археологи обнаружили несколько межевых столбов с надписями (tular по-этруски), которые служили для обозначения границ населенных пунктов и которые показывают значимость понятия «граница» для менталитета этрусков. Это понятие было не менее значимым и для менталитета римлян, которые, возможно, унаследовали его от своих тосканских соседей.

Между тем совершенно очевидно, что эти города появились не с такими четко определенными раз и навсегда границами на заре виллановианской эпохи. Они образовывались более или менее быстро, и границы подвластной каждому городу территории могли существенно меняться в течение веков. Нередко получалось так, что некоторые довольно важные центры (как Мурло), расположенные на границе некоторых городов, долго сохраняли свою самостоятельность прежде чем перейти под власть более сильной столицы. Некоторые города могли также вступать друг с другом в конфликт по поводу небольших процветающих центров, которые принадлежали то одному, то другому городу (так, например, происходило при определении границы между городами Цере и Тарквинии, которая менялась неоднократно). Наконец, по простым и самым разнообразным причинам, вызванным исторической и экономической эволюцией, города, господствовав-

шие в VII и VI вв. до н.э., совершенно не обязательно оставались такими же мощными три века спустя.

Площадь и плотность населения территорий полисов были различны. П.Брант смог установить, что общее население Этрурии в III веке до н.э. могло составлять приблизительно 275000 человек (речь идет о свободных людях). Он считает, что число жителей самых больших городов (Вейи, Цере и Тарквинии) не должно было превышать 30000 человек. Эти цифры, достаточно скромные по сравнению с общей площадью Этрурии, показывают, что могущество этрусков в меньшей степени было связано с их численностью и в большей — с уровнем их цивилизации.

Остается попытаться составить список двенадцати городов на определенный момент истории Этрурии, например, на период ее максимального расцвета. И тут быстро выясняется, что имеется гораздо больше кандидатов, чем мест! А это заставляет задуматься о числе «двенадцать»: не идет ли здесь речь о каком-то символическом количестве городов, например, о количестве членов этрусской лиги городов, которая существовала в течение четырех или пяти веков? А может быть, стоило бы установить зависимость между числом городов и числом месяцев в году? Но что мы знаем об этрусском календаре? Любая гипотеза, в том числе и связанная с религиозными данными, остается не поддающейся проверке. Что известно точно, так это то, что основание любого города соответствует урбанистическим усилиям столицы, которая таким образом утверждала свое влияние на территории, над которой она намеревалась господствовать.

Главнейшими и самыми древними городами Этрурии являлись Тарквинии, Цере, Вейи, Вульчи, Вольсинии, Кьюзи, Вольтерра, Ветулония, Популония, Кортон, Ареццо и Перуджа. Этот последний

город, правда, находится на умбрийской территории, хотя его этрусский характер является бесспорным. Может быть, к этому перечню стоило бы добавить и Розеллу, находившуюся недалеко от Ветулонии (этот город стал развиваться, когда его сосед пришел в упадок). Был и еще один крупный город — Фьезоле, но некоторые историки отказываются добавлять его к вышеприведенному списку. Нет ничего удивительного в том, что по мере перехода территории Этрурии под власть римлян список членов бывшей этрусской лиги городов изменился, и их число возросло с двенадцати до пятнадцати.

ГОРОДА ЮЖНОЙ ЭТРУРИИ

Древнее сердце Этрурии билось на юге. Там, к северу от Тибра, находились четыре древнейших населенных пункта, которые и сформировали этрусскую цивилизацию. Именно они выковали могущество этрусов: это Тарквинии, Цере, Вейи и Вульчи. Чуть дальше от моря и чуть позже появился город Вольсинии, ставший символом древней славы этого народа: здесь было основано святилище бога Вольтумны, имевшее общенациональное значение и служившее духовным символом единства этрусов, к которому так сложно было прийти на практике.

◆ Тарквинии

Тарквинии являются наиболее важным городом Этрурии, который этрусски считали первоначальным очагом своей нации. Его название Тарс(u) на / Тарснал (по латыни: Tarquinii) могло соответствовать множественному числу, обозначавшему множество жилищ. Город этот очень древний; он, без сомнения,

был первым, кто начал торговые и культурные отношения с Грецией. Его репутация основывалась на его художественном, экономическом и религиозном блеске.

Нам известны имена двух легендарных основателей города: это Таркон (по Геродоту) и Тагес, мальчик с умом старца, появившийся, согласно легенде, прямо из борозды, чтобы дать жителям этой земли «Этрусское учение» (*disciplina etrusca*) (согласно Цицерону, трактат «*De Divinatione*», II, 23).

Регион был очень богат и процветал уже в виллановианскую эпоху. Например, работы Фонда Леричи позволили обнаружить более шести тысяч гробниц, среди которых некоторые содержат удивительно красивые образцы древней живописи.

Если границы территорий были довольно четко определены на севере и на юге, то на востоке и на юго-востоке все обстояло иначе: конфликты с городом Цере из-за контроля над рудниками гор Толфа объясняют постоянные изменения границ, когда ряд сельских центров, перешедших к Цере в период с VII по V вв. до н.э., вновь вернулись под власть Тарквинии в IV веке до н.э.

Процветание города связано с основанием порта Грависка в конце VII века до н.э., открывшим этрускам путь в греческий мир. Сюда стекались торговцы с Ионических островов, а также политические беженцы, как, например, Демарат, уехавший из Коринфа, чтобы спастись от тиранов Кипселидов (657 год до н.э.), который, согласно легенде, стал отцом первого этрусского царя Рима Тарквиния Древнего. Иммигранты воздвигли в Грависке алтарь богинь Геры и Афродиты (примерно 570 год до н.э.) и оставили посвятельную надпись Аполлону, составленную на эгинском диалекте, которое является наиболее древней греческой надписью на этрус-

ской земле, свидетельствующей о греческом присутствии в этом месте.

Это новое процветание спровоцировало жажду господства, которая толкнула город к распространению своей власти на довольно обширную территорию, объединявшую многие мелкие центры (Акваросса, Тускания и т.д.) и образывавшую что-то типа греческого «схога» (пространства), где мелкие греческие города находились под властью более мощного города. Жалкие остатки города сегодня показывают, что внутри стен его улицы были прочерчены, как на шахматной доске, в строгом соответствии с этрусскими обычаями. Этот город надолго сохранил свой престиж, даже после римского завоевания, как это показывают обнаруженные элогии I века до н.э.¹

Можно считать, что благоустройство территории Тарквиний связана с открытием свободного порта Грависка и с его расцветом, за которым последовал рост богатства аристократии города. Таким образом, первая фаза благополучия Тарквинии связана с морем.

◆ Цере

Город Цере, наряду с Тарквиниями, является одним из самых известных и значимых городов. Он расположен на туфовом холме, в дюжине километров от побережья и в сорока пяти километрах к северу от Рима. Греки называли этот город Агилла, и присутствие церитских сокровищ в Дельфах доказывает близость их отношений с греческим миром. По-этрусски этот город назывался Хаиге, Хери, Хисра

¹Элогии — так в Древнем Риме назывались краткие записи, составленные в честь выдающихся личностей после их смерти. Первая элогия была посвящена выдающемуся полководцу, консулу 298 года до н. э. Луцию Корнелию Сципиону Бородатому. — *Примеч. пер.*

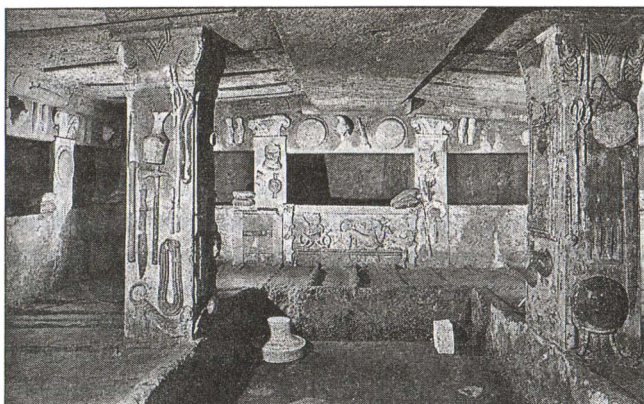
и Ceisra. Его площадь составляла 170 гектаров. Город был заселен с виллановианской эпохи (IX век до н.э.) и обязан своим расцветом росту торговли с финикийцами и греками с VII века до н.э. В конце IV века до н.э. население города оценивалось примерно в двадцать пять тысяч жителей.

Территория города Цере граничила с территорией Тарквиний на севере, и эта граница могла перемещаться в течение веков по причине соперничества между этими населенными пунктами за богатства гор Толфа (квасцы и металлы). На востоке Цере граничили с городами Вейи и Фалиски. Соперничество с Вейи усилилось в V веке до н.э. из-за добычи соли в районе устья Тибра, эти соляные шахты в течение долгого времени были единственными в регионе и служили источником огромных доходов. Цере даже были вынуждены вступить в союз с Римом против Вейи, а потом и против Тарквиний, чтобы защитить свои коммерческие интересы.

Цере — это, главным образом, город-порт, который был обязан своим благополучием доступу к морской торговле. Город имел торговые представительства на Корсике; известна его роль в сражении у Алалии в 540 году до н.э. Храмы Пирги и золотые скрижали, которые были здесь обнаружены, свидетельствуют также об отношениях Цере с Карфагеном. Именно из-за договоров и связей, соединявших Цере с пуниками¹, Дионисий Сиракузский опустошил этот город в 384 году до н.э.

Местные некрополи содержат гробницы, которые считаются одними из красивейших в этрусском мире. Здесь можно увидеть огромные гробницы-комнаты под курганами, которые с VII века до н.э. заме-

¹ Пуники — так в Западном Средиземноморье называли карфагенян (финикийцев). — *Примеч. пер.*

Гробница рельефов. III в. до н.э.

нили могилы в виде ям. Наиболее известными и имеющими наиболее старинную живопись считаются гробница Животных, гробница Львов и гробница Щитов (последняя датируется VI веком до н.э.). IV век до н.э. дал нам еще несколько больших гробниц, как, например, гробница Рельефов. Гробница Реголини-Галасси, которая содержит в себе останки женщины из высшего света, является одной из наиболее богатых среди всех сокровищ Этрурии.

◆ Пирги

Из трех портов Цере — Пирги (что означает «башни»), Алсиум и Пуникум — первый является наиболее значительным. Великолепная дорога шириной десять метров и длиной тринадцать километров соединяла его со столицей. Порт был экономическими легкими города Цере; он продолжил выполнять эту функцию и после разграбления Дионисием (384 год до н.э.), и потом, когда он стал римской колонией (в III веке до н.э.), и даже после эпидемий малярии, свирепствовавшими между 190 и 170 гг. до н.э.

Раскопки этого поселения позволили обнаружить остатки одного из самых больших и самых престижных алтарей южной Этрурии. Священное пространство составляло 6000 кв.м. Весь ансамбль включал в себя два храма (названные А и В) и священное пространство С, не считая нескольких вспомогательных зданий. Именно в колодце пространства С, которое составляло независимый алтарь, были найдены знаменитые золотые скрижали. Это пространство скрывало еще одно здание с приблизительно двадцатью помещениями, предназначенными для священных проституток, и о котором говорил Сервий, цитируя Луцилия.

Наиболее древний из двух храмов (названный В) датируется концом VI века до н.э. Он выполнен в греческом стиле, с одной целлой¹, четырьмя фронтальными и шестью боковыми колоннами. Храм был очень богато украшен. Его фронтоны напоминали, главным образом, про мифы о Геракле.

Храм А, построенный примерно в 460 году до н.э., выглядел еще солиднее. Он был выполнен в этруском стиле и имел три целлы. Его оформление, также многоцветное, было посвящено эпизодам «Похода Семи» против Фив². Музей этрусков в Вилла-Джулия в Риме представляет реконструкцию этого храма А.

¹ Целла (лат. *cella*) — главное помещение (святилище) античного храма, где находилось скульптурное изображение божества.

² «Поход Семи» против Фив — поход, предпринятый Адрастом, сыном Талая и Лизимахи, царем Аргоса, для защиты своего зятя, изгнанного из Фив братом Этеоклом. Из героев похода вернулся лишь Адраст, благодаря своему коню Арейону. Десять лет спустя он снова предпринял поход с потомками павших, так называемыми эпигонами, завоевал город, но потерял при этом сына и умер от горя.

Этот большой храм был посвящен этрусской богине Уни¹, которая идентифицировалась с финикийской Астатрой, что доказывает текст, обнаруженный на золотых скрижалях.

◆ Вейи

Город Вейи расположен в шестнадцати километрах от Рима и тянется вдоль Тибра по его правому берегу до самого моря. Его выгодное местоположение не могло не вызвать соперничества как со стороны соседнего этрусского города Цере, так и со стороны Рима. Хотя местонахождение порта Вейи и остается неизвестным, мы знаем, что он должен был существовать и играть важную роль, которая была связана с его близостью к соляным шахтам, снабжавшим солью как Лаций, так и фалисков.

Археологии обнаружили здесь остатки большого жилищного строительства в виллановианскую эпоху и урбанистический всплеск с конца VIII века до н.э. Богатство храмов свидетельствует и о богатстве самого города: Пиацца д'Арми и Портоначчо датируются VI веком до н.э. От последнего сохранились знаменитые глиняные скульптуры, изображающие, как Аполлон Дельфийский и Геркулес борются за священную лань. Археологи также обнаружили остатки городских укреплений (V век до н.э.) и сети каналов (тех самых, что позволили римлянам захватить город). Сельская местность также была покрыта дренажными каналами, которые свидетель-

¹ Уни — так в этрусской мифологии звали жену Зевса (у греков — Гера, у римлян — Юнона). В Пиргах были найдены золотые скрижали с текстами на финикийском и этрусском языках с посвящением этой богине (в финикийском тексте она именовалась Астартой, а в этрусском — Уни). — *Примеч. пер.*

ствуют о гидротехнических знаниях этрусков. Среди найденных гробниц стоит отметить знаменитую гробницу Кампана и гробницу Уток, которая является наиболее древней из покрытых росписью гробниц, которые удалось найти.

Тит Ливий рассказывает о длительной войне города Вейи с Римом. Лишь одна осада города длилась десять лет (с 406 по 396 гг. до н.э.), после чего римлянам удалось взять город лишь хитростью.

◆ Капена и Фалерии

Население Капены и Фалерий считается итальянским по происхождению по языку, но в культурном отношении — этрусским, начиная с VI века до н.э. Оба города находились рядом с городом Вейи и боролись против Рима.

Действительно, территория Капены располагается на перекрестке культур, о чем свидетельствует алтарь богини Феронии (*lucus Feroniae*), который уже блистал в VII веке до н.э. (но был razoren Ганнибалом в 211 году до н.э.), где были перемешаны латиняне, фалиски, сабиняне и этруски.

Фалерии, столица территории фалисков (в пятидесяти пяти километрах от Рима), была очень динамичным экономическим и артистическим центром (ее школа мастеров по керамике была одной из наиболее известных в Центральной Италии в IV веке до н.э.). С VII века до н.э. город поддерживал отношения с Грецией (там даже обосновался один греческий гончар), а легенда, которую приводит Катон, утверждает, что город даже являлся колонией Аргоса. Уничтоженные Римом в 241 году до н.э. древние Фалерии (*Falerii Veteres*) были вытеснены новым городом, расположенным в пяти километрах (*Falerii Novi*), куда римляне выслали все население.

В окрестностях Фалерии находится Фесценниум, где развивалась сатира, которая, согласно Горацию, легла в основу так называемых фесценин, то есть италийских народных стихов или песен в форме сатирических диалогов между людьми («Послания», II, I, 139–146). Эта форма сатирической поэзии могла быть первоисточником итальянского театра, в первую очередь, этрусского.

◆ Вольсинии

Город Вольсинии (по этрусски: Velsna / Velsnal; по латыни: Volsinii) был одним из наиболее процветающих и важных населенных пунктов внутренней части полуострова, хотя его судьба сильно зависела от эволюции прибрежных городов, в частности, Вульчи и Тарквинии.

Город находился между территориями Тарквинии, Вульчи, Кьюзи и Фалерии. Между тем мы знаем очень мало о его истории и, прежде всего, о точном положении столицы. Находилась ли она в районе Орвьето, где археологи обнаружили следы большого укрепленного этрусского города VII–IV веков до н.э.? Раскопки выявили здесь существование десятка храмов, среди которых самым замечательным является Бельведер (V–III вв. до н.э.), и нескольких некрополей, которые свидетельствуют о развитии, похожем на развитие соседних городов, по крайней мере, до III века до н.э. Некоторые историки предпочитают располагать Вольсинии на месте Больсены (в двадцати километрах), на холме, возвышающемся над городом римской эпохи, куда римляне после завоевания переселили всех жителей этрусского города. Материалы раскопок свидетельствуют о существовании здесь древнего поселения и соответствуют истории депортации его жителей.

Значимость Вольсинии объясняется также наличием (очень вероятно) на его территории святилища общенационального значения (*fanum Voltumnae*), появление которого датируется между 434 и 389 гг. до н.э. Каждый год представители всех этрусских городов собирались в нем, чтобы избрать царя Этрурии (*rex Etruriae*).

Вольсинии были последним городом, который пал под натиском римлян в 265 году до н.э.

◆ Вульчи

Город Вульчи стоял на плато, господствовавшем над районом Маремме, и был одним из наиболее крупных городов Этрурии; его амбиции и судьба значительно превосходили границы его территории.

По-этрусски город назывался *Velc*, *Velcl* или *Velci*, по латыни — *Volcii*. Его развитие было блестящим, начиная с виллановианской эпохи, особенно благодаря морским контактам с островами (главным образом, с Сардинией). Поставка товаров из Греции с конца VIII века до н.э. вызвала у местной аристократии вкус к роскоши. Город принимал у себя, как и Тарквинии, греческих ремесленников и художников (живописцев, мастеров по керамике). Найденные здесь археологами огромные некрополи показывают, что период наибольшего благополучия приходился на конец VII—V вв. до н.э. Это было связано, главным образом, со строительством одного или некоторых портов, местоположение которых, к несчастью, сейчас очень трудно определить.

В VII веке до н.э. могущество города, плотность населения которого была почти постоянна с виллановианской эпохи до I века н.э., позволило ему установить свою власть над обширной территорией и

включить в себя большое количество процветавших «oppida»¹, которыми управляла мощная аристократия. Земли были богаты. К доходам от морской торговли добавлялись доходы от сельского хозяйства. Морское поражение этрусков близ города Кумы (474 год до н.э.) еще больше усилило интерес Вульчи к внутренней территории, и так продолжалось до взятия города Римом в 280 году до н.э. Тиберием Корнуканием.

Сходство между кампанийской культурой и культурой Вульчи позволяет думать, что этот этрусский город очень рано заинтересовался (с виллановианской эпохи, а также в VI и V вв. до н.э.) городами Юга; возможно, он принимал участие в столкновениях с греками в 524 и 474 гг. до н.э.

По дороге на юг находился город, который охранял переправу через Тибр — это был Рим. Живописные фрески гробницы Франсуа (IV век до н.э., одни из наиболее красивых в Вульчи), а также гробницы Колесниц и гробницы Исиды (VII век до н.э.), гробницы Воинов (VI век до н.э.) помогают понять, какую роль Вульчи могли играть в судьбе Рима.

Направление экспорта великолепной местной металлургической продукции на Север показывает интерес Вульчи к этой части Этрурии, а также наличие рынка сбыта на побережье Адриатики. Город очень многого достиг и в сфере искусства. Здесь можно, например, найти тип гробницы, так называемой «кассоне»² (VI—V вв. до н.э.), со своеобразной прихожей под открытым небом, которая характерна толь-

¹ Oppida — укрепленные поселения.

² Кассоне (итал. cassone) — деревянный сундук-ларь в Италии в Средние века и в эпоху Возрождения; стенки кассоне украшались позолоченной или раскрашенной стукко, резбой, живописью. — *Примеч. пер.*

ко для этого региона. В этом смысле Вульчи видится сильным соперником своего соседа Тарквинии.

ГОРОДА СЕВЕРНОЙ ЭТРУРИИ

Культура городов севера Этрурии оставляет впечатление незавершенности. С одной стороны, в их числе мы видим прибрежные города, в которых быстро развивалась торговля, но которые при этом были больше подвергнуты риску втягивания в международные конфликты. С другой стороны, те города, что находились во внутренней части, в гористой местности, вынуждены были дольше ждать проникновения греко-восточного влияния. При этом они были менее чувствительны к различным историческим катаклизмам. Если город Кьюзи первым познал благополучие, связанное с рекой Чиана, то другие города, вроде Кортонь, Перуджи или Ареццо, расцвели несколько веков спустя, хотя все они уже были известны в виллановианскую эпоху.

◆ Розелла

Город Розелла (таково его название на латыни, так как его этрусское название осталось неизвестным) господствовал над долиной реки Омброне, контролируя движение по ней. Границы его территории соседствовали с городами Вульчи, Кьюзи и Ветулонией, но их точная линия определяется плохо. Город этот стал известен археологам только около пятидесяти лет тому назад. Раскопки обнаружили здесь остатки жилой зоны, которая восходит к VII веку до н.э., и показали, что, начиная с конца VI века до н.э., дома здесь строились из обожженного кирпича, укладывавшегося на камнях.

Первый период расцвета города восходит к VI веку до н.э. и совпадает с упадком Ветулонии. Местные ремесленники — керамисты и металлурги — получили широкую известность, но рост города обеспечивался прежде всего за счет доходов от земли и контроля за движением по реке. Богатство земель позволило некоторым местным сеньорам, например из Мурло (в пределах территорий Розелл и Кьюзи), сохранить свою автономию до конца VI века до н.э.

◆ Ветулония

Этрусское название этого города — *Vatluna* / *Vetluna* (по латыни: *Vetulonia* / *Vetulonii*). Город стоял на высоком холме, который господствовал над озером Прелиус, примерно в пятнадцати километрах от моря. С виллановианской эпохи он поставлял на внешний рынок металлические изделия, которые обеспечили ему известность; этому в значительной степени способствовали медные рудники. Золото и серебро импортировались. Все это вдохновляло местных ремесленников и выводило их на все новый и новый уровень мастерства. Торговля, напротив, похоже, не сыграла большой роли в развитии города. Его порт на реке Омблоне так и остался малоизвестным.

В гробнице Ликтора археологи обнаружили символ власти, датируемый приблизительно 600 годом до н.э.: это единственный экземпляр, найденный в этом регионе. Эта находка подтвердила подлинность традиции, согласно которой Рим заимствовал у Ветулонии символы власти царей и магистратов, о которых говорил Тит Ливий: курульное кресло, тога, отделанная пурпуром, военная труба и т.д.

◆ Популония

Этрусское название этого города (Pupluna / Fufluna) обнаруживает важное место, которое занимал вакхический культ (Fufluns) в этом городе. Популония отличалась от других этрусских городов рядом характеристик: прежде всего, она была единственным городом, расположенным на берегу моря, на скале высотой около трехсот метров (существовали, правда, и нижний город, и маленький порт, основной деятельностью которого была торговля); кроме того, это был крупнейший металлургический центр Этрурии, и его деятельность объясняет тот факт, что город пришел в упадок не так быстро, как города юга страны; наконец, территория, подвластная городу, была небольшая, она должна была ограничиваться медными рудниками Кампильи, эксплуатировавшимися с VIII века до н.э.

Местные ремесленники отличались исключительной техникой обработки бронзы, а затем и железа (начиная с 650 года до н.э.). Таблички из гробницы Колесниц, на которых изображены животные и сцены охоты, являются ценным свидетельством их удивительного мастерства.

Город поддерживал тесные связи с Корсикой и островом Эльба, откуда поставлялось необработанное железо. Некоторые кварталы города были полностью отданы под обработку железа, и производство было столь значительно, что шлаки занимали площадь в несколько гектаров. Во времена Первой мировой войны Италия даже использовала их для нужд своей черной металлургии. Популония была известна также в обработке меди из шахт Кампильи. На внутренний рынок город поставлял немного керамики и, главным образом, монеты, которые потом находили по всему Лацию.

◆ Вольтерра

Находившаяся в пятидесяти километрах к северо-востоку от Популонии Вольтерра (по-этрусски — Velaθri) лежала на перекрестке двух долин и доминировала над обширной территорией. Город этот был меньше и беднее Популонии, и его предназначение было в основном сельскохозяйственным. Его порт, находившийся в тридцати километрах, играл роль второго плана. Жители города даже пренебрегали медью из долины Чечины. Становится ясно, что версия о том, что Популония являлась колонией Вольтерры, никак не соответствует исторической реальности.

Город расцвел лишь в IV веке до н.э. и, начиная с III века до н.э., похоже, стал лучше управлять своей территорией. Вольтерра сыграла свою роль в войнах Римской республики и, как и Розелла, поставляла зерно и лес римской армии. Наиболее красивые гробницы, найденные тут, датируются именно этим периодом.

Ясно, что этрусским городам было трудно установить единство своей территории, где царил дух независимости. Пример Мурло в этом отношении очень интересен: местная аристократия долго сопротивлялась, прежде чем интегрироваться в состав города Кьюзи. Богатство позволило городу долго хранить самостоятельность, которой благоприятствовало его положение на границе территорий нескольких городов.

◆ Кьюзи

Город Кьюзи (по-этрусски Clevsin / Camars; по латыни Clusium) стоял на крутой горе, господствовавшей над долиной Чианы. Территория города, соседствовавшая с территорией Ареццо (на севере), Вулчи и Розеллы (на юго-западе), остается довольно плохо очерчиваемой, особенно на востоке. Надписи свиде-

тельствуют, что часть населения эмигрировала в Тразимену и Перуджу. Древняя традиция сделала из города этрусский форпост на италийской территории. С VI века до н.э. Кьюзи аннексировал город Мурло (в регионе Сиенны).

Это был сельскохозяйственный регион с VIII века до н.э., а его период наибольшего благополучия пришелся на конец VI—IV вв. до н.э., хотя он оставался продуктивным и до I века до н.э. Город достиг апогея своего расцвета при царе Порсенне, который осадил и взял Рим в конце VI века до н.э. Это показывает интерес Кьюзи к областям левого берега Тибра, открывавшим дорогу к Кампанье, и те средства, которыми он располагал для удовлетворения своих честолюбивых намерений. Кроме того, археология предоставила нам свидетельства его интереса к городам Севера и каналам сбыта продукции через порты побережья Адриатики.

Ранние некрополи Кьюзи (VII и VI вв. до н.э.) показывают, что здесь продолжал сохраняться обряд кремации еще в то время, когда он исчез в приморских населенных пунктах, и использовались канопы (большие глиняные кувшины, в которые заключался погребальный материал). К 600 году до н.э. стали появляться первые гробницы в виде комнат. К 570 году до н.э. город благодаря торговле открылся к миру, что доказывают вазы этой эпохи (особенно знаменитая ваза Франсуа). Кьюзи стал известным художественным центром именно за счет своих скульптур из камня (полуколонны, урны) и керамики типа *bucchero pesante*.

◆ Ареццо, Кортоня, Перуджа

Три этих города образовывали северо-восточную дугу этрусской территории; некоторые свидетельства считают Ареццо и Перуджу колониями, отво-

ванными у умбрийцев. Расположенные во внутренней части полуострова, они оставили менее яркий след в истории Этрурии, чем их приморские соседи. Их предназначение было главным образом сельскохозяйственным. Тем не менее, они дали некоторые весьма заметные произведения искусства, здесь обнаружено несколько очень интересных гробниц.

Ареццо, стоявший в месте соединения долин Чианы и Арно, контролировал проход к Фьезоне и Падуанской Этрурии. Это была родина Мецената, знаменитого министра императора Августа. В IV веке до н.э. Его семья из рода Цильниев была одной из наиболее влиятельных в городе. V и IV вв. до н.э. были, вероятно, «золотым веком» Ареццо, о чем свидетельствуют найденные гробницы. V век, например, дал нам знаменитую бронзовую скульптуру, названную «химерой». В III и II вв. до н.э. здесь получила развитие знаменитая местная школа коропластики¹.

Город Кортонна, господствовавший над долиной Чианы, был опоясан укреплениями, датируемыми V веком до н.э. Местное производство испытывало влияние города Кьюзи, колонией которого Кортонна вполне могла бы быть. Речь идет, однако, о городе, который в древности из-за неясности между его названием и названием города Кротоне в Великой Греции имел легендарную репутацию: говорили, что его основали греки, что сам Улисс умер там, что Пифагор жил и преподавал в Кортоне. Ходит легенда, что там родился царь Трои Дарданос, предок Энея.

Перуджа, находившаяся на холме в нескольких километрах от Тразименского озера, была сельским городом, которому судьба предназначила главную

¹ Коропластика (от греч. *куге* – девушка, женская статуэтка, кукла и *plastike* – ваяние) – пришедшее из Древней Греции изготовление женских фигурок из обожженной глины, воска, гипса и пр. – *Примеч. пер.*

роль в долине Тибра, начиная с IV века до н.э. (как об этом свидетельствуют несколько гробниц). Окруженная городами Вольсинии, Кьюзи и Кортоной, омываемая водами Тибра на востоке, Перуджа не оставила нам важных произведений искусства, однако здесь нашли красивые бронзовые изделия, импортированные из Вульчи, Цер (в VI веке до н.э.) и Кьюзи (в V веке до н.э.).

Все эти три города, которые Тит Ливий (IX, 37, 12) представлял в 310 году до н.э. как «почти наиважнейшие в Этрурии», получили второе дыхание после римского завоевания.

◆ Фьезоле

Раскопки на месте Фьезоле (по-этрусски *Visul*; по латыни *Faesulae*) — города, лежавшего на холме, доминирующим над современной Флоренцией, свидетельствуют об этрусском заселении еще с виллановианской эпохи. Этот город, без сомнения, рассматривался как перевалочный пункт на дороге в Падуанскую Этрурию. Город появился в VI веке до н.э. Он производил полуколонны и стелы, стиль которых испытывал влияние мастеров из Кьюзи и Вольтерры. Регион был полон маленьких деревень, стоявших на берегах рек, и население которых занималось сельским хозяйством. Галльская угроза в IV и в III вв. до н.э. привела к экономическому упадку этих маленьких центров.

ЭТРУССКАЯ КАМПАНЯ

Наиболее раннее расширение этрусками своих традиционных границ происходило в Кампанье, куда так же страстно стремились греки — из-за ее богатых

природных ресурсов. Невозможно с уверенностью сказать, в какой момент этруски обосновались там, прибыли ли они морем (возможно, с юга из района Салерно) или наземным путем (в этом случае заняв вначале северную часть Кампаньи). Некоторые древние свидетельства дают нам на этот счет очень противоречивые и очень приблизительные данные. Наиболее серьезна информация Страбона (V, 4, 3), согласно которому греки из Кум прогнали осков, обосновавшихся в этом регионе до того, как их самих изгнали этруски. Последние «основали там двенадцать городов, столицей которых они называли Капую», и были, в свою очередь, выселены оттуда самнитами.

Это очень четкое резюме истории этрусского присутствия в Кампанье плохо увязывается с археологическими данными. Многие открытия обнаружили следы этого присутствия с виллановианской эпохи, то есть с VIII века до н.э. (и, возможно, даже с IX века до н.э.) и позволили установить, что заселение этрусков шло непрерывно с этого периода и вплоть до V века до н.э. Знаменитые сражения при Кумах (524 год до н.э.) и против Хиерона Сиракузского на море (474 год до н.э.), вероятно, являются главными столкновениями между двумя сообществами, которые не прекращали соперничать по поводу проникновения на эти земли в коммерческих интересах. После своего поражения в 474 году до н.э. этруски, ослабленные потерей своего морского превосходства и трудностями наземного пути, которым все более и более овладевал Рим, потеряли способность к сопротивлению и не сумели, в конечном итоге, противостоять самнитам. Возможно также, что они размякли, как их в этом обвиняет Страбон, купаясь в наслаждениях в Капуе. Но это моральное разложение не является главной причиной упадка этрусков в Кампанье.

Какова же была природа этрусского внедрения в этот регион? Трудно сказать. В Кампанье все могло идти по образцу Внутренней Этрурии. Города Нула (Нола), Нуцерия, Помпеи, Сорренто и другие не заслуживают, разумеется, того, чтобы называться городами, которые сформировали территорию, образовав независимое государство.

Никто из них не имел своих денег (за исключением небольших городков типа Велсу или Ирны). Без сомнения, мало кто из них мог называть себя чисто этрусским. Напротив, все они сумели испытать в определенный момент культурное, экономическое и, вероятно, административное влияние этрусков. В частности, археологический материал показывает четкое этрусское преобладание в Помпеях между 530 и 475 гг. до н.э., то есть между двумя фазами греческого господства.

Больше всего заслуживает название города и может считаться этрусским региональная столица Капуя. Его этрусское название (Сарие) могло происходить от имени его основателя, которым был Капна (согласно Жаку Эргону), но, согласно одному древнему источнику, город сначала назывался Вольтурнум. Нет единого мнения и по дате основания этого города: называются даты от 800 до 471 гг. до н.э. Эта последняя дата, приписываемая Катону, следует из ошибки при подсчете и не объясняет, как этруски могли создать город после своего поражения в 474 году до н.э. После находок, имеющих отношение к виллановианской эпохе, более ранняя дата стала иметь больше сторонников. Но другие историки замечают, что проникновение этрусков, имевшее место в VII веке до н.э., не означает, что они имели средства для основания города, и предлагают перенести эту дату на вторую половину VI века до н.э., то есть в эпоху, когда этрусское присутствие в Кампанье значительно усилилось.

В любом случае, колонизация Кампанье этрусками выглядит в большей степени культурным и торговым вмешательством, чем выполнением задач политического характера. Она в большей степени является результатом действий неких искателей приключений, чем итогом согласованного решения тосканских городов.

ПАДУАНСКАЯ ЭТРУРИЯ

Если верить Титу Ливию, этруски господствовали над Италией до самых Альп и основали двенадцать городов на равнине реки По, похожих на тот, который нам известен во Внутренней Этрурии. Однако реальность была несколько иной, хотя о присутствии этрусков на севере Италии известно с IX века до н.э. и с виллановианской эпохи. Традиционно упоминается о военном завоевании, которое восходит к VI веку до н.э., однако следует исправить слишком уж военное видение занятия равнин Севера, даже если заселение этрусков сюда действительно усилилось в VI веке до н.э.

Города, которые составляли основу этого двенадцатиполюсника, часто были этрусскими лишь частично и являлись таковыми, главным образом, с точки зрения экономической и культурной: это Фелсина (сегодня Болонья), Спина, Адрия, Мантуя, Парма, Мельпум (на месте, где галлы основали Милан), к ним также следует добавить интересный для нас город Марцаботто. Что бы об этом ни говорили древние авторы, ни один из этих населенных пунктов, за исключением одного, не заслуживает названия города, потому что никто, похоже, не управлял и не объединял вокруг себя целую территорию.

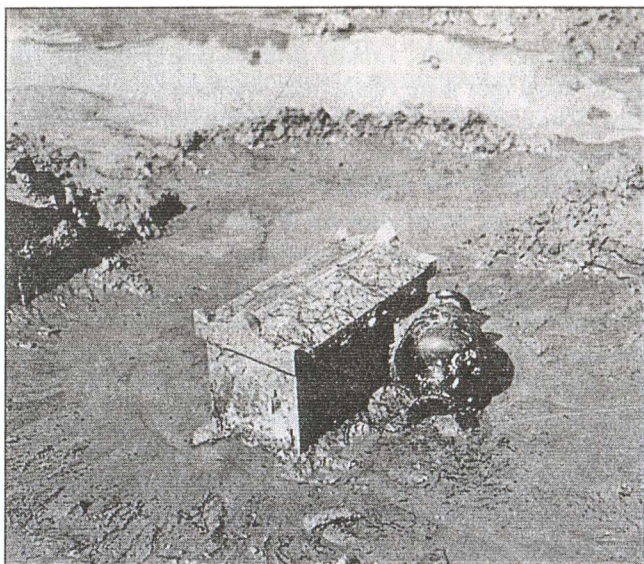

Лишь Фелсина (Felzna по-этрусски), без сомнения, единственная, может носить определение города, хотя она и не была, как это утверждает Плиний, в числе главных городов Этрурии. Она сохранила свое этрусское название до 196 года до н.э., то есть до основания римской колонии Бонония.

Основание Марцаботто, колониального поселения, расположенного в тридцати километрах от Фелсины (примерно в 500 году до н.э.), подчеркивает экономический подъем региона. Новый город, заложенный в почти что девственной местности (там существовала лишь маленькая деревня, датируемая виллановианской эпохой), похоже, принадлежал к зоне экономического влияния Фелсины.

Город Марцаботто особенно интересен тем, что там было сооружено три храма, два из которых имели по три целлы (cellae), что свидетельствует о высоком уровне этрусской строительной техники. Этрусский храм помещался на высоком основании (подиуме) и строился по принципу фронтальной композиции: одна из узких сторон здания являлась главным фасадом, с остальных сторон храм замыкался глухой стеной. Внутреннее помещение — целла — обычно делилось на три части (посвящавшиеся трем главным этрусским божествам). Узкие улицы, удобные для стока вод, образовывали жилые островки (insulae). Никого не удивило, что археологи обнаружили здесь систему отвода воды и сеть каналов, идущих от большого резервуара.

Марцаботто был основан как небольшой ремесленный городок, где была развита обработка бронзы. Здесь обнаружены многочисленные украшения (застежки, браслеты), коробки и вазы, которые доказывают, что речь шла прежде всего о торговом и промышленном центре, а лишь потом о сельскохозяйственном.

Саркофаг из порта Спина

Спина была открыта только в XX веке. Богатый город, выходящий на море, вполне мог считаться античной Венецией: построенный на пилоти¹, согласно плану, в виде шахматной доски, прорезанный каналами, которые заменяли улицы, город был вначале греческим торговым центром (emporium), основанным в VI веке до н.э. Этруски закрепились здесь с V века до н.э. В Спине сотрудничество греков и этрусков оказалось весьма взаимовыгодным, если судить по богатству найденных гробниц. Но он не являлся центром международной торговли, где два народа взаимно обогащались как культурно, так и экономически.

¹ Пилоти (фр. pilotis) – свайное основание, фундаментная свая. — *Примеч. пер.*

Другие этрусские города, упоминавшиеся древними авторами, вроде Модены, Пармы или Мельпума, обязаны, без сомнения, своим существованием экономическим связям, которые они поддерживали с такими центрами, как Фелсина и Марцаботто. Мельпум, согласно Плинию, был разрушен галлами в тот же день, когда пали Вейи, в 396 году до н.э.

Этрусски никогда не появлялись к северу от реки По, но их культурное влияние распространялось и на эти области, чему археология дает немало свидетельств. Мантуя (Manθva по-этрусски), согласно легенде, сообщенной Страбоном, была обязана своим происхождением Таркону, сыну Тиррена, уже основавшему к тому времени Тарквинию и Кортону. Виргилий гордился тем, что был оттуда родом, и этрусская чувствительность буквально пропитывала его стихи.

В общей сложности, Падуанская Этрурия не имеет нечего общего с Внутренней Этрурией. Этрусское присутствие от Спины до Пармы или Мантуи выглядит лишь результатом культурного и экономического (особенно торгового) влияния городов Центральной Этрурии.

Этрусские [или римские] названия главных городов и их современное название (с севера на юг)

Мельпум	Милан
Мантус / Мантва	Мантуя
[Спина]	Спина
Фелсина	Болонья
Миса / Мисна	Марцаботто
Висул	Фьезоле
[Арретиум]	Ареццо
Куртун	Кортона
Велатри	Вольтерра
Фуфлуна	Популония

Гиды цивилизаций

Клевсин / Камарс	Кьюзи
[Перусия]	Перуджа
Ватлуна / Ветлуна	Ветулония
[Розелла]	Розелла
Velχ(i) / Велчи	Вульчи
Велсна(л) [Вольсинии]	Орвьето (?) или Больсена
Тарксуна / Таркснал	Тарквинии
[Грависка]	Порто Клементино
[Фалерии Ветерес]	Чивита Кастеллана
Xaisrie / Xisra (Цере)	Черветери
[Пирги]	Санта Севера
Веи(?) / [Веии]	Вейо (Вейи)
Рума	Рим
[Пренесте]	Палестрина
Вултурнум/Капе/Капна	Санта Мария Капуя Ветере

III

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Наши знания, касающиеся этрусского общества и его политической организации, дают хороший пример сомнений, в которых пребывают этрускологи: наиболее вероятные гипотезы в любой момент могут быть опровергнуты, и надо признать, что в этих областях документы не дают нам надежной помощи. Главная информация происходит из латинских и греческих текстов, авторы которых, даже при всей их благожелательности, не всегда обладали общим пониманием этрусской реальности. Они судят и описывают, исходя из понимания своей собственной цивилизации, искажающего по необходимости их суждения. Они довольствуются, например, тем, что переводят слово «*lucimon*», как «царь», основываясь на легендах; но ничто не дает нам точного подтверждения этой эквивалентности. Но даже если это и так, то ничто не гарантирует нам, что этрусский царь был идентичен греческому царю.

Этрусские надписи, со своей стороны, дают нам некоторое количество слов, которые указывают на существование магистратур или определяют тот или иной социальный класс. Мы очень приблизительно понимаем, о чем идет речь. Например, главный ма-

гистрат, вроде бы, обозначается словом «zilaθ», но какие точно были его функции? Те же неясности сопровождают нас и при интерпретации некоторых памятников, обнаруженных археологами. Дворец в Мурло, например — был ли он царским дворцом или просто дворцом какого-либо местного сеньора? Подобная идентификация порой оказывается делом очень трудными.

Надо признать, что терпеливые исследования ученых в течение последних десятилетий позволили уточнить ряд положений, благодаря которым мы можем установить, по крайней мере, общую форму политических и общественных структур этрусского мира.

Этрусское общество было обществом феодального типа. Конечно, оно менялось; строились города, методы управления ими менялись, последовательно проходя через этапы управления царями, тиранами (в греческом смысле этого слова) и олигархическими республиками. Но влияние сельских сеньоров, унаследованное от древнего образа жизни, не исчезало никогда. В Этрурии трудно говорить о социальных классах. Действительно, там было два полюса: хозяева и слуги, аристократы, которые были хозяевами (патронами), и те, кто от них зависел, будь то рабы, свободные люди, освобожденные люди или клиенты. Впрочем, слова, которые указывали на этих самых слуг, не всегда нам ясны: если слово «lethe», похоже, указывает на раба, если «etera» обозначает свободного человека и привилегированного клиента, то «lautni» может приписаться и к привилегированному рабу, и к вольноотпущенному, то есть к свободному человеку. В любом случае, все они зависели от аристократа, исполняя различные функции.

То же самое можно сказать и об армии. Хоть этрусски и осуществили «гоплитскую революцию», заимствованную у греков, равно как и построение пе-

хоты в виде фаланги, имелось и много военных отрядов частного характера, состоявших на службе у богатых аристократов. Война в силу этого долго сохраняла примитивный характер набега, что было наследием той эпохи, когда экономические обмены осуществлялись только силой, и когда состояние войны было постоянным.

Говоря об Этрурии, надо всегда принимать в расчет маленькие социальные группы, *familiae* (то есть всех свободных или рабов, крестьян и солдат, которые находились в подчинении у богатого аристократа), которые собирались в городах или сталкивались друг с другом по воле событий. Они придавали обществу вид, отличный от римского общества, в котором все эти тенденции быстро побледнели, благодаря федеративной политической власти республики.

Можно предположить, что одна из причин упадка Этрурии заключается в том, что она не сумела создать политическую и общественную связь между населением различных городов, как смог это сделать ее мощный сосед. Этрурия могла осознавать тождество всех племен, которые ее составляли, но она так и не сумела реализовать это на практике, хотя в религиозном плане это и провозглашалось во время ежегодных праздников в святилище бога Вольтумны в Вольсиниях.

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ

Легенды никогда не сводятся к простым нравоучениям. Они всегда что-то означают и о чем-то свидетельствуют. Легенда о Тиррене, навигаторе, который установил связь между Этрурией и средиземноморским миром, с одной стороны, и легенда о Тарконе, создателе *nomen etruscum*, с другой сторо-

ны, хорошо отражают два момента и два аспекта образования этрусских городов. Во второй половине бронзового века, вначале под влиянием Греции, а затем автономно, по мере собственной эволюции, Этрурия начала развиваться, опираясь на новую политическую организацию и ресурсы своих земель.

Без сомнения, надо понимать, что в IX веке до н.э. жизнь проходила в деревнях, основной доход населения которых происходил от разведения скота и сельского хозяйства. Прогресс в обработке бронзы и возрастание роли ремесленников, выполнявших «магические» операции с металлами, благоприятствовали появлению аристократии, которая должна была активизировать различные составляющие общества, навязывая ему свое первенство.

В виллановианскую эпоху население начало концентрироваться в южной Этрурии, где легче было обрабатывать землю, что позволило наиболее богатым первенствовать и становиться теми, кого мы называем «царями». Владение землей, помимо богатства, придавало человеку статус «благородства». Цари составляли элиту земельной аристократии. Даже вещи, найденные в гробницах воинов, представляют собой инструменты для сельского хозяйства, что говорит о существовавшей тогда тесной связи между военной и сельскохозяйственной жизнью. У этрусков, как и у других средиземноморских народов, сельское хозяйство и война составляли два главных занятия мужчин.

Следующий этап, то есть этап образования главных этрусских городов, приходится на VIII век до н.э., особенно на его вторую половину. Но не все города следовали одному и тому же процессу формирования. Отчетливо можно видеть, особенно на севере, объединение зон обитания, в частности, деревень, которые вытягивались вдоль рек. На юге концентрация

населения в городах происходила иначе. Там требовались договорные соглашения между населением деревень. Таков, например, случай Тарквиний, основание которых символизирует герой Таркон, а также Рима. Некрополи различных деревень тоже объединялись в один-единственный. В Риме единственный некрополь располагался на холме Эсквилин, а религиозный праздник Септимонциум (Septimontium) был придуман для того, чтобы отмечать союз деревень, которые населяли семь холмов в окрестностях будущего Форума. Примерно по такой же схеме происходило и формирование других городов (Цере, Вульчи, Вейи), хотя имели место и неизбежные отличия. Но каждый раз создавалась новая политическая и общественная организация, которая позволяла аристократии осуществлять свою власть. Она же давала возможность лучше контролировать богатства, лучше концентрировать производство, наиболее удачно использовать рабочую силу.

Мы очень мало информированы о политических учреждениях, которые позволяли структурировать эти новые города. Вероятно, семья, как и в предыдущем веке, лежала в основе всего. Существовали также и другие группировки, более обширные, например, курии (нечто вроде объединения отцов семейств) и племена. Появились цари и народ (*populus*). Понятие «народ», без сомнения, было новым, и оно характеризовало всех вооруженных мужчин, объединившихся в курии. В латинских источниках речь идет не о двенадцати этрусских городах, а о двенадцати народах. По поводу титула, известного под названием «*zilath mehl gasnal*», можно сказать, что его сначала считали эквивалентом «*praetor Etruriae*» и даже «*rex Etruriae*» (была выдвинута гипотеза, что «*mehl gasnal*» мог быть эквивалентом «*rei publicae*», а «*zilath*» — эквивалентом «*populus*», то есть группиров-

ки людей, распределенных на курии. Народ стал, таким образом, синонимом города, который являлся местом, где жил «*populus*» под защитой богов.

Что касается «царя», то, без сомнения, не надо связывать этот титул с традиционным образом, который подарила нам история. Это был не абсолютный монарх, а номинальный «глава народа», выбираемый богатыми аристократическими семьями, которым принадлежала политическая власть в городах. Этрусский царь был, по определению Д.Брикеля, «чем-то вроде первого среди равных (*primus inter pares*)», который должен был ладить с богатыми семьями. И их было много — этих царей, осуществлявших функции местных сеньоров, к которым их подданные приходили за решениями и приносили долю урожая. Загородные дворцы, вроде дворцов в Мурло или в Аквароссе, символизировали их резиденции прежде, чем они не были, в свою очередь, подчинены правителями крупных городов, в числе двенадцати или пятнадцати. Это подразумевало внутренние войны в Этрурии, а также колонизацию, которая позволяла более могущественным аристократам укреплять свою власть, расширяя свои владения и увеличивая богатство. Таким образом, образовывался важный класс слуг и клиентов. Богатые могли теперь проявлять свое превосходство путем всевозможных внешних и демонстративных признаков. Браки только внутри своего класса также позволяли аристократии усиливать свое экономическое первенство.

Добавим к этому, что рост городов позволял элите получать большую прибыль из торговли и индивидуального производства. В это время многочисленные греческие ремесленники, вроде Демарата из Коринфа (отца Тарквиния Древнего), стали прибывать в этрусские порты, устраиваться там и основывать свои школы. Вскоре это стало подрывать власть

богатой земельной аристократии. Появилось нечто вроде городской буржуазии, обогащающейся за счет торговли. В VI веке до н.э. большие аристократические гробницы почти исчезли (за исключением севера), а их место заняли более скромные погребения. Так происходило в Церах, Тарквиниях и Вульчи.

Возможно, что эта обогатившаяся «буржуазия» захватила политическую власть или, по крайней мере, приобрела такое влияние, что могла способствовать восшествию на престол военачальников — настоящих кондотьеров, самый знаменитый пример которых представляют собой братья Вибенна. Это был для нее способ восстать против власти все более и более задыхающейся аристократии. Новые руководители получили титулы «тиранов» (в греческом смысле этого слова), каким был, например, Сервий Туллий (он же Мастарна) в Риме. Тиран был чем-то вроде «народного царя», но еще и с религиозной функцией. Можно отметить также, что в эту эпоху уже существовали титулы республиканского характера. Но в этом же VI веке до н.э. «царская» власть изменила природу и стала опираться на более широкие общественные слои; возможно, ее поддерживали торговые круги, свободные от исключительного господства аристократии.

Греческая история показала, что власть тиранов открыла пути для режимов республиканского типа, то есть для режимов, в которых группа граждан (более или менее многочисленная) имела власть, которую она делегировала избранным магистратам. То же самое было и в Этрурии. Конечно, идея республики, как и в Риме, была еще несформировавшейся, но гражданское общество образовалось, и оно превосходило по масштабам бывшую аристократию. Клиенты дворян получили право высказываться. Под давлением событий, особенно внешних, это

гражданское общество стало расширяться. В IV веке до н.э. монархия исчезла абсолютно. Существовали только олигархические республики с избираемыми магистратурами. Между тем этрусские учреждения не были столь же гибки, как в Риме, и в результате начались жестокие мятежи, как, например, в Вольсиниях, что предвосхитило конец политической независимости Этрурии. Римляне сумели извлечь из этого пользу, чтобы навязать этрускам свою власть и римские порядки.

ЦАРИ

Наши знания об этрусских царях остаются особенно размытыми. Легенды часто вмешиваются в историческую реальность, к тому же форма их власти сильно менялась по ходу веков: первоначальная царская власть уступила место тирании в греческом смысле этого слова. Первые цари были, без сомнения, выходцами из наиболее влиятельных семей, избранными представителями их же среды, чтобы служить интересам аристократии. С другой стороны, единственные сведения, которыми мы обладаем об этом, содержатся в произведениях латинской и греческой литературы, то есть происходят от иностранных для Этрурии авторов, порой плохо и мало информированных, зачастую негативно относящихся к этрусским городам-полисам, отправлявших в моря своих грозных пиратов. Исключением можно считать только этрусских царей Рима, о которых Тит Ливий и другие оставили нам очень ценные сведения.

Следует классифицировать царей, которые нам известны, на две категории: те, кто принадлежат легендам, и те, существование которых доказано.

Среди первых пальмовая ветвь известности принадлежит Мезенцию, предполагаемому царю Цере, чью жестокость и несправедливость описал Вергилий. Мезенций, «хулитель богов», знаменит казнями, которые он устраивал своим врагам: он приказывал крепко привязать мертвеца и осужденного лицом к лицу, оставляя последнему привилегию погибнуть, сгнив заживо. В любом случае вполне реальные массовые убийства (например, забрасывание камнями) военнопленных напоминают нам о том, что законы войны в Этрурии не были мягче, чем в других местах. Цари Проперций из Вейи (это имя не этруское), Морриус, имевший среди своих предков Нептуна, или Тибрис, который, предположительно, дал имя реке Тибр, скорее всего, не существовали в реальности. Напротив, вполне реальны цари Рима Тарквиний (его имя фигурирует на фресках гробницы Франсуа в Вульчи), Сервий Туллий и Порсенна, царь Кьюзи, который все же захватил Рим, что бы нам об этом ни говорила римская пропаганда. Существовал также Аррунс (тоже из Кьюзи), на которого была возложена ответственность за вступление галлов в Италию. Существовал и Лар Толумний из Вейи, который заставил убить римских послов в Фиденгах, прежде чем пасть под ударами римского консула Корнелия Косса (438 год до н.э.). Очень реальны и «царь этрусков» Аримнест (согласно Павсанию), и тиран из города Цере Тефарий Велиана, упомянутый на золотых скрижалях из Пирги, и члены семьи Цильниев из Ареццо. И это почти все, что очень мало по сравнению с числом царей, которые должны были успешно царствовать в многочисленных городах Этрурии.

Мы точно не знаем, какое этруское слово обозначало царя. Как и Сервий, мы долгое время полагали, что этот термин обозначался словом «*lucimom*»

(*lauχte*, *lauχite*)¹, — на основании того, что Тарквиний Древний, первый этрусский царь Рима, у себя в стране звался Лукумоном. Некоторые ученые-этрусковеды сегодня отрицают подобный взгляд, так как поздние тексты свидетельствуют, что имя «Лукумон» было, по-видимому, антропонимом². Но делает ли этот аргумент невозможным тот факт, что слово «*lauχte*» обозначало царя? Мы могли бы назвать массу простолюдинов, которых в королевской Франции звали Леруа или Ледюк, без всякой связи с их реальным положением³.

Мы также почти ничего не знаем о способе наследования престола и о точной роли этрусский царей. История рода Цильниев, похоже, доказывает, что могли существовать «царские семьи». Однако ничто не дает права утверждать, что существовала какая-либо наследственная система. Таким образом, каждый из царей Рима поднимался на трон по своей причине: Тарквиний Древний, человек очень мудрый, был выбран сенаторами, Сервий Туллий, возможно, был предназначен свыше (царица Танаквилл смогла именно так интерпретировать пожелание богов), а Тарквиний Гордый использовал метод насилия. Вполне вероятно, что в каком-либо городе один из наиболее влиятельных аристократов мог быть попросту назначен на этот пост, если только он не навязывал сам себя силой.

¹ Лукумоны в Этрурии были царями или руководителями общин и они правили здесь, как императоры в Риме. По сообщению Сервия, их число равнялось числу общин, причем один из них считался старшим. — *Примеч. пер.*

² Антропоним — имя собственное, официально присвоенное отдельному человеку как его опознавательный знак (прозвище).

³ В переводе с французского Леруа (*Le roi*) значит «король», а Ледюк (*Le duc*) — «герцог».

Роль царя, очевидно, была тройной: политической, экономической и религиозной. Он заботился об интересах своего класса и выступал в качестве защитника свободного населения, как хозяин наблюдал за своими клиентами. Согласно Макробиусу, этруски каждые девять дней приходили приветствовать своего царя. Можно представить, что он принимал своих подданных, как поместный сеньор, который получает подношения натурой и обеспечивает правосудие. Кроме того, он обладал религиозными полномочиями, был хранителем знаний, содержащихся в священных книгах, вместе со жрецами совершал ритуалы и имел право интерпретировать чудеса, расшифровывать предзнаменования и даже обращаться к богам, чтобы отклонить от своего города возможную катастрофу.

Мы гораздо лучше информированы о этруских царских регалиях. Различные авторы, в том числе Дионисий Галикарнасский и Флор, приводят целый

Царь, сидящий на курульном кресле. Раскрашенная глина, Цере, VI век до н.э.

Стела Авле Фелюске. Ветулония, конец VII века до н.э.

список их: золотая корона, золотые кольца, пурпурная туника, расшитая золотом, пурпурная мантия, расшитая так, «как те, что носили цари Лидии или Персии» (Дионисий, III, 61, 1), а также «*toga picta*», то есть пурпурная, расшитая золотыми пальмами тога полководцев-триумфаторов, а позднее императоров. Скипетр с орлом на конце завершал пышный восточный наряд этрусского правителя. Трон из слоновой кости или курульное кресло¹ позволяли принять позу, котрую мы можем увидеть в Лувре на цветных пластинах из Цере (царь там сидит одетый в белую тунику с короткими рукавами, которая едва покрывает ему бедра, в короткую вышитую пурпурную мантию и обувь с приподнятыми носками).

О перемещениях царя сообщали звуками трубы (она напоминала о его военной власти). Перед ним шел ликтор (*rex Etrugiae*, избранный в святилище бога Вольтумны, имел двенадцать ликторов, каждый из которых представлял двенадцать самых крупных этрусских городов), неся фасцию² с секирой, которая могла иметь два лезвия. Изобретение курульного кресла и фасции приписывается городу Ветулонии, где раскопки позволили обнаружить уменьшенную модель фасции из бронзы, которая датируется VII веком до н.э. В других гробницах той же эпохи археологи также обнаружили курульные кресла.

Эта пышность символизирует форму абсолютной власти. Интересно отметить, что эти знаки власти перешли к римским царям еще до того, как этруски

¹ Курульное кресло (*sella curulis*) — официальное седалище высших правителей, имевшее форму складного стула без спинки.

² Фасции — пучки прутьев, перевязанные ремнями, с воткнутыми в них топориками (секирами). В Древнем Риме это был атрибут царской власти, а затем высших должностных лиц (магистратов). — *Примеч. пер.*

стали править в Риме. Мы их обнаруживаем, например, в списке, который составил Тит Ливий, описывая ромуловские знаки власти. Знаки триумфа («*toga picta*», «*tunica palmata*», колесница, запряженная четверкой лошадей и т.д.) перешли в Рим вместе с самой церемонией, которой удостоивались полководцы-победители. Вел Сатис на стенке гробницы Франсуа в Вульчи уже изображен в качестве триумфатора. Затем эти знаки, царские по происхождению, были переняты магистратами тосканских и римских республик (фасции, курульное кресло и т.д.). Таким образом, различные признаки царской власти у этрусков, в отличие от этрусских царей, о которых мы почти ничего не знаем, пережили свое время, сохранившись в других политических системах и культурах.

МАГИСТРАТЫ

Власть в этрусских городах находилась в руках аристократии, ревниво относившейся к своим правам и привилегиям. Именно из ее рядов выбирался царь, призванный защищать ее интересы. Среди ее членов также вербовались магистраты олигархических республик, которые оформились в IV веке до н.э. Еще надо напомнить, что некоторые магистратуры существовали уже при тиранах, и что Тефарий Веллиана, царь Цере, сам носил титул «зилат» (*zilaθ*).

Мы знаем титулы некоторых магистратов, хотя невозможно точно сказать, какими были функции, которые они выполняли. Также невозможно сказать, существовал ли, как в Риме, «*cursus honorum*»¹, способствовавший карьере политических деятелей.

¹ *Cursus honorum* — перечень почетных выборных должностей и заслуг перед родиной.

Мы понимаем только, что каждая магистратура управлялась одним человеком, хотя и невозможно уточнить число людей, связанных с этим. Наиболее часто упоминающимся и, возможно, наиважнейшим был титул «зилат» (*zilaθ*), что соответствовало титулу «*praetor*»¹ в Риме, в эпоху верховной магистратуры, еще до эпохи консульства. Особенно известен титул «зилат мехл раснал» (*zilaθ meχl rasnal*), который соответствовал титулу «претора/царя» (*praetor/rex Etruriae*), избираемого на всеобщем собрании в святилище бога Вольтумны и символизировавшего союз двенадцати главных народов Этрурии. Этот титул часто дополнялся другими гражданскими или религиозными функциями, как если бы «зилат» отвечал за контроль над работой других магистратов. Был также «*zilaθ eterav*» для «*etera*», «*zilaθ maγunuxva*», то есть «*zilaθ*» для «*maγu*», то есть для других магистратов, называвшихся «*maγu*», или «*zilaθ purθne*», который был, по-видимому, самым важным из «*zilaθ*». Действительно, одна эпитафия в Вульчи, изображающая карьеру некоего Арнта Тута, говорит, что он был семь раз «зилатом» и лишь один раз «зилатом пуртне», как если бы речь шла о высшем отличии.

¹ Претор (лат. *praetor*, от *praetor* — идущий впереди) — в Древнем Риме государственная должность. Первоначально в период ранней Римской республики название высших магистратур (консулы и диктаторы). В 367 году до н.э. была учреждена должность претора, как младшего коллеги консула, ведшего судебные процессы по гражданским делам на основании издаваемого им самим Преторского эдикта (Преторское право), а в отсутствие консула имевшего высшую власть. С 242 года до н.э. избиралось два претора: «*praetor urbanus*» (городской) и «*praetor peregrinus*» (для чужестранцев). При Сулле число преторов увеличилось до восьми; после исполнения преторских обязанностей они посылались в качестве проконсулов в провинции. В эпоху империи преторами назывались также высшие должностные лица в городах.

Значимость титула не зависела от возраста; одна надпись в Тарквиниях рассказывает о «зилате», умершем в двадцать пять лет. Другая сообщает нам о человеке, умершем в шестьдесят три года: он был «*magunux raḫanati*» (жрец Бахуса), «*zilc θufi*» («*zilaθ*» в первый раз), «*magunux seren*» (общественная священническая нагрузка), «*zilaθ meḫl rasnas*» («*praetor Etruriae*» или «*praetor rei publicae*», в зависимости от интерпретации).

Другая важная функция, возможно, высшая, так как она ассоциировалась с «зилатом», называлась «пурт» (*purθ*), что некоторые сравнивали с римским понятием диктатор. «*Macstreve*» — еще один термин, обозначающий должность; по-видимому, он идентичен латинскому «магистр» (*magister*). Идет ли здесь речь о начальнике кавалерии (*magister equitum*), который в Риме всегда назначался в помощь диктатору? Отметим, что это название близко к имени героя Мастарны (Сервия Туллия), который был помощником Вибенны. Может быть, в действительности его имя указывало на его функцию? Мы этого не знаем.

Титул «мару» (*magu, maguni, magunux*), часто ассоциирующийся с «серен» (жрец), имеет, похоже, религиозный характер. Так, например, встречается «мару Бахуса» («*raḫatnias magu*» и «*magunux rasanati*»). Речь могла идти о магистратуре, эквивалентной муниципалитету. Один предок Вергилия, который занимал этот пост, оставил об этом память своим потомкам в своем прозвище: Публий Вергилий Марон. Другие названия магистратур, например, «камти» (*camθi*), остаются для нас абсолютно непонятными.

Пышность, связанная с исполнением всех этих функций, была столь же велика, как и та, что сопровождала царей. Магистраты перемещались в кортежах, пешком или на колесницах, запряженных двумя или четырьмя лошадьми, одетые в туники и спе-

цифического вида тоги, расшитые золотом. Рисунки на саркофагах и гробницах показывают их нам в сопровождении многочисленных слуг, несущих предметы, необходимые им для выполнения их задач, в том числе курульное кресло. Они всегда имели в руках некие палки, которым, похоже, этруски придавали большую значимость. Каждый предмет мог иметь свое особое значение и позволял, вероятно, идентифицировать ранг чиновника. Кортеж всегда сопровождался музыкантами.

Можно не сомневаться, что подобная пышность поднимала престиж магистрата и доказывает, что этруски окружали своих высокопоставленных лиц самой глубокой почтительностью. Позже римляне унаследуют это у этрусков.

АРИСТОКРАТЫ

В древние времена этруское общество почти не имело среднего класса. Жак Эргон и многие другие этрускологи хорошо определяют это: общество разделялось на две очень различные категории, где одни были хозяевами, а другие — слугами. Власть находилась в руках глав богатых аристократических семей, стремившихся захватить монополию во всех отраслях общественной жизни. Олигархи, таким образом, были хозяевами в сфере политики, экономики и религии. Семья, в широком смысле этого слова, объединяла всех тех, кто признавал для себя одних и тех же предков, и образовывала экономический фундамент власти. Ее глава вел себя, как феодалный сеньор, к которому его клиенты-вассалы приходили, чтобы отчитаться и оплатить подати. Эти сеньоры (большие начальники) подчеркивали свою принадлежность к правящей элите строитель-

Этрусский аристократ

ством огромных могильных курганов (tumuli), которые представляли собой нечто вроде «заупокойных храмов», построенных во славу членов семьи.

По крайней мере, так обстояло дело до VII века до н.э., даже в начале VI века до н.э., то есть во время образования крупных городов и до того, как исчезли маленькие сельские центры, вытесненные новой городской силой. Это произошло потому, что сельские

сеньоры были чужды миру торговли, который начал развиваться в VI веке до н.э. и сыграл большую роль в экономическом подъеме городских аристократических семей. Импорт товаров, движение иностранных ремесленников, создание мастерских, производство и распространение местной продукции вскоре глубоко изменили жизнь аристократов и привело к новой общественной организации города.

Этот экономический подъем, основанный на развитии торговли и притоке населения из деревни в город, имел в качестве последствия эволюцию общества в глубину. Аристократия также изменилась, структурировалась, приспособилась к тому, чтобы сохранять свое первенство, но, главным образом, она расширилась. Некоторые историки пытаются увидеть в этом образование нового социального класса, менее благородного по происхождению, но обогатившегося за счет торговли и возвышенного богатством до высших сфер власти. Без сомнения, речь идет только о новом лице господствующей аристократии, эволюция которой стала проявляться в адаптации к новым экономическим условиям.

В числе признаков этого давайте остановимся вначале на эволюции ономастики¹, хорошо выявленной работами Х.Рикса. Поначалу этрусские надписи содержали только фамилию. Начиная с середины VII века до н.э., можно констатировать появление имени, за которым следовало отчество (*gentilice*). В эту эпоху имена были очень многочисленны и иногда имели италийское происхождение.

¹ Ономастика (от греч. *onomastikys* — относящийся к наименованию) — раздел языкознания, изучающий имена собственные, историю их возникновения и преобразования. В соответствии с обозначаемыми объектами делится на антропонимику, топонимику, зоонимику, астрономику, космонику, теонимику и др. — *Примеч. пер.*

Отчества образовывались от имени или от названия местности (иногда от имени того или иного божества). Затем очень быстро появилась основа от имени отца, чтобы этим обозначать потомство. Надо подчеркнуть также, что приобретение отчества в южных городах совпало с принятием на вооружение тактики боя в фаланге. В конце V века до н.э. и, главным образом, в IV веке до н.э. можно отметить новую эволюцию: число имен стало сокращаться, что усилило роль отчества. Кроме того, в надписях стали появляться новые имена, что подтверждает расширение общества и системы отчеств среди всех свободных людей. Прозвище (согласно римской системе: имя, фамилия, прозвище), поначалу неизвестное, стало появляться и распространяться главным образом на севере Этрурии.

Этруская ономастика наглядно показывает, что не существовало непреодолимой пропасти между аристократами и простолюдинами. Конечно, все не могут быть ни благородными, ни богатыми, по-видимому, в Этрурии, как и в Риме, должно было развиться структурное соотношение хозяин-клиент, которое позволяло свободным и вполне средним людям быть признанными внутри общества и иметь там права к удовольствию самой же аристократии, для которой они были если не слугами, то, по крайней мере, помощниками. Можно сказать, что аристократы держали их, так сказать, для своей выгоды.

Другой признак расширения аристократии — это ее открытие во внешний мир, прием, который она устраивала иностранцам. Демарат, прибывший из Коринфа, является символическим примером. Его сын получил отчество Тагхна (Тарквинийский, человек из Тарквиний), иначе говоря, он стал Тарквинием, будущим царем Рима. Он женился на Танакиль, о которой известно, что она приходила из аристокра-

тической семьи, что доказывается, помимо прочего, ее образованностью и владением наукой трактовки религиозных символов. Латиняне и италийцы также стали прибывать в Этрурию. Мы можем увидеть Хустилейю (Хостилию) в Вульчи или Калатура Фарена (Калатор Фабий) в Цере. Правила гостеприимства и браки облегчали подобную интеграцию.

Последний пример эволюции аристократии и ее адаптации к новым экономическим условиям дает нам живопись гробниц в Тарквиниях, датируемая между 530 и 470 гг. до н.э. (согласно анализу Ф.Масса-Пэро). Гробница Быков намекает на путешествие Ахилла, гробница Львиц — на вакхический культ, гробница Охоты и Рыбной Ловли — на Афродиту. И везде проявляется глубина проникновения греческой культуры в Этрурию.

Картины следующего периода иллюстрируют новый этап в этой эволюции аристократии. Не отрицая греческого влияния, они демонстрируют возросшее значение образования, семьи, города. В этот период этруская элита выглядит более закрытой, менее повернутой к внешнему миру, более соответствующей тому строгому стилю, который был характерен для ваз, очень распространенных в V веке до н.э.

Это изменение менталитета объясняется, главным образом, неудачами этрусков (например, под Кумами в 474 году до н.э.) и их постепенным отходом к своим естественным первоначальным границам. С развитием дальней торговли и открытием мира крупные землевладельцы начали испытывать затруднения в производстве, увидели утрату интереса к сельскому образу жизни и это не могло не задевать их. После поражений этрусков от внешних сил старая земельная аристократия снова подняла голову. Приток населения в города изменил соотношение сил между городом и деревней, что дошло даже

до возникновения затруднений со снабжением. Крупные землевладельцы начали перераспределять принадлежащие им земли между своими клиентами. Картина общественной жизни изменилась так же, как и соотношение между чернью и клиентами, ставшими новыми землевладельцами. Можно говорить, что в этот период в этруском обществе наметилось некоторое возвращение к старым ценностям, одновременно с восстановлением внутреннего порядка.

В IV веке до н.э. начался процесс романизации Этрурии. Аристократическое общество, кажется, вновь закрылось внутри себя. Несколько влиятельных семей подмяли под себя магистратуры, создав олигархические республики, которые установились во всех городах. Аристократы оставались очень богатыми и еще более подняли свой уровень жизни, который дошел до степени высшей изысканности, вполне оправдывающей обвинение в изнеженности. Браки между богатыми семьями позволяли еще больше концентрировать богатство внутри нескольких правящих кланов. А это повлекло за собой соперничество, недовольство населения и мятежи, что позволило Риму, призванному на помощь этими аристократами, восстановить спокойствие и полностью ассимилировать своих некогда знаменитых соседей.

РАБЫ

Помимо живописи в гробницах, до нас дошли тексты, которые указывают на наличие в этруском обществе домашних рабов. Наличие рабства у этрусков сейчас считается бесспорным, однако единства в оценке его характера нет. На этруских фресках эти самые низшие по положению слуги изображались вполне прилично: речь идет, главным образом, о слу-

гах на похоронных мероприятиях, о голых молодых виночерпиях, наполняющих кубки, о приветливых служанках, одетых в светлые туники, о поварах, голых или носящих простую набедренную повязку (например, в гробнице в Орвьето или в гробнице Леопардов). Другие — порой роскошно одетые — являлись музыкантами, танцорами, атлетами или акробатами. Рабами являлись также молодые люди, присутствовавшие на играх, некоторые из которых были больше заняты тем, чтобы доставлять частные удовольствия, чем следить за бегунами на дорожках. Весь этот мир предстает перед нашими глазами, как всегда в этрусской живописи, в таком виде, будто он и не страдает вовсе от своего рабского положения. Тот факт, что рабы изображены на фресках гробниц, позволяет даже думать, что хозяева относились к ним с уважением, словно желали видеть их в той же функции в своей загробной жизни.

Разница в выполняемых обязанностях и одежде позволяет предположить, что у рабов существовала некая иерархия. Надо также заметить, что имел место длинный список работников, которые не удостоивались чести быть изображенными и, возможно, не получали даже милостивого взгляда: это крестьяне, пастухи, служанки для самых непрестижных работ, «девушки для мытья посуды» (так их называет Жироду) или, что еще хуже, рабы в цепях, которые трудились в шахтах. Жестокость обращения с ними¹ была причиной мятежей, которые неоднократно потрясли Этрурию, особенно в 196 году до н.э.

¹ Различные источники указывают на существование у этрусков обычая ритуальных убийств рабов в форме смертельных поединков между ними и травли людей зверями. О последнем позволяет судить, например, фреска в так называемой «Могиле авгугов» в Тарквинии, где изображена травля собакой человека с завязанным лицом. — *Примеч. пер.*

Мы точно не знаем, каким словом этруски обозначали раба. Возможно, это было слово «lethe». До нас практически не дошли имена рабов. Из того, что известно, можно назвать имена Аплуни (Аполлониус), Атале (Атгале), Эвантра (Эвандре), Тама (Дамас) и др. Иногда упоминалось лишь их происхождение: из Греции, из Азии, из Египта... Другие являлись карфагенянами, галлами, испанцами, сардами. Были среди них и бывшие свободные люди, обращенные в рабство за долги, как это происходило и в Риме. Действительно, войны с другими государствами, шедшие с III века до н.э., позволили вернуть в Рим такое значительное количество рабов, что Тиберий Гракх в 137 году до н.э. уже отмечал отсутствие свободных людей на обработке этрусских земель. Пунические войны дали более 50000 пар рук, и среди этих пленных жителей Карфагена просто обязаны были находиться люди, опытные в сельскохозяйственных работах. В первой половине II века до н.э. греко-восточные войны, которые вел Рим, позволили доставить в Италию примерно 250000 рабов. Этрурия получила свою долю. Но она уже была римской.

Жизнь самых отверженных была самой тягостной. Их единственной надеждой на будущее был переход в разряд вольноотпущенников, которые обозначались словом «lautni».

ВОЛЬНООТПУЩЕННЫЕ

Общепризнано, что термин «lautn» в этруском языке обозначает семью. Слово «лаутни» (lautni), которое ясно указывает на категорию слуг, было переведено латинским термином «familiaris», что обозначает члена семьи (familia). В Риме термин «familia» имел расширенное толкование: он объединял всех

обитателей того или иного жилища, в том числе и рабов. Но ясно, что так называемые «lautni» не были равны «lethe», безвестным и обычно даже безымянным. «Лаутни» известны нам по надписям, сделанным на урнах с их прахом, которые донесли до нас их имена. Некоторые из этих урн были сделаны из алебастра, как у аристократов, что предполагает определенный прижизненный статус умерших, или, по крайней мере, наличие у них некоторого состояния. У них были семьи и иногда даже свои собственные гробницы. Некоторые двуязычные надписи предлагают перевод слова «lautni» на латинский язык, как «libertus», а это позволяет думать, что они были вольноотпущенниками.

Между тем, даже если и очевидно, что «лаутни» пользовались в «familia» достаточными привилегиями, перевод этого термина как «вольноотпущенные», похоже, не отвечает полностью реальному положению дел. Отметим также, что имена «лаутни», встречающиеся в надписях, принадлежат двум различным категориям (проанализированным Хельмутом Риксом): либо они состояли из имени и отчества, как у любого свободного человека, либо они включали только иностранное имя или имя, в случае необходимости дополненное именем (или даже прозвищем) его хозяина в родительном падеже. Ясно, что «лаутни» этой второй категории не могут быть уподоблены вольноотпущенным римлянам, которые, конечно же, оставались связанными со своими бывшими хозяевами, но при этом получали свободу. Они оставались рабами, хотя и пользовались некоторым уважением, которое позволяло им выйти из полной анонимности.

Таким образом, имела место некоторая иерархия между рабами и слугами и, возможно, некая форма повышения статуса этрусского раба. Он мог пользо-

ваться относительной свободой внутри «familia», а лишь потом стать действительно «вольнотпущенным». Он мог сочетаться браком, причем иногда с девушкой, свободной от рождения, даже если этот вид союза и не имел широкого распространения (согласно Валерию Максиму [IX, 1, 2], брак вольнотпущенного с дочерью своего хозяина во время народных мятежей в Вольсинии спровоцировал скандал). Но, в любом случае, их сын уже считался гражданином в полной мере, как это было в Риме. Он сам, став свободным, продолжал работать на своего бывшего хозяина и мог возвыситься еще более, став одним из его «клиентов»¹.

КЛИЕНТЫ

Различные надписи, как в северных, так и в южных городах Этрурии, содержат в себе упоминания о существовании третьей категории слуг: так называемых «этера». Качество их гробниц и обнаруженного в них погребального инвентаря показывает, что речь здесь идет не о рабах (*lethe*) и даже не о вольнотпущенниках (*lautni*), а о людях, принадлежавших к привилегированной категории слуг, живущих в подчинении у своего хозяина. Их имена почти всегда сопровождалось другим именем в родительном падеже — именем их хозяина, что подчеркивало наличие субординации, но речь все же идет о свобод-

¹ Клиент — так в Древнем Риме назывался свободный, но бедный или незнатный человек, принявший защиту богатого или родовитого патрона. Патрон и «клиент» не могли жаловаться друг на друга в суд и выступать свидетелями друг против друга. Связь «клиента» с патроном была наследственной и переходила от поколения к поколению. — *Примеч. пер.*

ных людях, пользующихся всеми правами. Более того, существовали даже специальные магистраты, ответственные за управление ими (в Южной Этрурии это были «zilaθ eterav» и «samθi eterau»), что дает доказательство их статуса свободных граждан.

Различные гипотезы выдвигались для перевода термина «этера». Наиболее интересной остается, вероятно, гипотеза Жака Эргона: «этера» для знатного человека были чем-то вроде привилегированных компаньонов, преданных и верных. Такие люди, состоявшие на службе у богатых семейств, в Риме назывались «клиентами». Речь шла о некоем товариществе или «военном товариществе», которое существовало и в Греции еще с гомеровских времен под названием «etairos»¹, таким «товарищем» был, например, Мастерна для Целия Вибенны.

Впоследствии, вероятно, «этера» представляли собой людей скромного происхождения, поступавших на службу к тому или иному аристократу, служба которых вознаграждалась предоставлением участка земли для возделывания. Среди услуг, которые «этера» должны были оказывать своему патрону, выделялась его защита с оружием в руках и. Речь при этом могла идти как о людях, рожденных в Этрурии, так и о иностранцах, пришедших жить в Тоскану и нуждавшихся в покровителе, чтобы влиться в местное общество и выжить. Подобная практика существовала также в Галлии и Риме.

Можно утверждать, что «этера» представляли своеобразную «элиту» слуг. Некоторые вольноотпущенные мечтали, став свободными, возвыситься социально и, заслужив доверие своего бывшего хозяина, войти в категорию «этера». Подобный стимул имел

¹ Etairos — буквально переводится как «свойский», по смыслу — как «товарищ» или «друг».

большое значение. Интересно, что в некоторых надписях (приблизительно в 10% из числа тех, где говорится о «лаутни») констатируется статус «лаутнэтери» (lautneteri). Это слово соединяет статус «лаутни» со статусом «этера». Можно думать, что речь идет о вольноотпущенных, возведенных в ранг «клиентов» (как, например, «клиент» трибуна Публия Рутиллия, упомянутый Титом Ливием, XLIII, 16, 4).

Чтобы дать пример значимости «этера», рассмотрим надпись, процитированную Жаком Эргоном (чья интерпретация, похоже, более верна, чем рассуждения Хельмута Рикса):

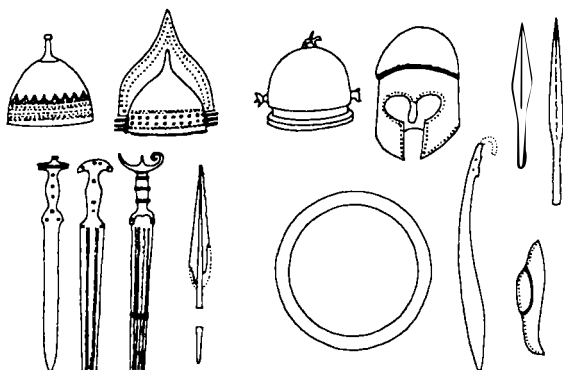
Se[θre] Venete La[rθ] Leθial clan

La[rθ] Venete La[rθ] Leθial etera.

Здесь упомянуты два персонажа, которые носят одну и ту же фамилию. Имя первого Seθre, второго — Larθ, один — сын (clan) владельца гробницы, другой — его «этера». Оба упомянуты вместе, и представляется, что роль «клиента» в семье была не меньшей, чем роль сына. Вот яркий образец двусмысленности ситуации в обществе, где слуга (свободный) мог рассматриваться, как равный с сыном аристократа.

АРМИЯ

Прежде чем погрузиться в наслаждения (по-гречески — *truphe*), за которые их так клеймил древнегреческий историк Феопомп, этруски заслужили приз за отвагу, выданный Диодором Сицилийским (V, 40). Он отмечал их удивительную энергию и подчеркивал, что они сумели создать настоящую сухопутную армию. Их победы на земле и на море, а также страх, который этруски долгое время внушали грекам, не противоречат этой оценке их военных качеств. Также надо помнить, что в древние време-

*Типы боевых шлемов, мечей, наконечников копий и щитов.
IX-V вв. до н.э.*

на война имела различные аспекты, в том числе магическо-религиозные, и не надо представлять этрусские армии такими, какими чуть позже перед нами предстали грозные римские легионы.

В первое время война имела в большей степени «частный» характер, поскольку речь шла, главным образом, о ссорах между соседями-сеньорами, об оплате счетов или набегах, характерных для эпохи, когда акты насилия заменяли экономические и политические отношения. В IX и VIII веках до н.э. города еще не существовали, а образцом военной доблести для этрусков являлась Троянская война (она останется им еще долго). В сказаниях об этой войне доминировало мифическое изображение героя, в основном конного, ведущего свое войско по призыву чувства мести или честолюбия.

Назначение армий этрусков изменилось в течение VII века до н.э. с образованием городов и важными экономическими, политическими и социальными изменениями, которые за этим последовали. Сила этрусков состояла в том, что в это время они заим-

ствовали у греков вооружение гоплитов¹ и боевое построение в фалангу. Воины строились в линию, защищенные щитами, добавляя к дисциплине дух солидарности, унаследованный от сознания того, что они стоят в одном ряду со своими согражданами.

Снаряжение воина состояло из шлема, металлической кирасы и поножей для защиты ног, не прикрытых щитом; он был вооружен копьем и коротким мечом. Защищал он себя при помощи почти круглого щита (диаметром примерно в один метр), который в Риме назывался «клипеус». Его деревянная основа была покрыта бронзовой пластиной, украшенной отличительными знаками или апотропаическими эмблемами (от греч. *apotropaïos* — отвращающий несчастье). На внутренней стороне щита, как обычно, в центре имелась ручка, но нововведение состояло в том, что эта ручка использовалась только для того, чтобы просовывать под нее предплечье, а воин в это время держался рукой за другую ручку (или кожаный ремень), зафиксированную на внешней окружности. Таким образом, щит было удобно держать, и он обеспечивал отличную защиту как самого солдата, так и его соседа, располагавшегося слева.

Этруская фаланга очень удачно изображена на рисунках художника из Микали, на амфоре, обнаруженной в Тарквиниях, и на этрусском кувшине для вина, известном под названием «*Tragiatella œnochoé*».

Эти изображения позволяют нам представить себе общий вид этрусских армий, которые, в частности, неоднократно атаковали римлян. Некоторые

¹ Гоплит — тяжеловооруженный древнегреческий пехотинец, который воевал в закрытом строю (фаланге). Гоплиты возникли приблизительно в VIII столетии до н.э., а до их появления в военных действиях преобладали индивидуальные поединки или же одна группа воинов билась с другой. — *Примеч. пер.*

Сцена боя: этрусский бог войны Ларан атакует гиганта Цельсклана. Бронзовое зеркало

гробницы (например, гробница Воинов в Вульчи, датируемая концом VI века до н.э.) донесли до нас образцы экипировки и вооружения гоплитов, дающие доказательства настоящей «гоплитской революции» по сравнению с тем, что было найдено в более древних гробницах, относящихся к эпохе, когда один знатный конный воин вел за собой беспорядочную толпу пешеходных воинов.

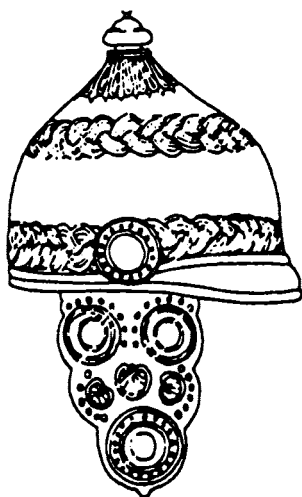
Надо подчеркнуть, что подобная эволюция вписывается в рамки преобразования этрусского общества и соответствует периоду образования городов.

И трудно точно определить, какой элемент, города или армия, инициировал другой. Этот прогресс сопровождался расширением аристократии, связанным с ростом числа богатых в результате новых экономических условий. Многие гробницы из Тарквиний, которые не имели больше ничего общего с большими княжескими тумулы¹, свидетельствуют об этом расширении и заставляют думать о появлении своего рода «рыцарского сословия». Объединенные таким образом граждане, у которых были на это средства, находили в фаланге выражение своей солидарности при защите родного города.

В то же время мы можем констатировать и факт политической реорганизации городов. Курии уступили место системе центурий и цензовых классов, как это было в Риме после реформы Сервия Туллия. Наиболее богатые граждане стали считать себя ответственными за организацию обороны путем приобретения дорогостоящего вооружения и экипировки. Подобное новое политическое и военное положение, впервые показавшее себя в середине VI века до н.э., к концу века стало повсеместным. Таким образом, кончились времена военачальников на колесницах, ведущих за собой своих солдат по подобию полубогов из «Илиады». Тем не менее, было бы ошибочно полагать, что фаланги использовались лишь городами. Богатые сеньоры также имели достаточно средств, чтобы формировать собственное войско. Эта новая военная тактика требовала специальных знаний и дисциплины, но богатый сеньор мог себе позволить нанять специалистов для обучения своих людей искусству войны. Так солдаты становились профессионалами.

¹ Тумулы (тумулус) — так у этрусков назывались мощные земляные насыпи, покрывавшие гробницы.

Боевой шлем. Середина IV века до н.э.

В IV веке до н.э. начались изменения в типе вооружения этрусской армии, но эволюция шла чересчур медленно. Между тем Рим, который много позаимствовал у Этрурии, наверстал отставание и обогнал своего соседа, развивая тактику манипул, которая легла в основу создания римских легионов. Этруски в военном отношении отстали, и именно это стало главной причиной поражений, которые они стали терпеть от Рима. Они напрасно старались прибегать к различным хитростям, чтобы компенсировать свое отставание — фалиски и тарквинийцы, например, посылали жрецов, переодетых демонами, которые размахивали факелами, чтобы напугать римлян (Тит Ливий, VII, 17). Столкновение между Римом и Тарквиниями, без сомнения, отметило конец фаланги.

В конце IV века до н.э. Тит Ливий так описывал вооружение этрусков во время осады Сутриума: их щиты уже не были типа «клипеус», как у гоплитов,

теперь это были «скутум» удлиненного типа, которые римляне уже использовали в своих подразделениях, которые назывались манипулами. Эта ремарка позволяет думать, что этруски, в свою очередь, приняли военное построение в виде манипул, но было уже поздно.

Долгое время этруски, перенимая греческие вооружение и тактику, были в этой области пионерами в Италии. Это и обеспечивало их первенство. Римляне очень многим обязаны им в этой области. Затем Рим получил преимущество, и Этрурия заплатила за это отставание своей свободой.

ФЛОТ

Диодор Сицилийский (V, 40), по примеру многочисленных других историков Античности, подчеркивает, что этрусские моряки вызывали к себе большое уважение. Он напоминает, что море, которое омывает берега Италии, носит название «Тирренское», и обязано этим военно-морским силам тех, кто был «очень долго хозяином на море». Нужно ли напоминать, что главное впечатление, оставленное этрусками в воспоминаниях их современников — это образ грозных пиратов. В действительности, кажется, что этруски всегда были связаны с морем, и соседние народы многое позаимствовали от них в этой сфере.

Плиний в своей «Естественной истории» (VIII, 209) рассказывает, что одному этруску из Пизы пришла в голову идея установить таран на передней части корабля для того, чтобы превратить его в боевое судно. Подобные суда существовали в Восточном Средиземноморье примерно с IX века до н.э. и отличались от торговых кораблей таранами, которые продолжали нос корабля чуть ниже ватерлинии. На

Западе форма кораблей была другой: там добавляли впереди корабля еще один таран из дерева, а затем из бронзы, который располагался выше ватерлинии. Эффективность обоих типов боевых кораблей была схожей.

Город Пиза не был, конечно, одним из наиболее важных в Этрурии, но, по данным Страбона (V, 2, 5), был богат древесиной, хорошо подходящей для строительства кораблей. Кроме того, город находился вблизи от наиболее важной рудниковой зоны страны, которая могла поставлять бронзу для изготовления таранов. Без сомнения, пизанцы были хорошими металлургами, ибо Плиний приписывает им также изобретение трубы, которая тоже делалась из бронзы. Мы никогда не узнаем, существовала ли связь между этими изобретениями пизанцев, и пугали ли этруски своих врагов громкими звуками трубы, идя на абордаж, но остается фактом, что моряки-тосканцы были прозваны «пиратами-трубачами». Следует также напомнить, что моряки античности совмещали функции торговцев и корсаров, никогда не отказываясь от актов насилия, за что их называли «пиратами» любые противники, с которыми они сталкивались на море и которые считались их конкурентами.

Первыми этрусскими городами, начавшими бурно развиваться, стали города на побережье. Отношения с Корсикой и Сардинией были установлены очень рано. Греки с момента обустройства своих первых колоний уже были обеспокоены угрозой пиратов-тирренцев. Первая из этих колоний, основанная в Питекуссе (на острове Искья), датируется 770 годом до н.э. Таким образом, этрусский флот был создан самое позднее в VIII веке до н.э.

Что касается знаменитых морских сражений, вроде морской битвы при Алалии в 540 году до н.э., то их следует представлять себе как столкновение пенте-

контер (кораблей с пятидесятью гребцами, по двадцать пять с каждого борта). Триеры появились только в V веке до н.э. При Алалии примерно шестьдесят карфагенских и шестьдесят этрусских кораблей встретились с шестидесятью фокейскими кораблями. Все корабли были пентеконтерами, господствовавшими на морях со времен Гомера. Они, по-видимому, были оснащены таранами — как иначе объяснить большое число людей, оказавшихся в воде, а потом выловленных этрусками и доставленных на землю, где их уже ожидали, чтобы забросать камнями?

Морская война была связана с большими потерями, но она была и очень зрелищна. Она дает нам также яркий образец насилия и жестокости, в которых каждый народ легко мог бы оспорить пальмовую ветвь.

IV

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Экономическая мощь Этрурии удивляет. Действительно, ее развитие связано с богатством ее земли и недр. Наличие крупных рудных месторождений объясняет тот факт, что греческие колонисты очень рано заинтересовались этим регионом Италии, равно как и Испанией, также богатой сырьем, которое у самих греков отсутствовало. Из-за этого этруски получили преимущество перед другими народами, населявшими Апеннинский полуостров, что поставило их в число трех крупнейших цивилизаций того времени в Средиземноморье.

Но природные богатства не были подарком богов или делом случая. Они были бы ничем без упорной работы и таланта людей. Этруски обладали научными познаниями, владели приемами гидротехники, умели осуществлять дренаж земли, превращая ее в плодородную почву, строили шахты и знали, как перерабатывать руду, что позволяло им вести товарообмен и улучшать качество своей продукции. Они первыми на территории Италии стали заниматься виноградарством и начали экспортировать вино в Галлию, где они научили галлов разбираться в нем; они первыми овладели техникой переработки бронзы, что удивляло греков, которые приезжали к ним за покупками; первыми в регионе они смогли орга-

низовать дальнюю торговлю, и сейчас находят ее следы от Дании до Египта, от Англии до Польши.

Множество документов (как археологических, так и текстовых) свидетельствует об этой плодотворной деятельности этрусков. Один из наиболее известных — это пассаж из «Истории Рима» Тита Ливия (XXVIII, 45, 15), где рассказывается о помощи, которую Этрурия оказала молодому консулу Сципиону в 205 году до н.э., когда тот готовился к нанесению решающего удара по Карфагену и по его африканским землям. Тит Ливий пишет: «Сципион не получил разрешения произвести воинский набор, да и не очень на этом настаивал: ему позволили набрать добровольцев. Он заявил, что государство ничего не истратит на будущий флот: союзники дадут ему все, что нужно для постройки и снаряжения кораблей. Первыми пообещали по своим возможностям помочь консулу города Этрурии: Цере — дать хлеб и всякое продовольствие для моряков; Популония — железо; Тарквинии — холст на паруса; Вольтерра — корабельный лес и хлеб; Ареццо — три тысячи щитов и столько же шлемов, копья, галльские дротики, длинные копья — всего пятьдесят тысяч предметов, каждого вида оружия поровну, — а также топоры, заступы, косы, корзины, ручные мельницы, сколько этого нужно для сорока военных судов; сто двадцать тысяч модиев пшеницы и дорожных денег десятникам и гребцам. Перуджа, Кьюзи и Розелла пообещали корабельный сосновый лес и много хлеба. Сосны брали из общественных лесов».

Еще надо отметить, что мощь этрусков в полной мере не могла проявиться из-за соперничества их городов. Мозаичность Этрурии облегчила римское завоевание. Отсутствие единства — фактор, который объясняет замедление развития страны, причем как в политической области, так и в экономической.

Неспособность этрусков приспособиться к новой геополитической ситуации путем слияния главных городов имела фатальные последствия. Если бы это произошло, можно только предполагать, какое сопротивление встретили бы честолюбивые намерения римлян.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Многие авторы восхищаются пышностью Этрурии, плодородием ее почв, избытком и разнообразием сельскохозяйственных культур. Это создает образ зеленой и обильной страны. Вспомним хотя бы оставленное Плинием Младшим восторженное описание природных богатства, в которых утопала его вилла в Тоскане («Письма», V, 6, 7): равнина богатая дичью, холмы, покрытые толстым слоем хорошей земли, красивые дома, виноградники насколько хватает глаз, рощи, луга, усеянные цветами, неиссякаемые источники. Все это составляет «картину пейзажа большой красоты». Друг императора Траяна весь погружается в лиризм, не упоминая о тяжелом труде людей, стоящем за этой идиллической картиной.

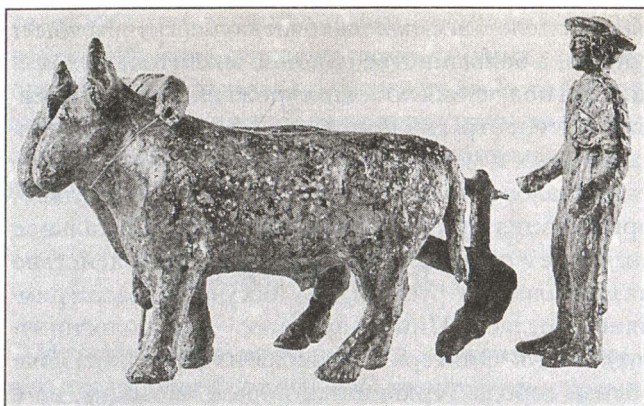
Если некоторые регионы Этрурии и были похожи на земной рай, то вся страна отнюдь не была таковой. Другие ее части были сухими, некрасивыми, даже зловонными из-за болот — мест обитания огромных малярийных комаров. Южные земли из-за присутствия туфа вулканического происхождения были очень трудны для обработки. Потребовались целые века неутомимой работы инженеров-гидравликов, чтобы страна этрусков могла заслужить к концу своей истории щедрых похвал римлян.

Сельское хозяйство было основным видом экономической деятельности. Главным занятием большей

части населения являлось земледелие, требовавшее, однако, в большинстве районов значительных усилий для получения хороших урожаев. С самых древних времен этруски прославились созданием ирригационных и мелиоративных систем в виде открытых каналов и подземного дренажа. Действительно, организация территории всегда имела капитальное значение и оказывала фундаментальное воздействие на менталитет этрусков (это у них унаследовали римляне). Согласно Цицерону, Тагес — в мифологии этрусков внук Юпитера — появился из борозды на поле вблизи города Тарквинии в образе мальчика, но с умом старца. Тину, этрусскому Юпитеру, посвящены межевые столбы, которые ограничивают территорию, потому что, согласно традиции, этот бог сам приказал, чтобы поля были измерены и ограничены. Нам известно этрусское слово, которое обозначает границы («tular»), и археология дала нам несколько каменных столбов, предназначавшихся для обозначения границ города или чьей-то частной собственности. Эти межевые столбы были священными, и нимфа Вегоя грозила «страшнейшими болезнями и самыми ужасными ранами», не забывая о бурях и вихрях, тем, кто обходил эти столбы, «чтобы расширить свои земли за счет чужих земель». Это свидетельствует о том, до какой степени эта тема была серьезна.

С виллановианской эпохи этрусские мужчины были прежде всего земледельцами и солдатами. До образования торговой аристократии именно земельная аристократия обеспечивала благополучие этрусских городов. Двойное призвание работать на земле и защищать ее позволяло взрослому мужчине получить признание в глазах общества; мальчиков еще с детства приобщали к этим видам деятельности.

*Пахарь, управляющий запряженными волами.
Бронзовая votивная статуэтка
IV в. до н.э.*

В областях этрусского расселения выращивали пшеницу, полбу, ячмень, овес, лен, виноград. Тщательное изучение первоисточников показывает, что культуры не были столь разнообразны, как можно было бы подумать, восхищаясь плодородием земель. Основными этрусскими культурами были злаковые и виноград. Пшеница Этрурии пользовалась хорошей репутацией, полба — тоже. Она являлась основным продуктом питания народа (служила для изготовления каш).

Важную роль играло и скотоводство: этруски разводили коров, овец, свиней. Коневодство имело ограниченные масштабы. Конь у этрусков считался священным животным и применялся, как и на Востоке и в Греции, исключительно в военном деле. Этрусские быки ценились за выносливость, овцы — за высокие надои (известно, что из овечьего молока изготавливались сыры, которые весили больше 300 кг!). Полибий рассказывает об этрусских пастухах, которые

приучили своих животных узнавать звук их трубы и следовать за ними под музыку. Он описывает длинные стада, которые растягивались вдоль моря, следуя за своими пастухами, наполнявшими окрестности звуками музыкальных инструментов.

Виноградарство, пришедшее из Кампаньи, закрепилось в Этрурии, вероятно, с VIII века до н.э. Вино занимало особое место в этруском обществе. Оно предназначалось для аристократии, которая употребляла его главным образом во время праздников (как это показывают фрески, изображающие погребальные застолья). Вино считалось напитком героев, а его опьяняющая власть была связана с культом Бахуса. Вино также подчеркивало политический статус того, кто его потреблял. В III веке до н.э. некоторые этрусские вина лучших марок были известны до самой Греции. Тосканские вина и сейчас относятся к лучшим винам Италии.

Среди других культур следует отметить лен, который позволял производить ткани, в том числе надежную парусину для кораблей, а также сети для охоты, одновременно легкие и очень прочные.

Садоводство также имело некоторое распространение. Отношения этрусков с жителями Карфагена показывают, что адаптация в Италии некоторых фруктов (например, лимонов) началась с Этрурии. Что касается оливкового дерева, то его выращивание началось довольно поздно (не ранее VI века до н.э.). Но это не означает, что этруски не потребляли оливкового масла (его называли «*eleivana*»). Его импортировали в специальных амфорах, многочисленные образцы которых сохранились до наших дней.

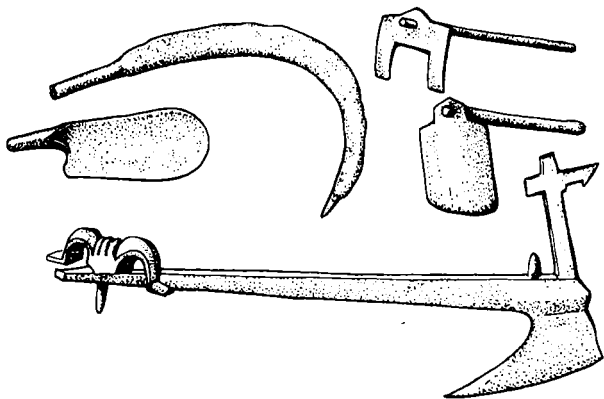
Помимо этих базовых культур, богатые земли Тосканы позволяли разводить плантации различных зеленых насаждений, в той или иной степени декоративных. Фрески гробниц в Тарквиниях показыва-

ют нам роскошные цветущие сады, засаженные экзотическими деревьями (пальмами, гранатовыми деревьями). Некоторые их виды признавались благоприятными, а другие — неблагоприятными, потому что они находились под защитой божеств преисподней — например, деревья с черными плодами (черный — цвет ада), с шипами (ежевика и т.п.). Благоприятными считались дуб, бук, орешник, белый инжир, груша, яблоня, виноградная лоза, сливовое дерево и некоторые другие деревья и растения. Подобные классификации напоминают нам, насколько в древности природа наделялась божественными качествами и какую тесную связь она имела с человеком.

Этрурия была также страной лесов, хотя их вырубка велась полным ходом. В IV веке до н.э. греческий философ Теофраст еще говорил о столь высоких буках (около тридцати метров), что они были достаточны для того, чтобы покрыть всю длину киля корабля. Дубы, буки и ели использовались, главным образом, на судоверфях.

Археология дала нам многочисленные примеры сельскохозяйственных орудий из железа или из бронзы: лопаты, кирки, мотыги, серпы, кривые садовые ножи. Индустрия обработки железа позволила этрускам делать инструменты, хорошо приспособленные к их сельскохозяйственному назначению. Существовали также некоторые модели плугов, легких и довольно примитивных, которые напоминали о предсказании Тагеса, мальчика с умом старца, появившегося прямо из борозды, чтобы дать людям «Этрусское учение» (*disciplina etrusca*). Наиболее трогательное свидетельство находится, возможно, в знаменитой маленькой бронзовой скульптуре из Ареццо (IV век до н.э.): она изображает крестьянина, идущего за быком и управляющего плугом.

Различные сельскохозяйственные орудия (в том числе плуг)

Агрономическая наука этрусков многим была обязана познаниям карфагенян в этой области. Знаменитый карфагенский трактат Магона о земледелии был им хорошо известен. Мы знаем, что некий Сасерна также составил похожий трактат, а его сын продолжил это произведение. Латинские агрономы (Варрон, Плиний и др.) цитируют его неоднократно. Как и Катон, Сасерна занимался медициной и гигиеной. Римский ученый Марк Теренций Варрон приводит нам несколько рецептов и средств, которые советовал Сасерна: чтобы избавиться от клопов, надо смешать желчь быка с уксусом и натереть этим составом кровать; против подагры надо повторять двадцать семь раз (то есть «три раза по девять») натощак, касаясь земли и сплевывая: «Я думаю о тебе, вылечи мои ноги, пусть земля заберет болезнь, а здоровье останется здесь в моих ногах»

Редкие следы этого этрусского трактата по агрономии, которые до нас дошли, восхваляют экономию. Ферма Сасерны, как и ферма Катона, должна была производить все, что необходимо для жизни

ее обитателей с наименьшими расходами на внешние закупки. Другое важное требование заключалось в том, чтобы работа была эффективной. Сасерна считал, что одного человека было достаточно, чтобы вскопать 1 гектар земли за 45 дней, принимая в расчет возможные несчастные случаи со здоровьем, плохую погоду и... лень раба. Далее он уточняет, что две упряжки волов достаточны для обработки 50 гектаров. Что касается средней площади хозяйств, необходимо напомнить, что большая часть крестьян обладала всего лишь несколькими гектарами. 50 гектаров — это уже крупное хозяйство. Это не означает, что некоторые крупные владельцы не имели намного более обширных земель, так как иногда можно встретить упоминания о латифундиях (*latifundia*). Но следовало бы остерегаться от поспешных сравнений, например, с асиендами в Латинской Америке. В античные времена латифундии не принадлежали одному владельцу. Они состояли из нескольких частей, располагавшихся в разных местах, и земли их отводились под определенные культуры (злаковые, виноградники и т.д.). Именно совокупность таких отдельных частей и позволяет говорить о латифундии.

ГИДРОТЕХНИКА

Гидротехнические навыки этрусков восхвалялись всеми латинскими авторами, которые затрагивали эту тему. Компетенция этрусских инженеров признавалась единогласно. Фактически, без них Этрурия никогда не была бы той страной, какой она стала. Климат некоторых регионов, особенно болотистых и находящихся близ побережья, был вреден для здоровья, здесь было полно комаров — разносчи-

ков малярии. Другие районы, находящиеся на юге, были непригодны для земледелия из-за обилия туфа вулканического происхождения. Естественного орошения там не было. Кроме того, по мере развития городов, надо было думать о создании водоемов и поставках воды, а также об эвакуации сточных вод. Таким образом, познания гидротехников весьма способствовали экономическому развитию городов.

Среди работ, о которых свидетельствуют тексты и археологические находки, можно выделить отвод части воды рек каналами для того, чтобы наводнить и очистить вредные болота; бурение артезианских скважин; прокладку каналов под открытым небом для облегчения орошения; создание сетей подземных каналов для облегчения сельскохозяйственных работ в регионах с сухой почвой, а также строительство водостоков для очищения городов.

Наиболее впечатляют подземные дренажные сооружения этрусков. Обнаружены следы существования главного туннеля (1,70 м высотой и 60 см шириной, чтобы человек мог там работать), к которому присоединялись другие каналы, меньшего размера, соединенные с поверхностью земли вертикальными шахтами, предназначенными для сбора и эвакуации воды. Эти колодцы прямоугольной формы располагались на расстоянии 30 или 40 м друг от друга и имели насечки по всей своей высоте, чтобы люди, ответственные за их поддержание в рабочем состоянии, могли спускаться внутрь. Действительно, профилактика этих систем была крайне важна, так как обработка земель сильно зависела от каналов, которые, если они засорялись, накапливали застойную воду, столь же вредную, как и болота.

Другое выдающееся сооружение — так называемая Клоака Максима (Cloaca Maxima). Это название происходит от латинских слов «cluo» (чистить, очи-

стительный канал) и «тахима» (великая, большая). Клоака Максима — это одно из самых замечательных сооружений, построенных в VI веке до н.э. в период правления в Риме этрусского царя Тарквиния. Так назывался облицованный камнем подземный сточный канал для отвода в Тибр воды из болот между холмами, на которых располагался Рим. Позже в этот подземный канал вывели и стоки жилых домов. Правда, римляне считали, что канал этот недостаточно промывался, поскольку имел незначительный уклон. Но, тем не менее, он функционировал много столетий. По словам Цицерона, этот канал позволил центру Рима стать «здоровым посреди зловонного региона». Действительно, район Рима из-за почвы, подобной почве Южной Этрурии, был непригоден для сельского хозяйства. И именно этруски показали римлянам, как нужно дренировать почву и обрабатывать ее. Впоследствии заброшенность и отсутствие надлежащего ухода за ирригационными каналами стала одним из наглядных проявлений упадка Рима. Точно так же, в III веке до н.э., войны и экономические затруднения Этрурии привели к небрежности в уходе за каналами, что спровоцировало возвращение малярии и ускорило общий упадок.

МЕТАЛЛУРГИЯ

Высокого развития достигли в Этрурии добыча и обработка металлов, особенно меди и железа. Этрурия была единственной областью Италии, где имелись рудные залежи. Здесь в отрогах Апеннин добывались медь, серебро, цинк, железо. Эти залежи привлекли внимание греков, которые добрались до тосканского побережья именно в поисках металла. Следует также отметить, что железо в свое время

имело почти такую же цену, как и золото, если говорить о техническом прогрессе, который с ним был связан.

Два автора, Диодор Сицилийский и Страбон, позволяют нам оценить богатства недр Этрурии. Этруски производили огромное по тем временам количество металла. Они добывали руду не только с поверхности земли, но и сооружали шахты. Популония, Вольтерра и Ветулония считались главными металлургическими центрами Этрурии.

Похоже, олова, извлеченного в первое время, было достаточно для местного производства бронзы, но очень быстро его запасы стали истощаться. Возникла необходимость импортировать его с Британских островов, главным образом, с полуострова Корнуолл. Но этот морской путь был монополией финикийцев. Тогда этруски, превосходные торговцы, наладили поставки олова по суше и речным путям (Рона, Сона, Сена) через Галлию, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки, в частности, место сбора дорожной пошлины в Виксе при переходе от Соны к Сене. Эта торговля способствовала росту таких портов, как Марсель. Благодаря внешней торговле этруски могли в большом количестве производить великолепную бронзу.

Наиболее богатым с точки зрения металлургии, нечто вроде рудникового Эльдорадо, был остров Эльба, что расположен в десятке километров от Популонии. Виргилий описывал его как щедрую «землю с неисчерпаемыми шахтами» («Энеида», X, 174). Легенда о богатствах острова быстро распространилась по всему Западнему Средиземноморью. Греки из Сиракуз, которые страстно желали овладеть ими, даже предприняли два похода против острова в 453 году до н.э.

Первоначально обработка руды, которая требовала много дров, велась непосредственно на острове. Именно поэтому первым названием острова было Айталея, то есть «зачерненный огнем», что намекало на загрязнение сажей и дымом, выделяемым печами. Но очень быстро — без сомнения, из-за нехватки леса на острове — переработка руды переместилась в Популонию. Обильные леса этого региона Тосканы давали необходимое топливо (даже для очень скромной отдачи требовалось в два раза больше древесного угля, чем руды). Многочисленные холмы шлаков в окрестностях Популонии (некоторые достигают 20 метров в высоту), разбросанные на 2000 гектарах, свидетельствуют о таком объеме металлургической деятельности в древности, что эту местность прозвали «античным Питтсбургом».

Мы мало знаем об условиях жизни шахтеров, вероятно, очень тяжелых. Судя по аналогии с греческими и римскими горными промыслами, добыча руды была ручной. Основными орудиями горняков во всем мире были тогда заступ, кирка, молот, лопата, корзина для переноски руды. Раскопки в районе Популонии и Марцаботто обнаружили настоящие промышленные кварталы, где работали металлурги. Об этом свидетельствуют, например, клещи, позволявшие транспортировать металл, нагретый докрасна, или матрицы из обожженной глины, использовавшиеся для отливки. Шахты были простыми и неглубокими, иногда прямо на открытом воздухе, иногда вырытыми в земле. Их было очень много, особенно к северу от Популонии.

Мы намного лучше информированы о плавильных печах, многочисленные образцы которых нашли археологи: они были конической формы, и их внутренний диаметр превышал 1,50 м. Процент извлечения металла из руды был настолько низким,

что в более поздние времена оказалось экономически выгодным переплавить горы шлака вокруг этрусских городов. Но для своего времени Этрурия была одним из передовых центров производства и обработки металла.

Технология получения железа включала в себя два этапа. Диодор уточняет, что в печи «под воздействием мощного огня, они (рабочие) расплавляли его и превращали в слитки приемлемых размеров, которые походили на большие губки». Именно эти губчатые массы покупали греческие торговцы, чтобы передать потом кузнецам. Некоторые образцы этих «железных губок», происходящие с острова Эльба, были обнаружены в Искье, на месте первой греческой колонии в Италии. Долгое время технология переработки оставалась примитивной, и рентабельность не могла быть повышена. Внутренняя температура печи составляла примерно 1250°C. Содержание железа в шлаках могло составлять до 40%. Это был компромисс: если сделать температуру выше, шлаки будут содержать больше железа, а если ее сделать ниже, выделение железа будет происходить медленнее.

Новые технологии были очень ценны. Они позволили выковывать оружие и сельскохозяйственные орудия. Торговцы экспортировали готовую продукцию во все части света. Диодор с гордостью отмечает достижения этрусских (италийских) металлургов. Считалось, что боги заботились об этом, и в частности, Сетланс – покровитель ремесленников, этот этрусский Вулкан, голову которого можно увидеть на монете, отчеканенной в Популонии в III веке до н.э. На ее оборотной стороне изображены клещи и молоток.

Но в то время Популония уже сдавала свои позиции. Промышленная столица Этрурии во времена

Римской империи представляла перед глазами редких посетителей «грустной» (по выражению Страбона), а потом она вообще пала в руины и утонула в море забвения.

ТОРГОВЛЯ

История Этрурии тесно связана с торговой деятельностью городов. Основание колоний и военные столкновения зачастую представляются как акты защиты экономических интересов. Те, кого считали пиратами, были прежде всего конкурентами, которых опасались в средиземноморском мире все великие державы того времени.

В VIII веке до н.э. греки начали создавать свои колонии на Западе, на пути финикийцев, которым был обязан своим основанием Карфаген (согласно легенде, это произошло в 814 году до н.э.). Богатство этрусских недр привлекало все новых и новых колонистов, прибывавших в поисках сырья. Борьба влияний не замедлила начаться. В то время этрусски еще были не в состоянии экспортировать свою продукцию на далекие расстояния. Торговый обмен с иностранцами помог им в их развитии; так они получили алфавит и практику письма. В VII веке до н.э. этрусски уже были достаточно сильны, чтобы самим строить корабли и выходить в море.

Тем не менее, не надо думать, что этрусская торговля всем обязана приходу иностранцев в Тоскану. С конца X века до н.э., то есть еще до виллановианской эпохи, торговый обмен уже был хорошо развит в Италии. Этруски даже торговали с соседними островами (Сардиния и Корсика), что доказывают находки, обнаруженные в гробницах. Более того, присутствие янтаря с Балтийского моря в этих гробни-

цах позволяет предположить, что существовали и намного более дальние связи, о которых, к несчастью, мы не знаем ничего. Но, главным образом, именно с VIII века до н.э. население страны начало увеличиваться, производство — расти, а красивые бронзовые изделия этрусков были по достоинству оценены на внешнем рынке.

Этруская торговля внутри Итальянского полуострова способствовала развитию других народов. Тосканцы передали своим соседям новые методы (например, гидротехнику, которая позволяла оздоравливать почвы), обучали алфавиту, унаследованному от греков (языки латинский, венецкий, умбрийский и др. его приспособили к своей фонетике), способствовали переходу от аграрной жизни к городской культуре. И это происходило не потому, что этруски господствовали над всеми этими соседними народами, с которыми они поддерживали тесные отношения, но потому, что они воспитывали их, влияя на их культуру. Каждый город способствовал этим обменам: например, металлургия Ветулонии и Популонии, рыбная ловля приморских городов (археологами были обнаружены крючки и грузы для сетей, а также трезубцы, которые доказывают, что рыбная ловля велась в оптовых масштабах), соль из устья Тибра, торговля ею сделала Рим богатым.

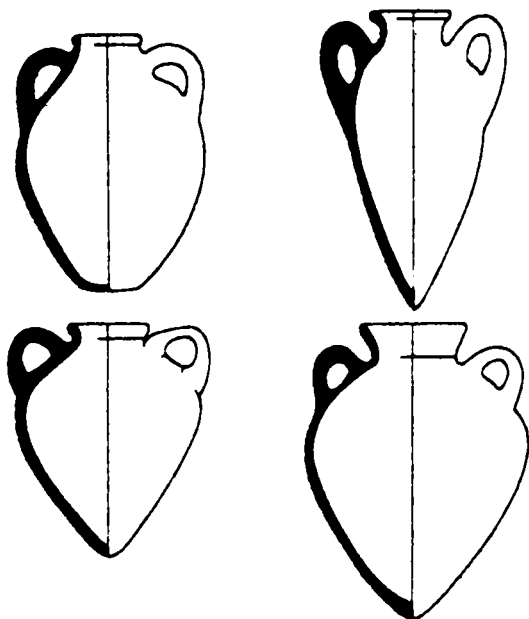
Чтобы вести внутреннюю торговлю, Этрурия использовала богатую инфраструктуру речных и наземных путей. Рек в этом районе Италии очень много, и Тибр, который долго называли «*Tuscum amnis*» (этруская река), служил главным речным путем. Города, которым посчастливилось господствовать над главными торговыми путями (как, например, Вольсинии, Кьюзи или Рим), развивались ускоренными темпами. Они получали наиболее ценные продукты, а также контролировали поставку руды и

сельскохозяйственных продуктов. Можно себе представить, какое было на реке непрерывное движение лодок и кораблей, которые сплавлялись по течению в одну сторону или тянулись быками в другую (эти медлительные животные проложили широкие дороги, повсеместно окаймлявшие судоходные реки).

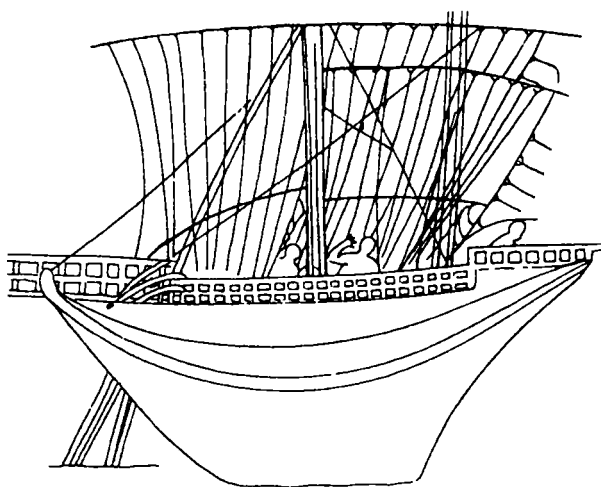
Менее значительные дороги покрывали страну густой сетью. Далекие от того, какими станут широкие вымощенные камнями римские дороги, которые в прямом смысле этого слова прорежут этрусскую территорию (в 241 году до н.э. будут построены консульские дороги *Виа Аурелия* и *Виа Америна*, чуть позже — *Виа Клавдия* и *Виа Кассия*), грунтовые дороги этрусов (вымощены они были только на подступах к городам) извивались, следуя особенностям рельефа. Зачастую разбитые тяжелыми и весьма многочисленными повозками, они явно не отвечали никакой экономической логике, отличаясь этим от римских дорог. Две переправы на юге позволяли пересечь Тибр — они были очень важны для поддержания наземной связи с Кампаньей; еще одна, более древняя, в Фиденгах, соединяла город Вейи с Пренесте (важным узлом на южной дороге), другая переправа была в Риме. Дороги, ведущие на север, шли через равнину реки По и дальше, в альпийские ущелья, затем в долины Соны и Сены (это был знаменитый путь импорта олова, так необходимого для изготовления бронзы). Галлы и этруски использовали повозки, покрытые чехлом и запряженные парой лошадей или двумя быками. От них это перешло затем к римлянам, которые называли такую повозку «*сагентум*». Можно вспомнить, что Тарквиний и Танаквиль добирались до Рима в подобном экипаже.

Репутация, которую имели этрусские торговцы среди античных народов, происходит, главным образом, от их склонности экспортировать свою про-

*Амфоры для перевозки этрусского вина.
VI-V вв. до н.э.*

дукцию на большие расстояния. Перечень мест, где были найдены этрусские вещи, впечатляет: Западное Средиземноморье (Италия и Сицилия, восточный берег Сардинии, Карфаген, Балеарские острова, северо-восточный берег Испании, Лангедок, Прованс и долина Роны, и т.д.), Восточное Средиземноморье (Пелопоннес, Афины, Самос, азиатский берег — Родес, Кипр, Египет, дельта Нила и т.д.), а также берега Черного моря, Австрия, Богемия, долины Рейна и Эльбы, Польша, Англия, Дания, юг Швеции. Даже если этрусские торговцы сами не путешествовали повсюду, присутствие вещей, изготовленных в Этрурии, свидетельствует об их высоком торговом динамизме. Изучение находок, обнаружен-

Торговое судно

ных в Средиземном море, показывает также эволюцию этой торговли: VII и VI века до н.э. — этруски осваивают средиземноморский бассейн; с VI века до н.э. и, главным образом, в V веке до н.э. они открывают каналы сбыта на север; это было очень важно, так как их поражение от греческой коалиции положило конец их талассократии и ограничило торговые претензии на юге.

С большей частью вышеупомянутых стран торговые обмены этрусков были весьма значительны. Этруски импортировали олово (с северо-запада), много керамики любой формы и назначения (по крайней мере, до 475 года до н.э.), сделанной, главным образом, в Сирии, Египте, Карфагене и Греции (особенно в Афинах в VI веке до н.э.). Относительно экспорта можно отметить, что они отправляли свою продукцию, изготовленную в наименее развитых районах, в более развитые регионы. В Средиземноморье речь шла, главным образом, о рудах и

злаковых. Вино также занимало важное место, особенно в направлении Прованса; эти поставки включали в себя также и все необходимое сопутствующее оборудование (кубки, амфоры и т.д.). К этому также следует добавить произведения искусства (бронзу, вазы «буккеры»). Торговые операции порой становились многоходовыми и весьма сложными. Например, этруское вино обменивалось в Провансе на кожи, которые торговцы меняли затем в Греции на произведения искусства, которые впоследствии привозились в Этрурии. Такая многосторонняя торговля позволяет оценить разнообразие торговых связей, существовавших в Средиземноморье в ту эпоху.

Подводная археология, получившая в последние годы значительное распространение, дала возможность извлечь из морских глубин некоторое количество обломков, которые позволяют лучше судить о греческих и этруских торговых судах, хотя, надо отметить, происхождение того или иного корабля не всегда можно точно определить. По уже упомянутым причинам торговые суда не были застрахованы от недружественных встреч и должны были быть вооруженными, чтобы иметь возможность дать отпор. Этрусский торговый флот включал в себя корабли довольно скромного размера, с поднятыми носом и кормой, с тараном в носовой части, мачтой посередине и квадратным парусом. Этот флот насчитывал также несколько крупных кораблей, как, например, тот, что был обнаружен недалеко от полуострова Гиен и имел 20 метров в длину и 7 метров в ширину. Трюм его вмещал более восьмисот тщательно уложенных амфор, связанных пеньковыми тросами. Форма амфор показывает, что они были из города Цере.

Среди народов, с которыми этруски поддерживали наиболее привилегированные отношения, надо отметить жителей Карфагена и греков. Аристотель

утверждал даже, что связи между этрусками и карфагенянами были столь тесными, что создавалось впечатление, что они были гражданами одного и того же города. Можно вспомнить о помощи, оказанной Карфагеном воинам из города Цере в войне против фокейцев. Военное соглашение было усилено религиозным союзом, нашедшим свое практическое выражение в строительстве храма, посвященного богине Астарте-Уни, в городе Пирги. Не удивительно поэтому, что торговые связи между этими двумя народами были такими тесными. Начало этрусского экспорта керамики, особенно «буккеры», в Карфаген восходит к середине VII века до н.э.

Что касается греков, то они всегда показывали себя незаменимыми партнерами. Обмен с ними был не только коммерческим, но и культурным. В данном случае почти невозможно отделить культурные контакты от торговых. Вазы, бронза... Все это имело большое культурное значение и играло образовательную роль. Этруски приняли греческое искусство и мифологию, которые они приспособили под себя и наделили своими оригинальными чертами. По-разному настроенные в зависимости от обстоятельств греки долгое время присутствовали в Тоскане. Торговцы смешивались с художниками, прибывшими сюда для работы и основания школ. Многочисленные дарственные надписи свидетельствуют об этом. Вот, например, одна из них, датированная 500 годом до н.э.: «Я принадлежу Аполлону Эгинскому. Состратос меня посвятил ему». Геродот рассказывал нам об этом богатом торговце, который объездил все Средиземное море из конца в конец до самых Геркулесовых столбов. Эта надпись была обнаружена в Грависке, в порту города Тарквинии, где греки соорудили алтари своим богам. Встречаются и другие имена: Ублесиос, Лакритос Это зна-

чит, что греческие торговцы — и их было немало — открывали в Грависке филиалы своих контор, чтобы им было удобнее проникать на этрусский рынок. Тот факт, что они же создавали филиалы и в других больших портах Средиземного моря, от Египта до Испании, доказывает, что Этрурия занимала свою нишу в огромной коммерческой структуре древнего мира. Этруски, со своей стороны, получали от этого большие богатства.

Следует делать отличия между различными греческими народами и принимать в расчет союзнические игры той эпохи. Например, в VII веке до н.э. монополия эвбейцев уступила место коринфцам, которых потом сменили колонисты из Сиракуз (города, основанного в 734 году до н.э.). Но одновременно с этим, в 640 году до н.э., начала развиваться торговля с греками Малой Азии. Фокейцы стали демонстрировать свои намерения в этом регионе и продвинулись по Тибру до самого Рима. Везде начали обосновываться иностранцы, строить, как в Грависке, свои жилые кварталы. Местная торговая аристократия этим воспользовалась и стала развиваться. В V веке до н.э. Афины одержали верх. Греческий город нуждался в зерне, в мясе (окорока из Мантуи там очень ценились) и даже в лошадях (выведенных в Венеции). Взамен он поставлял в Этрурию огромное количество керамики, которая оказала решающее влияние на этрусское искусство того периода. Таким образом, торговля способствовала эллинизации Этрурии и Италии в целом, определяя будущее всего полуострова.

Остается отметить удивительный момент для цивилизации, дошедшей до такой степени развития торговли с таким количеством стран: Этрурия никогда не имела своей валюты. Греческие города чеканили свои монеты, Рим начал создавать свою ва-

люту в начале III века до н.э., но этруски никогда не имели общей валютной системы. Некоторое города (например, Тарквинии) в IV веке до н.э. начали чеканить монеты. В V веке до н.э. Популония чеканила монеты для торговли с островом Эльба, Корсикой и Марселем, но другие города (например, Вейи, Вульчи, Цере) никогда не имели своей валюты. Южные города, например, Цере, с III века до н.э. использовали римские монеты. А те города, у которых была своя собственная чеканка монет из бронзы и серебра (например, Вольтерра или Ветулония), делали это для ограниченного употребления, в частности, для того чтобы содержать армию.

Эти факты позволяют нам предполагать, что этрусская торговля строилась, главным образом, на обмене товарами, причем сложность обменных схем порой достигала очень высокого уровня.

ЭТРУСКИ

V

ВРЕМЯ

Этруски верили в судьбу. Приученные повиноваться книгам оракулов, они чувствовали себя защищенными могуществом богов. Книги о предзнаменованиях судьбы (*libri fatales*) давали перспективу их жизни и жизни их городов. Для их народа боги запрограммировали существование в течение десяти веков. Но что они понимали под этим? Десять веков они должны были находиться под пристальным вниманием богов¹. Жизнь каждого, каким образом, была предопределена. Этруски считали, что все события их жизни находят свое отражение в печени, считавшейся главным жизненным органом в античности. Именно поэтому изучение этого органа позволяло им получать верный совет богов, которые не упускали случая посылать им определенные знаки. Для них не существовало ничего более безнадежного, чем отсутствие знаков: это означало, что человек оставлен богами.

Таким образом, время казалось ограниченным, строго определенным богами. Однако этруски не выглядели фаталистами, полностью подчиненными

¹ По мнению этрусков, человеческая история, продолжавшаяся шесть тысяч лет, делилась на отдельные века, и каждом народу было предопределено просуществовать свое количество веков. Так, например, себе этруски отводили десять веков, а Риму — двенадцать, причем начала и концы этрусских и римских веков могли и не совпадать. — *Примеч. пер.*

судьбе. Они получали немного свободы «играя» с божественными посланиями. Для этого им было достаточно, как в Риме, изменить интерпретацию того или иного знака, возможно, даже его полностью проигнорировать. Конечно, такая свобода была слаба, но она существовала. Понятие судьбы позволяло этрускам иметь свой взгляд на смерть, считать ее естественным этапом жизни, которая потом будет продолжаться в загробном мире.

Отсюда проистекало и понимание того, что бытие не линейно, то есть не имеет одного-единственного начала и четко определенного конца. Время у этрусков имело вид петли, и его циклический характер позволял восстанавливать прошлое. Живопись гробницы Франсуа из Вульчи дает этому красноречивый пример. Вел Сатис представлен там в одежде триумфатора: он победил римлян во время войны в IV веке до н.э. Другие фрески напоминают о сражении, в котором братья Целий и Авл Вибенна с Мастарной¹ противостояли царю Рима Тарквинию. Третьи — показывают господство греков над троянцами и казни пленников, как это было в эпоху Мастарны, а также в эпоху Вел Сатиса. Послание ясно: Вибенна и Мастерна покорили Рим, город троянца Энея, эту новую Троию, подобно тому, как греки в свое время покорили город Приама. И вот во второй раз в этом циклическом ходе истории Вел Сатис, этрусский герой, одерживает победу над Римом и тем самым ста-

¹ Мастарну отождествляют с Сервием Туллием, согласно римскому преданию, шестым царем Древнего Рима, правившим в VI веке до н.э. В некоторых источниках утверждается, что Сервий Туллий под этрусским именем Мастарны был верным товарищем Вибенны. Изгнанный из Рима, он якобы изменил собственное имя и вскоре сделался царем. Вибенна же был побежден и взят в плен врагами, но освобожден Мастарной. — *Примеч. пер.*

вит себя в один ряд с греческими героями — победителями Трои. Его судьба повторяет судьбу Ахилла и его товарищей в сражениях с потомками Энея.

Эта вера в циклическое возвращение времени позволяла этрускам преодолевать фатализм и веру в судьбу, предначертанную священными книгами. Этруски были пропитаны оптимизмом, влечением к жизненным удовольствиям, и именно это можно увидеть на фресках, написанных на стенах их гробниц. Определение правил составления календаря было делом жрецов, но при этом каждый испытывал на себе течение времени. Единственная трудность состояла в том, чтобы совместить природное течение времени — действительно циклическое, что наглядно было видно по ежегодно зеленеющим деревьям — и течение времени человека, которое выглядело более линейным. Возможно ли возобновление или, по крайней мере, некоторое продление этого предопределенного срока? Вечный и назойливый вопрос, который терзал тосканцев, особенно под влиянием религий, пришедших с Востока. Если не принимать во внимание возможность жизни после смерти, необходимо было по крайней мере как-то отмечать время земной жизни, фиксировать какие-то метки: переход к зрелому возрасту, вступление в брак и т.д. Эти метки могли дать существованию какой-то ритм. Итак, ритм времени занимает особое место у этрусков, которые даже развили уникальную музыкальную технику, предназначенную для борьбы с повседневностью.

КАЛЕНДАРЬ

За исключением естественных смен сезонов, определение точных дат, подчиняющихся ритму времени, представляет собой достаточно сложную опе-

рацию. В Этрурии, как и в других древних цивилизациях, отсчет времени был доверен жрецам. Они же были и учеными, и их знания о звездах и мироздании помогали им в этом. Гадание и наблюдение за различными знаками также было возложено на них; мы должны помнить и о том, какое значение придавалось в древности астрологии (впрочем, смешанной с астрономией).

Жрецы устанавливали календарь путем наблюдения за фазами Луны, которые отмечали месяцы, в то время как при помощи Солнца определялись годы. Они определяли также количество дней, которые надо было добавлять к лунному месяцу, чтобы добиться согласования календаря с сезонами солнечного года, принимали решения о соединениях месяцев (иды, ноны), фиксировали начало нового года или конец века. Они определяли даты церемоний, жертвоприношений, праздников, игр. Все дошедшие до нас документы, касающиеся течения времени, наглядно демонстрируют, что речь идет о религиозном календаре. Мы обладаем по крайней мере двумя важными источниками, которые это доказывают: терракотовой черепицей из Капуи и замечательной льняной книгой, отрывки из которой сохранились на бинтах Загребской мумии. Праздники там отмечены с точностью до дня, с указанием божеств — получателей приношений и молитв, которые при этом надо было произносить. Это в определенной степени напоминает римские таблицы или так называемые «гувинские таблицы» на умбурском языке. Мы знаем несколько религиозных календарей этого типа в Древней Италии, и этрусское влияние в этом — особенно на Рим — похоже, не вызывает сомнений.

Римский календарь, действительно, многим обязан этрускам, но при этом имеется и ряд отличий. Так, например, расчет часов дня в Этрурии, соглас-

но сведениям римского ученого Марка Терения Варрона, начинался в полдень, а не в полночь, как это делалось в Риме. Возможно, этрусски остановились на этом потому, что момент, когда солнце находится в зените, не меняется в зависимости от времени года (в отличие от длины дней), и таким образом его просто было легче идентифицировать. Умбры также приняли такой же метод расчета дней. Другое отличие — то, что этрусские месяцы не начинались календами, название которых пришло из древней латыни и буквально означает «звать» (так как жрецы с появлением новой луны созывали народ, чтобы объявить ему о начале нового месяца). Мы не знаем, когда начинался этрусский месяц. С другой стороны, тосканцы знали иды и ноны¹.

Слово «*itis*», давшее слово «*idus*» в латыни, возможно, было заимствовано римлянами из этрусского языка. Римский историк Амброзиус Макробиус (I, 15) утверждал, что это слово может обозначать «вера в Юпитера», то есть в свет, потому что в день полнолуния дневной свет ночью незаметно переходит в свет Луны. В особой роли полнолуния в лунном месяце в Этрурии, как и в раннем Риме, нет ничего удивительного. И здесь, и там иды были посвящены Юпитеру, которому каждый месяц жертвовалась овца. Что касается нон, то в Этрурии они, похоже, имели другую интерпретацию и перекрывали смысл римских нон — если верить Амброзиусу Макробиусу, согласно кото-

¹ Римляне не считали числа месяцев, как это принято сейчас. У них были три фиксированные точки в месяце. Календы (*Calendae*) — начало месяца, приходились на новолуние. Иды (*Idus*) — середина месяца, начинались 13 января, февраля, апреля, июня, августа, сентября, ноября и декабря или 15 марта, мая, июля и октября. Ноны (*Nonae*) — первая четверть луны, были на девятый день перед идами (считая иды первым днем). — *Примеч. пер.*

рому «у тосканцев ноны были более распространены, так как через каждые девять дней они приходили разговаривать о своих частных делах к царю».

Мы не знаем, сколько месяцев содержалось в этруском году. Мы можем идентифицировать названия лишь восьми из них. Годы часто носили имена магистратов (*zilaθ*), как и в Риме, они отличались по выбранному консулу. В Вольсинии каждый новый год проходила религиозная церемония, во время которой в храме Нортии¹ происходило забивание гвоздя (*clavis annalis*). В Риме аналогичная ежегодная церемония проходила в храме Юпитера. Вполне вероятно, что этруский год, как и римский, начинался в марте.

Месяцы	Этрусское название	Латинская транскрипция	Примечание
Март	Velcit (a) na	Velcitanus	
Апрель	Capr-	Cabreas	Иногда Aprilis Aphrodite). Отсюда происходит название «апрель»
Май	Anpile	Ampiles	
Июнь	Acale	Aclus	в Загребском ритуале – acle
Июль	Turana	Traneus	от Turan, этрусского имени Венеры
Август	Hermi	Hermius	от имени бога Гермеса
Сентябрь	Celi	Celius	
Октябрь	Cazpre	Xosfer	«Cezp» – восьмой месяц

¹ Нортия – в этрусской мифологии богиня судьбы, изображалась в виде крылатой женщины. – *Примеч. пер.*

Обряд забивания гвоздя в храме Нортии для обозначения нового года. Бронзовое зеркало, IV век до н. э.

Если подсчет лет легко определялся по гвоздям, забитым в храме Нортии (хотя мы и не знаем точной продолжительности года), то определение начала и окончания века было делом, гораздо более сложным. Речь здесь идет, как это можно было бы предположить, о периодах времени, равных ста годам. Продолжительность веков у этрусков была раз-

лично. Цензорин¹, ссылаясь на Варрона, следующим образом объясняет нам церковный календарь («*De die natali*», XVII, 5–6): «В который день основывается город или государство, проживший дольше всех из рожденных в этот день определяет днем своей смерти размер первого века; а из тех, кто в этот день остается в государстве, опять же смерть прошедшего самую долгую жизнь есть конец второго века. И затем так же размечаются сроки остальных». Однако дело усложнялось тем, что боги тоже могли указать на конец века свершением какого-то чуда. Но всевозможных божественных знамений было много, и не всегда можно понять их истинное значение! Согласно Варрону, этрусские хроники, написанные в их (этрусков) VIII веке, уточняют, сколько веков было отведено этому народу².

Как видим, продолжительность веков могла варьироваться в зависимости от места и рекордов продолжительности жизни в различных городах. Если допустить, что этруски когда-то договорились об

¹ Цензорин — римский эрудит III века н.э., автор сохранившегося произведения «О дне рождения» (*De die natali*), написанного в 238 году. Это сочинение состоит из двух частей, из которых в одной речь идет о человеческой жизни, в другой — об исчислении времени. Компилятивный характер труда составляет его ценность, ибо Цензорин использовал разные источники, в основном — Светония и Варрона, и был при этом добросовестным компилятором. — *Примеч. пер.*

² Божественные знаменья этруски усердно наблюдали и заносили в книги. Потому в «Тускской истории», написанной, согласно Варрону, в VIII этрусском веке, содержится и то, сколько веков было определено этому народу, сколько из них уже миновало, и каков был каждый из них, и какими знаменьями были отмечены их исходы. При этом получается, что четыре первые века длились по 105 лет, пятый — 123 года, шестой и седьмой — по 119 лет, а восьмой в ту пору еще длился. Оставались еще девятый и десятый, по истечении которых должен был наступить конец этрусского народа.

использовании единой хронологии, то как и с какого момента это произошло? По какому городу стали равняться другие? По самому древнему? Но какой город можно считать самым древним? Не пал ли выбор на самый священный для этрусков город, слывший «этрускими Дельфами», где каждый год жрецы забивали очередной гвоздь в храме Нуртии — то есть на Вольсинии?

Если следовать этой гипотезе и считать, что, с одной стороны, начало отсчета (согласно Варрону) приходилось приблизительно на 1050 год до н.э., и с другой стороны, что у первых веков продолжительность была равной и немного превышала сто лет, мы можем констатировать, что VIII век у этрусков начался приблизительно в 280–270 гг. до н.э. Предсказания нимфы Вегойи действительно касались волнений в Вольсинии, происходивших примерно в это время, незадолго до взятия города римлянами в 265 году до н.э. Но что думать тогда о других источниках, которые помещают конец VIII века в 88 год до н.э., IX века — в 44 год до н.э., а X века — в 19 год уже нашей эры? Надо также подчеркнуть противоречивость протяженности последних двух веков по сравнению с намного большей протяженностью семи первых веков, не говоря уже о чрезмерной протяженности VIII века. Более 180 лет — это очень много даже для тосканца, обладавшего очень хорошим здоровьем! Единственное объяснение этому, предложенное Д.Брикелем, состоит в том, что существовали две ошибки в расчетах: одна имела отношение к каждому городу, а другая — ко всей Этрурии в целом. Но доказательство этого остается трудным из-за нехватки информации.

Как же сами этруски относились к тому, что их века имели различную продолжительность? Фактически, века у них были идентичны поколениям, и их

окончания могли толковаться по божественным знамениям, которые могли иметь различные интерпретации. Для этрусков каждое такое знамение означало еще один шаг к неизбежному концу. При этом подобное знамение у них не обязательно имело негативный характер. Во всяком случае, текст Цензорина не содержит ничего подобного. Между тем трудно поверить — особенно в последние этрусские века — что тосканцы смотрели на знамения без ощущения тревоги: приближение объявленного последним X века должно было вызывать у них чувство бессилия, которое провоцировало страх и еще большую религиозность.

ВОЗРАСТЫ ЖИЗНИ

Фрески этрусских гробниц изображают полуреляльный мир, чрезвычайно оживленный и удивительно молодой — за некоторым исключением. Но очень трудно оценить возраст представленных персонажей, как почти невозможно узнать, какую жизненную позицию могли иметь древние тосканцы. С такими же трудностями мы встречаемся и в Риме самых древних времен, даже тогда, когда мы обладаем ясными историческими документами (что не является характерным для Этрурии). Тем не менее, справедливо предположить, что не должно было существовать больших различий между Римом и соседними городами, особенно в то время, когда городом Ромула управляли этрусские цари.

Нет большого риска в утверждении, что этруски, как и первые римляне, вероятно, разделяли жизнь человека на три периода (возраста): детство для того, кто еще не стал мужчиной; зрелый возраст для того, кто принимает участие в жизни города; ста-

рость для того, у кого нет больше сил активно действовать. Последнее состояние не означало исключения из общественной жизни, и старик мог быть востребован из-за своей мудрости. Затруднения начинаются только тогда, когда речь заходит о конкретном возрасте, в котором происходил переход из первого состояния во второе, а затем — в третье. Между тем мы не можем пренебрегать значимостью обрядов такого перехода в древних обществах, особенно перехода в мир взрослых. Такие обряды практиковались как в Этрурии, так и в Риме, но вот когда это происходило, еще предстоит определить. Наконец, не надо забывать, что у древних не было такого же отчета времени, как у нас. Многие, по незнанию или из-за отсутствия интереса, недооценивали свой возраст и имели только эмпирическое знание о календаре. Только у аристократов и наиболее богатых людей были средства на обучение и на эпитафии, которые уточняли их возраст, их генеалогию и подводили итог их карьере. Наиболее бедные — крестьяне, ремесленники, вольноотпущенники и рабы, то есть большая часть населения — имели совсем иные заботы.

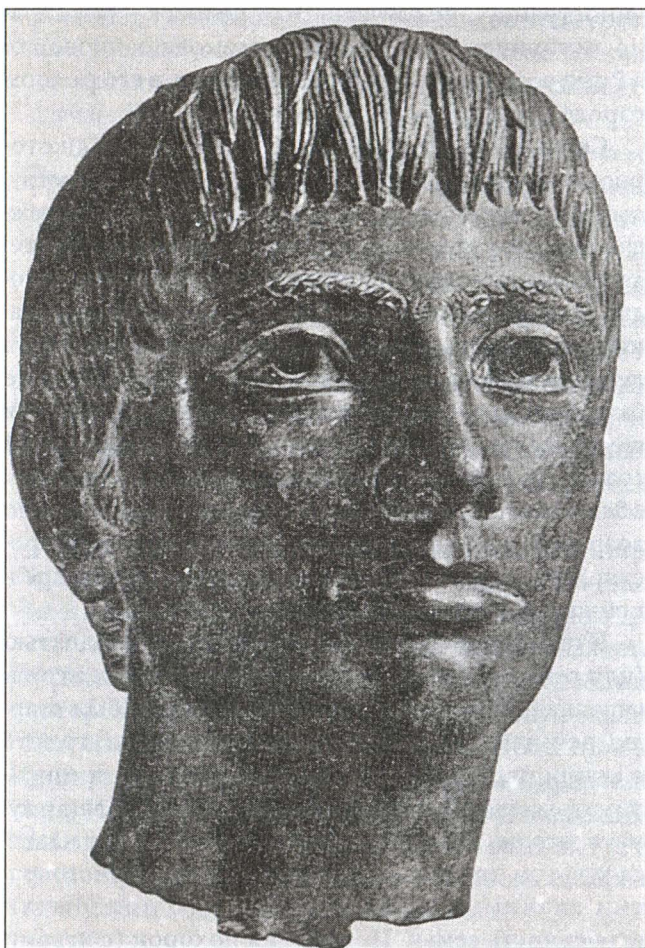
До того как право зафиксировало возраст совершеннолетия, то есть юридическую способность и уголовную ответственность, именно половая зрелость определяла момент входа во взрослый мир. В Риме отец семейства (*paterfamilias*) сам принимал решение о новом общественном статусе после экзамена физического состояния своего сына. Затем юристы установили единый возраст половой зрелости для всех, этот же возраст определил и время права законного вступления в брак: четырнадцать лет для юношей и двенадцать лет для девушек. С указанного возраста сыновья граждан этрусских полисов признавались способными брать в руки оружие и за-

щищать родину. До этого возраста люди считались детьми, и их самих нужно было защищать. Они носили буллу (*bulla*) и белую тогу. Буллы – нагрудные украшения, иногда золотые, иногда бронзовые, а иногда (у самых бедных) и простые кожаные – были обнаружены в этрусских гробницах, датированных VII веком до н.э. Булла не выглядит чисто этрусским изобретением, но, возможно, что общественная ценность была ей придана именно этрусками. Внутри этого медальона лежал амулет – *fascinum* (фаллос), целью которого являлась защита от дурного глаза.

Почему ребенок должен был носить буллу? Помимо функции магической защиты, речь шла о своеобразном опознавательном знаке: дети, которые ее носили, были неприкосновенны, в отличие от молодых рабов, которых взрослые мужчины могли использовать удовлетворения сексуальных желаний. Отличались ли правила этрусской морали от моральных правил Рима начальных времен? Мы этого не знаем, но обвинения, шедшие от иностранцев, позволяют думать, что они были менее строги, чем в Риме.

Вполне вероятно, что порог совершеннолетия изменялся вместе с политической и общественной эволюцией этрусских городов. Пришел момент, когда политическая организация потребовала лучшего структурирования общества и определения более точных правил, особенно с военной точки зрения. Подобная реформа произошла в Риме в течение VI века до н.э. с установлением центуриальных комитий и распределением населения по классам в зависимости от состояния. Стало необходимо пересчитать граждан, способных носить оружие, что предполагало необходимость определения различных возрастов. Эта наиважнейшая реформа была проведена этрусским царем Рима Сервием Туллием. Конечно, мы знаем, что в реальности эти новые по-

Голова юноши

становления вошли в жизнь несколько позже, но тот факт, что они оказались приписаны этому царю-«иностранцу», не случаен. Этот человек — безусловно, исторический персонаж — возможно, проводил в Риме реформу, уже апробированную в его родном городе (Вульчи).

Сервий Туллий определил, что возраст, с которого человек уже может служить своему государству, составляет семнадцать лет, и распределил всех граждан на пять классов. Внутри каждого из них они делились на *juniores* и *seniores*, иначе говоря, на молодых и старых. Возраст, начиная с которого гражданин становился «сеньором», составил сорок шесть лет. Позже было решено, что эти «старые» могут еще быть полезны — но как резервисты — до достижения шестидесяти лет. Это стало границей, за которой гражданин уже освобождался от любых военных обязательств. Между тем в царскую эпоху именно возраст в сорок шесть лет считался порогом старости, и это могут подтвердить наши знания о средней продолжительности жизни.

Итак, будем считать, что между четырнадцатью (или семнадцатью) и сорока шестью годами этруск считался взрослым и активным. Если он был старше, речь шла уже о третьем возрасте жизни, то есть о старости. Стариков, однако, этруски не презирали; этрусские фрески и скульптуры позволяют думать, что их, напротив, уважали, что подтверждается культом предков. По крайней мере, у аристократии значимые люди из прошлого воплощали особенность семьи. Церемония похорон (с играми и пирами), надгробные слова, которые сохраняли память о человеке, маски-портреты — все это было заимствовано римлянами, без сомнения, у этрусков.

Во дворце Мурло стоит примерно двадцать статуй мужчин и женщин, и археологи смогли идентифици-

ровать их как изображения предков. Мужчины изображены с бородами — есть версия, что это старики-римляне, ожидающие прибытия галлов в 390 году до н.э., полные достоинства и настолько неподвижные, что захватчики приняли их за статуи (так, во всяком случае, об этом рассказывает Тит Ливий).

В Тарквиниях гробница Щитов расположена вокруг атриума, как старинный римский дом. Многие поколения одной семьи представлены здесь. Можно выделить имя владельца гробницы (Larθ Velχa) и его супруги (Velia Seitithi), а так же родителей Larθ Velχa: Velθur Velχa и Ravnθu Aprθnai. Мужчины носят бороду и имеют седые волосы. Пара предков находится в другом углу — они изображены сидящими на тронах, как если бы речь шла о божественной паре. Жена, Ravnθu, показывает своим внукам пальцем на мужа, как будто для того, чтобы указать им на ценность их предка.

В гробнице Обезьяны, в Кьюзи, мы видим старика с седыми волосами, который только что встал с места, на котором он вместе со своей супругой присутствовал на похоронных играх. Он направляется к скале, представленной около входа в гробницу, которая символизирует дверь в загробную жизнь. Это выглядит так, будто он уходит, чтобы присоединиться к своим предкам. Настал момент расставания. Но он не принадлежит прошлому; он входит в застывший мир безвременья из мира памяти, где он останется для своих потомков образцом, которому необходимо поклоняться и подражать.

◆ Вопрос продолжительности жизни

Разграничение возрастов жизни неизбежно ставит вопрос о средней продолжительности жизни. Бесплезно напоминать о разногласиях, царящих

среди демографов, занимающихся античными временами, или перечислять затруднения, с которыми они сталкиваются: их множество, и они касаются главным образом римлян. Для этрусков задача эта выглядит почти неразрешимой — настолько недостаточно информации для анализа. Однако есть основания думать, что ситуация у них очень сильно отличалась от ситуации в Риме.

Уже древнегреческие философы спрашивали себя об этом. Платон, например, отмечал, что политический деятель достигает высших должностей обычно поздно (в пятьдесят лет, уточняет он). Согласно Аристотелю, каждый доходит до апогея своих физических способностей к тридцати годам, а умственных способностей — к пятидесяти годам. Но давайте оставим в покое расчеты и рекомендации врачей. В соответствии с установленными законом ступенями (*cursus honorum*) в Риме в последние годы Республики надо было иметь не менее сорока трех лет, чтобы стремиться к титулу консула. Мы можем привести примеры из ряда латинских авторов, которые гордо перечисляют рекорды продолжительности жизни, превосходящие показатель Катона, умершего в возрасте восьмидесяти пяти лет в полном расцвете своих интеллектуальных способностей. Можно также привести пример этруска Перпенны, умершего в 49 году до н.э. в возрасте девяноста восьми лет.

Тем не менее эти случаи исключительны. Римом руководила геронтократия, но, тем не менее, главная проблема для подавляющего большинства граждан заключалась в краткости жизни (этот вопрос, в частности, неоднократно затрагивал Сенека). Реальность была гораздо скромнее рекордов, и многие примеры говорят о том, что этруски могли достигать очень высоких постов в очень молодом возрасте.

те. Известен, например, человек, который был «zilaθ» в двадцать четыре года.

Конечно, мы знаем, что нельзя полностью доверяться эпитафиям, данные которых могут быть искажены в пользу покойного. Но они, тем не менее, предоставляют интересные данные. Так, например, исследование, проведенное по более чем 4500 надписям, касающимся мужчин и примерно по 3500 надписям, относящимся к женщинам, показывает, что в Риме лишь 7,5% мужчин достигали шестидесяти лет (2,4% — восьмидесяти лет и 0,08% — ста лет). Что касается женщин в возрасте шестидесяти лет, то их было в два раза меньше, чем мужчин, что было характерно для всего Древнего мира и объясняется многочисленными смертями женщин во время родов. Уровень детской смертности также был очень высок (некоторые специалисты не сомневаются в том, что эта цифра превышала 40%). В любом случае, наибольшая смертность наблюдалась в первые девять лет, и ее уровень был не меньше 30%. По оценкам, больше половины людей умирало в возрасте до тридцати лет, две трети — в возрасте до сорока лет. Политическая слава представляла собой, таким образом награду за длительность жизни и физическую стойкость.

Жак Эргон, который также проводил подобные исследования, основанные на более чем ста десяти этрусских надписях, получил среднюю продолжительность жизни в сорок один год. В порядке сравнения он напоминает нам, что средняя продолжительность жизни в Европе в 1800 году не превышала тридцати лет, а в 1900 году в Италии достигала сорока четырех лет. В целом можно утверждать, что средняя продолжительность жизни не должна была превосходить тридцать пять лет (не считая детской смертности), как в Риме в период Республики, так и в Этрурии. Некоторые демографы считают, что и

эта цифра слишком завышена, и предпочитают говорить о двадцати пяти годах. В любом случае, это означает, что население Этрурии в целом было молодо (в Риме 36% были моложе пятнадцати лет), и что лишь менее 10% доживало до шестидесяти лет.

Эти различия, например, с нашей современной эпохой объясняют также и разницу между древним менталитетом и нашим. Многие не знали своего точного возраста, и это не имело для них никакой значимости, так как количество лет не было, как сегодня, критерием значительности человека. Большая часть населения почти не заботилась о старости, потому что каждый знал, что очень мало кто доживет до нее, а проблемы повседневной жизни просто не оставляли времени для подобных мыслей. Эта разница в мироощущении неизбежно отражалась и в отношении к смерти. Она занимала намного большее место в повседневной жизни, и древние были приучены с нею общаться. Они не боялись ее, как это делают наши современники. Но это не означало, что они были к ней безразличны.

ПЕРЕХОДНЫЕ ОБРЯДЫ

Обряды занимали существенное место в религиозном мышлении древних. Они подчиняли время определенному ритму и отмечали этапы жизни людей, создавая условия их идентификации в общей эволюции города. Они позволяли им иметь ясное осознание своей интегрированности в общество. Для каждого отдельного человека были некоторые ключевые моменты его существования, которые определяли его личную эволюцию внутри общества. Обряды являлись также актами общественного признания. Таким образом, каждый должен был подчиняться

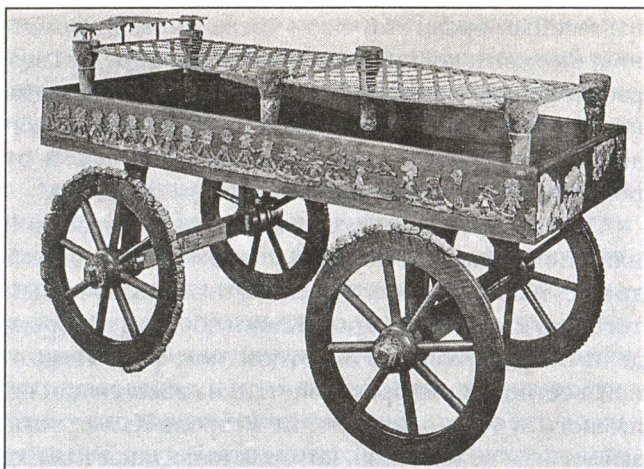

навязанным правилам, в том числе в момент рождения, в момент, когда подросток входил в зрелый возраст, становясь активным и ответственным гражданином, потом сочетался браком и в самом конце, когда он умирал и получал последние почести от родственников по случаю своего ухода из жизни.

Об этрусских обрядах, отмечающих возрастной или биологический переход из одного состояния в другое, мы не знаем почти ничего, за исключением того, что касается похорон. Каким образом новорожденный признавался своим отцом и матерью? Нам это неизвестно. Обряд бракосочетания известен нам не намного лучше. Одна колонна в городе Кьюзи показывает нам церемонию, которая напоминает обряд конфарреации (*confarreatio*)¹ у римских патрициев. В Риме это была единственная форма союза, имевшая официальный характер и практически нерасторжимая. Другие типы браков ограничивались обычным соглашением между двумя семьями (девушки признавались достигшими брачного возраста в двенадцать лет, юноши — в четырнадцать лет). Возможно, речь шла о чем-то подобном и в Этрурии.

О погребальном обряде этрусков мы знаем немного больше, по крайней мере, об обряде погребения предстителей высших общественных слоев. Это связано с наличием соответствующих изображений в гробницах, обнаруженных археологами. Известно также, какое место в этих церемониях занимали игры и пиры. Несколько изображений на колоннах

¹ Конфарреация — наиболее торжественно обставляемый и почитавшийся самым священным вид бракосочетания (существовало еще два других вида бракосочетания), к которому допускались только патриции. Обряд конфарреации совершался в присутствии великого понтифика, фламينا Юпитера и десяти свидетелей, причем в жертву Юпитеру приносился хлеб из полбы. — *Примеч. пер.*

*Деревянная повозка для похоронного обряда.
VII. в до н.э.*

в Кьюзи дают нам дополнительную информацию на этот счет. Мы видим там, например, подготовку одежды, предназначенной для одевания покойника, перед тем как выставить его тело перед домом, в маленьком (очевидно, деревянном) здании, в окружении плакальщиц и скорбящих членов семьи. В другом месте можно увидеть мужа, готовящегося к тому, чтобы дать своей покойной жене поцелуй прощания. А еще в одном месте показана похоронная процессия: покойник лежит на повозке, а за ним следуют люди в соответствующих церемонии одеждах.

В древние времена гробница, без сомнения, представляла собой в прямом смысле последнее убежище: умерший должен был продолжать там свое существование, и фрески предлагали ему те виды деятельности, которые занимали его в жизни (например, охота), смешивая символизм их значения с реализмом изображения. По мере развития веры в загробную

жизнь фрески, а затем и скульптуры стали изображать символическое путешествие умершего в потусторонний мир, а также трогательные прощания, происходившие до того, как он закрывал за собой фатальную дверь, за которой его ждали таинственные сопровождающие вроде Харона или Тухулхи.

Самыми неизвестными обрядами (очень важными в древних обществах) для нас остаются обряды, связанные с инициацией и переходом в мир взрослых. Здесь нам не остается ничего, кроме как строить гипотезы. Именно эти обряды давали посвящение в новые граждане, но мы не располагаем никакими письменными документами по этому поводу. Впрочем, несколько свидетельств позволяет предположить значимость этих обрядов у тосканцев. Многие изображения, дошедшие до нас, показывают сцены, смысл которых остается для нас скрытым. Мы видим, например, ритуальное омовение ребенка. Это Марис, который имеет два прозвища: когда он еще не вошел в ванну (*Marishalna*), и когда он из нее уже вышел (*Marisisminθians*). Идет ли здесь речь о боге Марсе? Идентификация очень сложна. Возможно, ритуальное омовение связано с обрядом приобщения и предназначено для придания мужества или неуязвимости, о чем часто говорят греческие мифы. В средиземноморских мифах купание в морской воде придает магическое могущество, символизируемое дельфином, который якобы носит «кожу жизни», что означает власть и продолжительность жизни вплоть до бессмертия. Мир моря (*mare, maris*) ассоциируется с образом самца (*mas, maris*), а ритуальная ванна — с водным ритуалом «дельфинного» крещения.

Ритмические танцы и спортивные игры (особенно бег) во время обряда инициации напоминают греческие обряды (Гомер их описывает в «Илиаде», XVIII, 590–606), которые заканчивались браком, как

свидетельством действительного вхождения в общество. В ту пору молодые люди из аристократических семей принадлежали к двум братствам — Дактилей и Куретов, которые были известны в Италии и в Этрурии. Надо отметить, что в значительной части фресок в этрусских гробницах изображен мир молодости. Без сомнения, молодые люди, состязавшиеся во время спортивных поединков, большей частью принадлежали к аристократическим ассоциациям. Подтверждением тому служит фриз сосуда, найденного в Тральятелле. Здесь можно увидеть человека, ведущего дикого козла, изображение лодки и козла, две сцены, показывающие любовные шалости влюбленной пары, а также различные сцены мифологического характера. Это что-то типа лабиринта, откуда выходят семь воинов со щитами, которые, похоже, танцуют (или бегут?), а также два вооруженных всадника, но без шлемов. Внутри лабиринта читается слово «TRVIA», которое надо ассоциировать не с Троей, а с латинскими глаголами *amptuare* и *redamptuare*, использовавшимися для описания движений танца вооруженных салиев¹. Если лабиринт наводит на мысли о власти ада, то становится ясно, что козел и эротические сцены связаны с ритуалом обращения к плодovitости в долатинской символике. Что касается главной темы, то она напоминает *lusus Troiae*, как это было описано Вергилием: двенадцать всадников выполняют танец очень сложной конфигурации, который поэт сравнивает с танцем в лабиринте. Асканий, сын Энея, возобновил эту игру (*lusus*) по случаю основа-

¹ Салии (от *salio* — прыгаю, скачу, пляшу) — в Древнем Риме жреческая коллегия, состоявшая из двенадцати жрецов бога Марса (палатинские салии) и двенадцати жрецов бога Квирина (квиринальские салии). Салиями могли быть только патриции. — *Примеч. пер.*

ния Альбы, причем вне всякого погребального контекста. Рисунки на вазе, датирующиеся VII веком до н.э., позволяют думать, что вначале *lusus Troiae* заключались в одновременных пеших и конных парадах и совершении обрядов инициации. Воспоминание об этом сохранилось в салийском ритуале.

Итак, хотя мы и не знаем символического смысла этого древнего ритуала, представляется, что он мог быть связанным с церемониями инициации молодых людей. Например, в Риме праздник Мамуралия (14 марта, канун нового года в первом календаре) кажется эхом именно этого обряда. В тот же день салии выгоняли из города человека, одетого в шкуру козы, что воплощало легендарного Мамурия Ветурия, то есть кузнеца, которому Нума поручил заботу о том, чтобы воспроизвести в одиннадцать экземплярах анкил, посланный Юпитером¹.

Интересное исследование Л.Деруа позволило выявить этруское происхождение имени Мамурий (*Mamurius*). *Mar-* (латинский корень, означающий «молот») лежит в основе имен Марс, Мамарс и Мамурс, хорошо известных по этруским надписям. Суффикс *-se* эквивалентен латинскому суффиксу *-ius*. Имя Мамурий обозначает кузнеца, который играл специфическую роль в древнем обществе. Ее функция и магическая власть заключались в добыче и переработке руды, а это давало ему способность

¹ Анкил — щит эллиптической формы, который был главным оружием салийских жрецов. Согласно легенде, один такой анкил упал с неба, и Нума, узнав от нимфы Егерии, что этот щит необходимо всячески сохранять, как залог спасения для Рима, велел сделать еще одиннадцать точно таких же щитов, для того чтобы подлинный анкил не мог быть узнан и похищен. Салии, которым были вверены эти щиты для сохранения в одном святилище на Палатинском холме, раз в год с песнями и воинственными плясками проносили их по городу. — *Примеч. пер.*

быть инициатором для подростков. В древних цивилизациях юноши имели обычаем символически изгонять своего инициатора, а днем принятия в общество новых граждан в Риме являлось 17 марта.

Кажется интересным отметить, что существование братств подростков в Этрурии было, вероятно, свойственно для аристократии. Ваза из Бизенцио, извлеченная из этрусского некрополя около озера Больсена и датируемая концом VIII века до н.э., дает нам иллюстрацию этого. Ее вершина покрыта любопытными маленькими бронзовыми статуэтками, держащими круглый щит в левой руке и палку в правой. Они, как кажется, жестикулируют каким-то странным образом. Люди словно танцуют вокруг связанного животного на вершине вазы. Предназначался ли этот магический танец для обеспечения защиты стад? Или это был обряд, связанный с охотой? Мы этого не знаем. Своим вооружением и своим танцем эти персонажи напоминают салиев. Но, возможно, речь идет только об обряде очищения.

Реальность и значимость обрядов инициации для подростков не вызывают никаких сомнений как в Этрурии, так и в других цивилизациях. Между тем ввиду недостаточности информации этот широкий пласт магического мышления древних ускользает от нас, лишая нас понимания того, что придавало смысл их существованию.

VI

РЕЛИГИЯ

Сведения о религии этрусков сохранились лучше, чем о других сторонах их жизни. В вопросе религии этруски пользовались вполне оправданной и одновременно обманчивой репутацией, основанной на восхищении и почтительности, которые римляне испытывали к ним в этой области. Хорошо известна, например, знаменитая фраза историка Тита Ливия (V, 1, 6), в которой он описывает этот народ так: «А народ этот более всех других привержен религиозным обрядам, тем паче что отличается особым умением их исполнять». Эта репутация была вполне оправдана, так как этруски развили такое сложное религиозное искусство, что римляне попали под его влияние. По сути, это было единственное превосходство этрусков, которое они признали над собой, позаимствовав этрусскую религиозную практику и создав институт гаруспиков-предсказателей. Вместе с тем это была весьма обманчивая репутация, так как этруски не рассматривались другими народами (греками, например), как «самые религиозные из людей». Это признание пришло позже, а до этого тосканцы рассматривались в большей степени как прожигатели жизни или грозные пираты, чем как богомольцы!

Ко всему прочему, религия в процессе развития Этрурии была формализована относительно поздно, к середине VII века до н.э., причем произошло это под

греческим влиянием, после принятия эллинских мифов, после начала имитаций их священной архитектуры и очеловечивания божеств. Это превращение сопровождалось развитием процесса урбанизации.

Если этрусская религия в своей более поздней форме и очаровала римлян, то лишь потому, что она сильно отличалась от их религии. Прежде всего (и это очень важная характеристика), она была единственной в Западном Средиземноморье (и даже в большей части Восточного Средиземноморья) книжной религией. Все ее откровения были отражены в специальных книгах, которые римляне иногда переводили с теми или иными приближениями. Обряды, отношения с богами, интерпретация божественных пожеланий — все было систематизировано и требовало длительного изучения, которое делало из жреца настоящим экспертом, призванного управлять религиозной жизнью. Римские аристократы посылали своих сыновей учиться в Этрурию, чтобы те могли совершенствоваться в религиозной науке, в знаменитом «Этрусском учении» (*disciplina etrusca*).

Религиозное мышление этрусков отличалось от религиозного мышления римлян. В Риме *religio* предполагало как людей, так и богов во взаимном общении. Тосканцы же, напротив, должны были обращаться к специалистам в «Этрусском учении», чтобы узнать волю богов, которая определяла на будущее их поведение. В этом заключалось одно из главных расхождений между двумя менталитетами. Гадание у римлян не практиковалось. Авгуры наблюдали за полетом птиц только для того, чтобы знать, одобряют боги или нет то действие, которое должно было быть совершено незамедлительно. Именно так Клавдий во время Первой пунической войны выводил на палубу корабля священных цыплят, что-

бы узнать отношение богов к сражению, которое он собирался дать тем же утром. Отсутствие аппетита у домашних птиц доказывало божественное неодобрение. И он должен был сам решать, следовать ему за этим знаком или нет. В Этрурии полет птицы, ее цвет, ее крик были носителями совсем другого значения, чем банальное божественное согласие, для жреца, способного трактовать те или иные предупреждения богов. Очевидно, эта наука могла оказаться в руках шарлатанов, которые ослепляли простых людей своим не поддающимся проверке знанием. Множество таких случайных пророков ходило по деревням, и Катон советовал фермерам избегать контакта с ними. Тот же Катон утверждал, что два гаруспика не могли встретиться друг с другом без смеха, а такие утонченные умы, как Цицерон, умели устанавливать ироническую дистанцию между собой и этими «прорицателями».

Однако этруски произвели впечатление и оказали сильное влияние на римлян. Это легко увидеть, например, по жертвенному обряду. В Риме жертва позволяла жрецу осмотреть ее внутренности (*exta*), чтобы из этого сделать заключение о согласии или несогласии богов относительно того или иного действия. Непрепятствование божеству позволяло обеспечить религиозный баланс (*рах деогум*) и придавала успокоительное чувство божественной защиты. В Этрурии изучение внутренностей, в частности, печени было более тщательным; из этого жрец заключал, от какого бога исходит недовольство, и указывал судьбу, которая ожидает сообщество, если оно станет соблюдать ритуал, ему предписанный.

К несчастью, детали подобных церемоний и тайны этой религиозной науки остаются для нас неизвестными, и немного из того, что мы знаем, идет не от первоисточников, а от переводчиков, в основ-

ном латинских, которые не могли быть непогрешимыми — произвольно или нет — по отношению тосканским первоисточникам.

ПРОРОКИ

Пророки придавали оригинальность этрусской религии, уникальной для Западного Средиземноморья. Согласно этрусской мифологии, Тагес, внук Юпитера, передавший людям учение о дивинации, то есть об угадывании воли богов, передал тосканцам слова богов, которые были записаны в священных книгах. Эта этруская специфика была широко известна, и некоторые их рукописи стали предметом почтительного изучения уже после исчезновения этрусской народности.

Легенда о Тагесе дошла до нас благодаря Цицерону («De Divinatione», II, 23). Дело было в городе Тарквинии. Однажды один земледелец глубоко запустил в землю лемех своей сохи, и тут из борозды появился Тагес. Он имел вид ребенка и ум старика. Крестьянин закричал от удивления, и тут же сбежалась большая толпа со всей Этрурии, чтобы послушать, как Тагес говорит «долго» и записать его слова. Именно его речи и легли в основу этрусской науки гаруспиков. Согласно другим источникам, «Этрусское учение» было поведено Тагесом царю Таркону, и в этом надо видеть свидетельство политического первенства Тарквиний. Изображение на одном зеркале показывает нам, как Тагес обучает Таркона искусству читать по внутренностям жертв. Тагес считается основателем учения гаруспиков, которое было потом даровано всем двенадцати городам Этрурии; недаром в нем видят потомка бога Юпитера.

Тагес, однако, был не единственным пророком. Можно было бы назвать еще и Какуса, более известного как италийское божество, но который показан на одном из зеркал играющим на лире и обучающим священным текстам юного Аррунса из Кьюзи. Эта же сцена изображает братьев Вибенна, которые готовятся к тому, чтобы захватить пророка и выведать у него его тайны.

Способностью открывать волю богов легенды наделяют также и нимф. Можно вспомнить, например, об Эгерии, с которой регулярно советовался царь Нума Помпилий. В Этрурии было хорошо известно пророчество нимфы Вегойи, которая носила имя одной известной семьи из района Кьюзи. В последнем веке до н.э. Тарквиний Приск перевел ее пророчества на латинский язык, и их хранили в храме Аполлона вместе с другими священными книгами. Единственная выписка из этой книги, которая дошла до нас, касается земельного права в Этрурии и обещает гнев богов тому, кто осмелится нарушить границы земельной собственности. В пророчестве нимфы Вегойи, как заклинание, постоянно повторяются слова: «Сохраняйте границы».

Это пророчество, очевидно, имело отношение к вполне историческому факту, и его интерес состоит в том, что этруски — без сомнения, аристократы — использовали его, чтобы попытаться разрешить серьезный общественный кризис, жертвами которого они оказались. Мы знаем, какие потрясения угрожали земельному праву в Этрурии в те времена и потом, когда римляне стали проявлять желание основывать свои колонии. Но на какой точно эпизод истории страны указывает это предсказание? Данное в тексте указание времени (конец VII этрусского века) не слишком помогает, так как этрусская теория веков не соответствовала нашим представлениям. Различные

ученые предлагают различные версии. Жак Эргон, ссылаясь на Плутарха, который упомянул, что конец VIII века приходился на 88 год до н.э., считает, что Вегойя говорит о проблемах, вызванных аграрным законом Ливия Друза¹ в 91 году до н.э. Мы знаем, что в то время этруски восстали и двинулись на Рим с желанием убить Друза. Однако Август в своих «Воспоминаниях» датирует конец IX этрусского века 44 годом до н.э. Значит, этот IX век был очень коротким.

Р. Туркан отмечает, что Аррунс, который получил это пророчество, носил имя, которое встречается на монетах Вольсинии (Velsu), и что алтарь бога, где собирались ассамблеи двенадцати этрусских городов, также находился на территории Вольсинии. Этот бог олицетворял годовой цикл времени, и в храме Нортии в Вольсиниях жрецы забивали гвозди, символизировавшие прошедшие годы. Город этот являлся настоящими «этрусскими Дельфами», и, вероятно, именно там собирались оракулы типа Вегойи.

В 280 году до н.э. Вольсинии вынуждены были подчиниться Риму. Город был потрясен социальной революцией. Рабы на какое-то время даже захватили там власть, причем не без соучастия своих хозяев, которые надеялись с их помощью решить свои проблемы. Римский историк Валерий Максим уточняет, что бывшие рабы даже стали диктовать своим хозяевам тексты завещаний, то есть начали перераспределять земли и перемещать межевые столбы.

¹Марк Ливий Друз Младший (Drusus), будучи народным трибуном, предложил провести ряд законов, в том числе о создании колоний на общественных землях Кампанье и Сицилии. Против реформ Друза выступили многие, в том числе и часть сенаторов. В 91 году он был убит, и его смерть послужила сигналом к началу войны италийских племен, так называемой Союзнической войны. — *Примеч. пер.*

Пир. Гробница леопардов. Тарквинии

Судьи. Деталь фрески «Борцы». Гробница Авгуров. Тарквинии

Гробница в Тарквиниях. Деталь росписи

Гробница охоты и рыбной ловли.
Деталь росписи. Тарквинии

Самая знаменитая и наиболее древняя из дошедших до нас этрусская бронзовая скульптура — Капитолийская волчица. Вейя (Волтерра)

Знаменитая бронзовая Химера. Арретий (Ареццо)

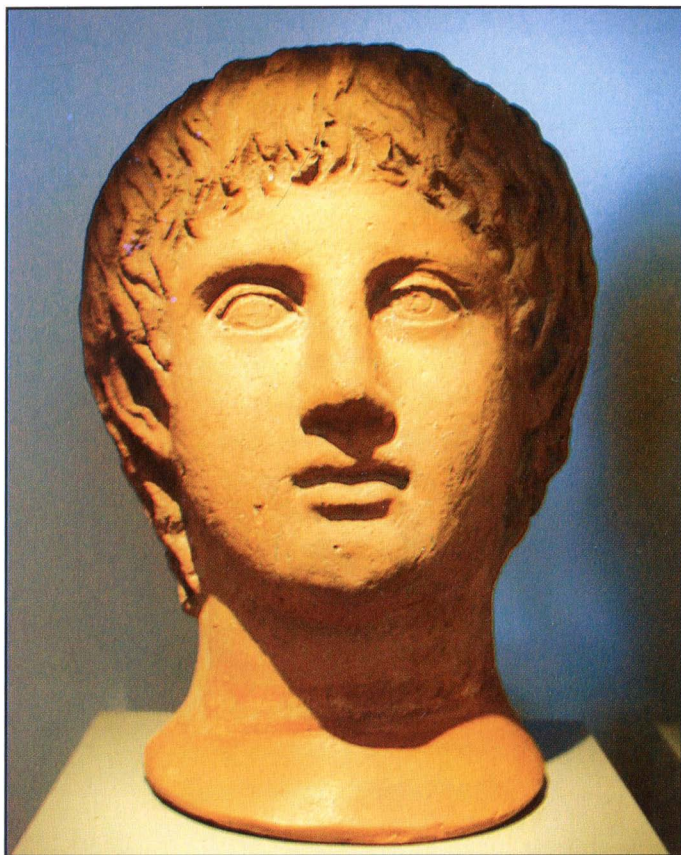
Сфинкс. Цере (Черветери)

Фрагмент этрусского скульптурного декора

Борцы. Гробница Авгуров. Тарквинии

Этрусский женский votивный портрет

Женщина с серьгами

Этруская золотая серьга

Этрусский мужской votивный портрет

Этруская погребальная стела из Болоньи

Этрусский саркофаг «Супруги» из Цере. Деталь

*Сражение этрусков с галлами.
Рельеф погребальной урны*

*Воин, помогающий раненому другу.
Этрусский светильник*

Бронзовая модель печени овцы для гаданий

*Воин, помогающий раненому другу.
Этрусский светильник*

Бронзовая модель печени овцы для гаданий

Медуза Горгона. Антефикс

Эти факты, похоже, точно соответствуют опасностям, о которых предостерегала Вегойя. Что касается наказаний, предсказанных нимфой, они были ничем по сравнению с тем, что произошло в реальности: город Вольсинии был уничтожен, восставшие рабы истреблены, и новый город был заложен на берегу озера Больсена.

БОГИ

Хотя традиция и отдает этрускам большое превосходство в вопросах религии, надо признать, что их влияние на римлян почти не сказывалось в том, что касалось богов. Более того, мы почти ничего не знаем о непосредственно этрусских божествах. Анализ сорока имен, которые представлены на бронзовой печени из Плезанса, позволяет нам точно идентифицировать только пять или шесть богов, потому что их имена заимствованы у итальянских или греческих божеств.

Имена богов, заимствованные у греков, редки и датируются относительно недавней эпохой (не раньше VI века до н.э.). Но и при этом, за исключением двух-трех, все они хранят большую долю тайны. Случаи имен, заимствованных в итальянских языках, более часты и идентифицируются яснее. Однако это заимствование ограничивается лишь фонетическим соответствием и не всегда связано с личностью божества: например, если имя Уни (Uni), бесспорно, происходит от имени Юнона (Juno), то характер этрусской богини явно отличается от характера самой Юноны.

Иными словами, очень трудно воссоздать этрусский пантеон. Если тосканцы охотно приняли легендарных греческих героев, смешав с ними свою собственную мифологию, то в том, что касается божеств, ситуация выглядит иной. Этрусские бронзовые зер-

кала, на которых часто изображались сцены греческой мифологии, очень скупы на изображения богов, а использование греческих имен никак не означает, что в Этрурии существовал культ иностранных божеств. Что касается имен богов, вырезанных на печени из Плезанса, то их нет на зеркалах.

При этом совершенно точно можно утверждать, что этруски должны были обладать своим собственным, хорошо установленным пантеоном. Однако множество этрусских богов носили италийские имена, главным образом, заимствованные в умбрийских и латинских пантеонах, в то время как ни одно италийское божество не имело чисто этрусского имени. Надо думать, таким образом, что в довольно давний момент своей истории (вероятно, в VIII веке до н.э.) этруски выбрали себе божества, у которых не было имен. Кажется, что в своих первоистоках жители Тосканы, главным образом, поклонялись сверхъестественным силам (*numina*) и естественным силам природы, которые были для них чрезвычайными явлениями (например, молния). Они верили, что эти знаки могут влиять на их судьбу, и поэтому создали уникальную науку их интерпретации. Но эти божества не наделялись никакими антропоморфными характеристиками. Некоторые отрывки из Сенеки и Плиния указывают на группы божеств, которые действовали коллегиально. Лишь значительно позже был создан полный пантеон богов с именами, заимствованными у соседей, а затем — частично — у греческих колонистов.

◆ Главные этрусские боги

По сравнению с латинским пантеоном и благодаря месту на знаменитой печени из Плезанса, можно понять, что бог Тин (или Тиния) был божеством неба,

громовержцем и считался главным из богов. Его святилища сооружались на высоких, крутых холмах. По своим функциям Тин соответствовал греческому Зевсу и римскому Юпитеру, поэтому не случайно позже в Риме образ Тина слился с образом Юпитера.

Тин означает «день». Этрusская концепция богов, передающих свою волю с помощью молний, относится к древнейшим религиозным представлениям. К их числу относился и Тин. Как бог неба, Тин повелевал тремя пучками молний. Первым из них он мог предостерегать людей, вторым — пользовался, лишь посоветовавшись с двенадцатью другими богами, третьим (самым страшным) — карал, получив на это согласие избранных богов. Таким образом, Тин, в отличие от греческого Зевса, первоначально мыслился не царем богов, а лишь главой их совета, по образцу совета глав этрусских государств.

Этрusки почитали триаду (троицу) высших небесных божеств: Тина (у римлян Юпитер), Уни (у римлян Юнона) и Мнерву (у римлян Минерва). Мы знаем сегодня, что римская триада богов первоначально состояла из Юпитера, Марса и Квирина и не была связана с этрусскими традициями. Лишь позже, при царе Тарквинии (этрusский царь Рима в VI веке до н.э.) стала состоять из Юпитера и двух богинь (Юноны и Минервы), что не отвечало принципам индоевропейской религиозной мысли. Каким же было тогда ее настоящее значение? Мы этого не знаем; но нам известно из некоторых источников, что Тин почитался также под именем Вольтумны. Варрон («Латинский язык», V, 46) уточняет, что он был «*deus princeps Etruriae*» (бог-владыка Этрурии, то есть первый из богов), и римляне трансформировали его имя в Вертумнус, считая его изменчивым богом, способным в разных обстоятельствах принимать разный вид. Иногда этого бога изображали злокознен-

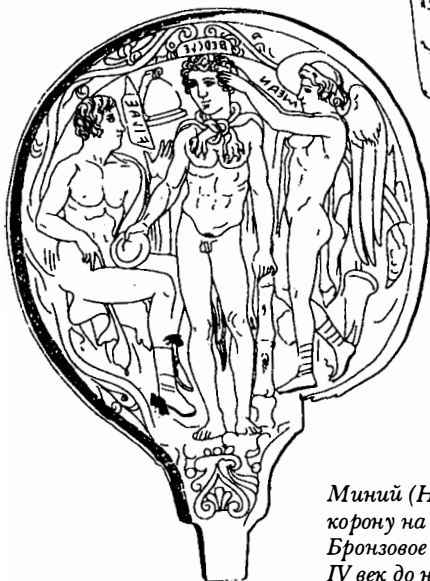
ным чудовищем, иногда в качестве божества неопределенного пола, иногда в виде воина (в латинском языке *vertere* поворачиваться). Мы знаем, что ему был посвящен храм в этрусском квартале Рима (*vicus Tuscus*), и что его статуя была выполнена кузнецом Мамурием (согласно Проперцию, IV, 2, 1). Нам известно что главный алтарь этого бога — святилище бога Вольтумны — был сооружен в Вольсинии, и там ежегодно собирались представители двенадцати этрусских городов, чтобы восславлять свою федерацию играми и религиозными церемониями, утверждая тем самым существование этрусской народности (*nomen etruscum*).

Между тем бог Вольтумна (*Veltumna*) почитался не только в Вольсинии. Его имя использовалось в качестве названий ряда географических пунктов. Согласно Титу Ливию (IV, 37, 2), Вольтурнумом назывался город Капуя, основанный этрусками. В Риме праздник Вольтурнария (праздник Вольтурнуса/Вертумнуса) отмечался жрецами 27 августа (Варрон, «Латинский язык», VII, 45). Сложность этого бога, его присутствие на всей совокупности этрусской территории, без сомнения, не позволяет воспринимать его как бога-громовержца Тина из Вольсинии, как это было предложено. Существовало ли, как об этом думали, божество, более древнее, чем бог-громовержец Тин, который стал символом этрусского народа? Невозможно ответить на этот вопрос. И все-таки отметим замечание Жака Эргона, который привлекает наше внимание на близость имени этого бога и слова «гриф» (по латыни — *vultur*). Это слово образовано корнем «*vol*» и суффиксом «*tur*». Нам известно, что в Этрурии существовали слова «*vel*», «*velthur*» и «*velthurna*», и не будем забывать о топонимах, упомянутых выше. Можем сюда добавить название вулкана в Кампанье (*Voltur*), находившегося на границе

Богиня Ути

*Тин, Турмс и Тална.
Бронзовое зеркало,
IV век до н.э.*

*Миний (Ника) возлагает
корону на Геракла.
Бронзовое зеркало,
IV век до н.э.*

этрасской территории, а также ветер (Volturnus). Вольтурнус — это также название реки в Кампанье. Похоже, что этот бог управлял тремя стихиями (воздух, вода и огонь). Корень «vol» или «vel» можно найти на печени из Плезанса, и некоторые ученые связывают его с именем бога-кузнеца Вельксана. Птица гриф на языке предзнаменований — это птица «vel» (Сервий, ad Aen. V, 517). Это была священная птица, и ее было запрещено убивать. Стоит вспомнить, что именно гриф сообщил Танаквиль о царской судьбе ее супруга Тарквиния, когда они прибыли в Рим. Кроме того, именно полет двенадцати грифов сообщил о победе Ромула над Ремом.

Эти факты, хотя и очень обрывочные, показывают всю сложность этрусского пантеона, божества которого принадлежали не к индоевропейской религии, и для которых сравнение с религиями соседей Этрурии всегда будет ненадежным или даже неверным. Такие же сомнения и вопросы возникнут, если начать анализировать другие божества, например, Уни или Айсера (последнее имя было найдено в тексте на Загребской мумии, и нельзя даже быть уверенным, что речь идет о божестве).

Некоторые этрусские боги и их соответствия на латыни или греческом:

Этрусское имя	Имя на латыни или греческом
Вольтумна	Вертумнус
Бог-громовержец Тин	Юпитер
Уни	Юнона — богиня покровительница женщин [Гера]
Ани / Кулсанс	Янус
Нетунс	Нептун
Айсера	Dea Dia (?)
Марис	Марс

Этрусское имя	Имя на латыни или греческом
Ларан	Марс
Ветис	Ведиус – Ведиовис
Сатре	Сатурн
Сельванс	Сильван
Мен(е) рва	Минерва
Вельксан / Сетланс	Вулкан
Туран	Венера [Афродита]
Турмс	Гермес
Фуфлунс	Бахус
Летун	Латон
Усил	Соль [Гелиос]
Аритими	[Артемида]
Аплу	[Аполлон]
Сурис	[Аполлон знахарь]
Лаза	нимфа
Геркл	Геркулес [Геракл]
Демоны:	
Харон / Хару	
Калу	
Тухулха	
Ванф	

◆ Демоны

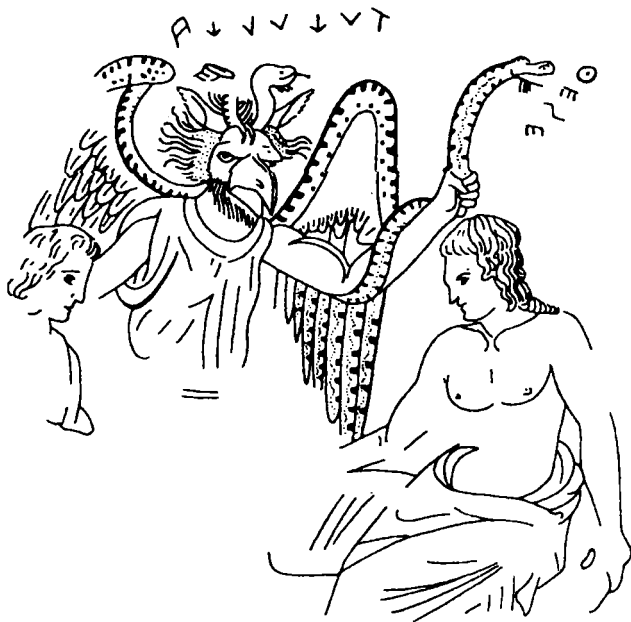
Наряду с культом богов у этрусков существовал культ низших божеств – злых и добрых демонов. Их изображения сохранились на зеркалах и фресках гробниц. Подобно хурритам, ассирийцам, хеттам, вавилонянам и другим ближневосточным народам, этруски представляли себе демонов в виде фантастических птиц и животных, а иногда и людей с крыльями за спиной. Демоны нередко изображались в качестве спутников и слуг богов.

Самый знаменитый демон – демон смерти Хару (Харон) – в большей степени, чем родственный ему греческий перевозчик душ умерших Харон, сохранил

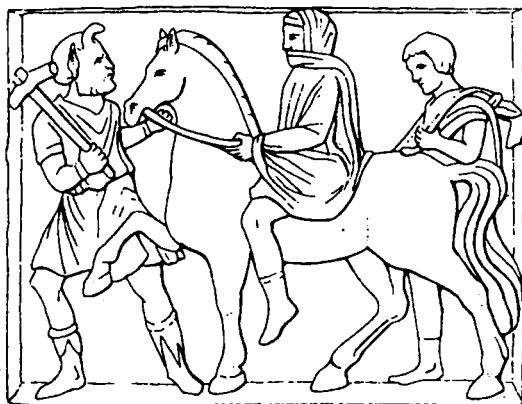

черты самостоятельного божества. На более ранних памятниках Хару — зловещий и молчаливый свидетель смертных мук, затем вестник смерти и, наконец, под влиянием греческой мифологии — проводник душ в подземном царстве, узурпировавший эту роль у бога Турмса (у греков — Гермеса). Хару легко узнать по загнутому крючком носу, страшному оскалу, лошадиным ушам и по синюшному цвету кожи.

Много общего с Хару имел Тухулха, в облике которого соединены человеческие и звериные черты. Его легко отличить по мохнатой шевелюре и змеям вокруг рук и на голове, по клюву хищной птицы и длинным ушам. Хару и Тухулха часто изображаются вместе как свидетели или исполнители воли богов

Тухулха и Тесей

Хару сопровождает покойника в загробный мир

преисподней. К демонам загробного мира относится и женский демон Ванф. Это настоящее олицетворение смерти. На зеркалах и фресках его часто изображали с Хару. Постоянные атрибуты Ванфа – факел, меч, змеи, обвивающие руки, ключ и свиток (*volumen*). На нем излагалась вся жизнь умершего, его своеобразная характеристика для божьего суда.

ЖРЕЦЫ И ГАРУСПИКИ

Из всех категорий этрусских жрецов мы реально знаем – благодаря римским авторам – только гаруспиков¹. И при этом они, считавшиеся пророками и специалистами по «Этрусскому учению» (*disciplina*

¹ Гаруспики (*Haruspices*) – название жрецов-гадателей у древних римлян. Они происходили из Этрурии, где, кроме гаданий по внутренностям жертвенных животных, они занимались толкованием молний и других чрезвычайных явлений. – *Примеч. пер.*

etrusca), возможно, не заслуживали того, чтобы называться жрецами.

В некоторых надписях (черепица из Капуи, мумия из Загреба) понятие «жрец» обозначается термином «сереп», зачастую сопровождавшимся титулом «зилат» (zilaθ). Другой термин, «мару» (maru), который, похоже, обозначает принадлежность к городской власти, иногда также бывает связан с культом божества: например, «maru raχaturas», «жрец Бахуса». Это позволяет думать, что в этрусских городах политическая должность могла сопровождаться выполнением определенных религиозных функций. Из этого вытекает, что в Этрурии, как и в Риме, священническая функция была неотделима от политической, а главные магистраты были призваны выполнять обязанности жрецов.

Священничество было доступно только для тех, у кого родословие и состояние позволяли делать политическую карьеру — то есть для аристократов. В древних цивилизациях религия была неразрывно связана с жизнью городов. Но ничто не позволяет нам быть уверенными в том, что у этрусков су-

Бронзовая стилизованная статуэтка, изображающая гарустика в характерном ритуальном одеянии

ществовали различные категории жрецов, хотя об этом и дают возможность думать некоторые свидетельства.

Мы знаем, что наряду со жрецами каждого города существовали «федеральные» жрецы, которые собирались во время церемоний в *fanum Voltumnae* и избирали раз в год одного из своей среды, кто должен был выполнять обязанности президента этрусской лиги. Тит Ливий рассказывает, что в Вейях царь «раздражался» из-за того, что «голосование двенадцати народов выбрало другого, а не его» (V, 1, 5). Можно предположить, что *rex Etrusiae* имел, скорее, символическую функцию, в основном религиозную. Это явление не было уникальным для Италии, и мы можем сделать подобные выводы в отношении, например, латинской лиги.

◆ Гаруспики

Очень популярные и уважаемые в Риме — что известно из большого количества латинских текстов — гаруспики не были явлением, характерным только для Этрурии. С конца Республики и еще больше при Империи они смешивались со всевозможными пророками, представая в виде астрологов (в той или иной степени шарлатанов), способных предсказывать будущее как для нищих, так и для богатых и могущественных. Только последние могли надеяться на то, что получат совет от реальных знатоков этрусских священных текстов.

В Этрурии специализация гаруспиков была более узкой. От этого они не были менее популярны, если судить по числу обнаруженных свидетельств. Очевидно, что они принадлежали к наиболее благородным и могущественным семьям, которые обладали священными книгами и имели возможность их изучать. Эта

наука передавалась от отца к сыну. Гаруспики играли также роль преподавателей у детей аристократов.

Глядя на маленькие статуэтки, мы можем себе представить, как они выглядели: сапоги с загнутыми носками, короткие пальто с застежками на груди и высокие шляпы конической формы. Их точная функция состояла в том, чтобы расшифровывать божественные послания по внутренностям приносившегося в жертву животного (*extispicine*). В основном это делалось по органу, символизовавшему жизнь — то есть по печени. Слово «*haruspex*» — латинское, и его первая часть означает «кишку»: оно переводится как «тот, кто наблюдает внутренности».

Гаруспики восхищали римлян своим умением предсказывать будущее, наблюдая форму и цвет внутренностей жертвенного животного. Технику этого мы можем лучше понимать после открытия бронзовой печени, найденной в Плезансе. Можно представить, что эта наука давала гаруспикам особое место в обществе. Но обладали ли они в действительности всеми теми талантами, которыми их наделяет Цицерон в своем трактате «*De Divinatione*» (I, 42) — пророчества, интерпретация небесных явлений? Другие добавляют к этому магию, искусство размежевания территорий, право основывать города и памятники и определять время. Без сомнения, им приписывается больше, что они умели, ведь речь здесь идет о почтении к этрусской религии, где гаруспики стали понятием, обозначающим жреца.

СВЯЩЕННЫЕ КНИГИ

Этруская религиозная наука (*disciplina etrusca*) основана, прежде всего, на толковании того, что говорилось пророками — например, Тагесом — и было тща-

тельно записано в священных книгах. Этих книг было пять: *libri haruspicini, fulgurales, rituales, fatales* и *acheruntici*. Первые касались гаруспиков, вторые обсуждали молнии, третьи — различные обряды, которые надо было соблюдать, четвертые — различные чудеса и последние — все то, что касалось загробной жизни. Надо уточнить, что этот список не окончательный, он может расширяться за счет специальных текстов (например, текстов Тарквиния Приска, который был авторитетом в Риме в I веке до н.э.) или текстов, приуроченных к тому или иному конкретному случаю.

Большая часть этого священного знания касалась гадания, которое занимало в этрусском мышлении такое место, какого оно не знало в менталитете римлян. К несчастью, за исключением книг по трактовке молний и ритуальных книг, мы ничего не знаем о содержании этих священных текстов.

◆ Книги гаданий

Изучение бронзовой печени, найденной в Плезансе, отчасти позволяет нам понять, каким образом этрусские жрецы гадали на внутренностях жертвенных животных. Можно предположить, что они пытались трактовать значение всех неровностей, обнаруженных при осмотре внутренностей. Мы обладаем отрывком из одного восточного текста, касающимся выводов, сделанных после осмотра подобной печени в Южной Вавилонии, где подобное гадание также широко практиковалось:

«Если верхняя оболочка сокращена (?), царь в своем могуществе защитит иностранных братьев,

Если нижняя оболочка сморщена, царь приведет в расстройство свою страну,...

Если мембрана искривлена, враги поставят страну в затруднительное положение,

Если мембрана дважды повреждена, восстания повлияют на настроение армии» и т. д.

Очевидно, в этрусских книгах содержались подобные же перечисления всех возможных случаев с их немедленными последствиями. Вероятно, к этому добавлялись размышления над поведением того или иного бога, которому соответствовала та или иная часть печени, как это показано на печени из Плезанса.

◆ Книги по объяснению молнии

Это, без сомнения, наиболее известные этрусские книги, потому что римляне тоже обычно прибегали к гаруспикам, чтобы интерпретировать удары молний, воспринимавшиеся ими как знамение. Поэтому не удивительно, что многие писатели и философы интересовались этой темой. Помимо Цицерона, Сервия или чуть позже Лидия, надо отметить два отрывка, один из Плиния Старшего («Естественная история», II, 37–146), другой из Сенеки (*Qwest.nat.*, II, 32–49). Источниками для них явились Цецина, Тарквиний Приск и некий Юлий Акила, которого мы не знаем.

Этрусские книги объясняли, как интерпретировать удар молнии. Было важно знать, откуда пришла молния, во что она ударила и, в случае необходимости, в каком месте она появлялась вновь, так как жрецы верили в эту возможность. Бог-громовержец Тин был повелителем молний: он располагал тремя их видами. Девять других божеств тоже могли пользоваться молниями, что позволяло различать всего двенадцать разновидностей молний. Поэтому важно было выяснить, какой бог послал ту или иную молнию. Сделать это отчасти помогал понять цвет молнии — например, красный цвет был символом бога-громовержца Тина.

Молния не считалась враждебным явлением. Согласно учению этрусков, «манубии» (так назывались у них молнии) исходили для того, чтобы дать предупреждение. Кроме того, считалось, что Тин мог метать разрушающие и сжигающие молнии только после совета с двенадцатью другими богами.

Нблюдая за молнией, жрец должен быть в состоянии расшифровывать значение божественного послания. Сенека писал: «В то время как мы [римляне] верим, что молния есть следствие столкновения туч, они [этруски] убеждены, что тучи сталкиваются с целью произвести молнию, поскольку этруски приписывают все происходящее богам. Они верят не в то, что вещи имеют значение, поскольку они случаются, а наоборот, что они происходят, потому что обязательно должны иметь некое значение». В связи с этим, одни молнии означали, что надо быть осторожными, другие были предвестниками смерти или ссылки, третьи — угрозу правителю и т.д. Одни предначертания молний имели значение, ограниченное во времени, другие означали, что надо реагировать незамедлительно, третьи — призывали к отсроченной по времени церемонии

Удар молнии мог нести и частное предупреждение, причем для человека он мог означать как благополучие, так и несчастье. Иногда удары молнии использовались как магическое средство: считалось, что их можно обратить против врага: Плиний рассказывает историю о царе Вольсиний, который добился от богов того, что они убили молнией ужасное чудовище Вольту, угрожавшее городу.

Гадание по молниям практиковалось и в Риме. Например, Нигидий Фигул, современник Цицерона, упоминал удар молнии в одной своей речи. Такие факты очень ценны для нас. Тот же Нигидий Фигул составил календарь, в котором на каждый день

года была дана своя интерпретация небесных явлений. Хотя он и уточнял, что эти его прогнозы имеют отношение только к Риму, мы можем предположить, что римские книги по объяснению молний были схожи с этрусскими и содержали схожую информацию для гаруспиков.

◆ Ритуальные книги

Один текст дает нам определение того, чем являлись этрусские ритуальные книги *libri rituales*. Фест (Festus) отмечал, что в них было написано, «каким обрядом надо сопровождать основание города, алтаря, храма; как освящать стены, каково религиозное положение ворот, как разделены курии, центурии и племена, как составлять и командовать армиями, а также много другого, имеющего отношение к войне и к миру».

Одним словом, эти книги описывали все ритуальные процедуры для основания городов и организации учреждений. Но Фест относит все это только по отношению к истории города Ромула. Без сомнения, сюда надо добавить и некоторое число обрядов, касающихся разгадывания некоторых знамений, которые имели в Этрурии столь же важное место, как и в Риме, а также как календарь главных обрядов, написанный на льняных повязках, которые использовали впоследствии для того, чтобы обмотать египетскую мумию. Речь идет о так называемой Загребской мумии, ибо один хорват привез ее в свою страну в XIX веке. Удалось понять лишь несколько пассажей из этого этрусского текста, но и они говорят о том, что это некий ритуальный календарь.

Среди обрядов, упомянутых Фестом, есть один, который совершенно точно был заимствован рим-

лянами у этрусков. Это обряд, сопровождавший основание города. Тит Ливий указывает на то, что Рим был заложен по этрусским обрядам. Известно, что город Ромула был построен на холме Палатин. Черта города была отмечена камнями, расположенными на известном расстоянии друг от друга. Это был так называемый «четырёхугольный Рим» (*Roma quadrata*), названный так вследствие формы самого холма и потому, что его построили по правилам искусства гаруспиков, которые требовали, чтобы город имел именно эту форму. При этом жрецы обращались к богам, желая узнать их волю, и соблюдали определенные ритуалы, чтобы получить их одобрение. Например, при основании Рима применялся так называемый обряд опахивания, который является, по сути дела, операцией по ограничиванию плугом определенной площади земли. Потом выкапывалась большая круглая яма (*mundus*), что символизировало концепцию человеческого мира и небесный свод, и туда сбрасывалась часть урожая, вино, оружие и т.п. Тщательно ограниченными квадратами отмечали священное пространство внутри будущих укреплений: речь идет о помериуме (лат. *pomerium* — граница, рубеж), то есть священной полосе свободного пространства по обе стороны городской стены (преимущественно с внешней), на котором возводились стены города. Помериум бороздился бронзовым плугом. Жители области внутри помериума пользовались особыми привилегиями — это тоже этрусский обычай, заимствованный римлянами. Сила этого ритуала была такова, что когда Рем перепрыгнул через священную борозду, насмехаясь над своим братом, Ромул вынужден был убить его, чтобы предотвратить превратности судьбы и сделать так, чтобы его город был непобедим.

◆ Книги судеб

Развивали ли этруски еще до начала греческого влияния теорию о неотвратимости судьбы? Мы этого не знаем, но если это допустить, то тогда нет ничего удивительного в том, что в их книгах было собрано все, что касалось судеб людей и государств. В книгах судьбы, как и в *libri fulgurales*, вероятно, было заключено все, что касалось предсказания как индивидуальных, так и коллективных судеб.

Согласно Цензорину, этруски разделяли человеческое существование на двенадцать частей, на двенадцать семилетних циклов — «недель». Каждая такая «неделя» приносила человеку новые возможности, ставила перед ним особые задачи; он получал дары от богов и мог обращаться к ним с просьбами. Когда заканчивался десятый цикл и человеку исполнялось семьдесят лет, он утрачивал право просить и получать от богов что бы то ни было. А в конце двенадцатой «недели», то есть в восемьдесят четыре года, люди «выходили из своего духа», и им уже не нужны были знаки.

Книги судеб трактовали то, что считалось чудесами. По свидетельствам некоторых авторов, они содержали описания чудес, представляя собой нечто вроде справочной антологии.

Возможно, мы сможем составить представление о содержании этих книг, основываясь на том, что мы знаем о книгах загадок. Эти книги пророчеств, известные в Риме, были восстановлены после их исчезновения во время пожара Капитолия в 83 году до н.э. После этого римские эмиссары помчались в южные греческие города, в частности в Кумы, чтобы собрать греческих оракулов по обычаю того времени. Но не исключено, что происхождение этих книг было этруским. Легенда гласит, что эти заме-

чательные книги были принесены в Рим во время правления Тарквиния при самых волнующих условиях (Дионисий Галикарнасский, IV, 62). Что касается первых следов консультирования с ними, то они уходят к 496 году до н.э., когда этрусское влияние в Риме еще было очень сильным. При этом не следует забывать о существенных различиях в подходе к чуду у римлян и этрусков. Упорядоченная жизнь Рима выработала отношение к любому чудесному явлению, как к чему-то угрожающему. У этрусков чудо могло нести в себе как положительное, так и отрицательное предзнаменование.

◆ Книги о загробной жизни

Наконец, последней категорией священных книг были книги мертвых, рассказывающие о смерти и посмертной жизни. Об этом нам тоже не осталось почти никаких надежных свидетельств, за исключением нескольких строк у Арнобия («Adversus nationes», II, 62), который уточнял, что в них можно было читать о том, «что некоторые души оказывались божественными и были извлечены из законов смертных кровью некоторых животных, пожертвованных некоторым богам».

Эти несколько слов очень важны для понимания веры этрусков в иную жизнь, что подтверждают также рисунки на некоторых гробницах. Арнобий делает намек на сложную церемонию, которая позволяла добиться обожествления души покойного. Жертвенная практика здесь отличалась от того, что жрец обычно выполнял: речь шла о том, чтобы подарить богу не жертвенное животное, а только его кровь. Это было нечто вроде символической передачи, ибо кровь животного представляла собой его жизнь, а его душа заменяла душу покойного. Таким образом,

она попадала в ад вместо души покойного, а та тем самым, оказывалась освобожденной и могла стать бессмертной в форме духа, названного «animalis», от слова «anima» (душа).

Жизнь для этрусков была коротким мгновением по сравнению с вечностью. Символическим выражением этих представлений было и то, что свои жилища и даже храмы они строили из быстроразрушающихся материалов, а гробницы — из каменных блоков, переживших тысячелетия. О том, что происходило с человеком после смерти, рассказывали специальные книги, из которых до нас дошли лишь небольшие отрывки, сохраненные разными римскими авторами. Из них мы знаем, например, что этруски верили в загробный суд, который вершила крылатая богиня Вант, и поэтому клали в гробницу умершего «книгу жизни», чтобы богиня не была к нему слишком суровой.

ГАДАНИЕ

Вместе с гадательной практикой, вездесущей в жизни этрусков, мы затрагиваем религиозной менталитет этого народа и его мировоззрение. Этот менталитет отличался от менталитета римлян. В Этрурии человек считался частью природы и принимал участие в интимных и тайных связях, которые соединяют различные элементы мира. Мировой порядок состоял в том, что каждый отражал и воспроизводил желания богов. Но это не означало полного детерминизма для человека. Просто люди могли знать свое будущее, если они умели расшифровывать знаки, посылаемые им. Боги при помощи пророков (Тагес, Вегойя и др.), показывавших людям ключи к интерпретации тех или иных знаков, которые они им по-

сылали; иногда это происходило, например, через полет птицы, иногда посредством удара молнии или при помощи других знамений.

Сенека точно понял разницу между мышлением римлян и мышлением этрусков. По поводу ударов молнии он отмечал: «На этот счет существует разногласие между нами и этрусками, достигшими наивысшей премудрости в науке толкования молний: мы считаем, что молния вылетает потому, что столкнулись облака; они полагают, что облака сталкиваются для того, чтобы вылетела молния; ибо они возводят все непосредственно к богу, и с их точки зрения все происходящее не потому является знамением, что происходит, а, напротив, происходит для того, чтобы служить знамением. Но, так или иначе, происходят-то они все равно тем же самым образом — является ли знаменование будущего их целью или их следствием».

Этруски верили, что интерпретировать божественное послание могут только те, кто получил необходимую подготовку и был способен прибегать к священным книгам, чтобы расшифровывать мысли богов. Речь идет о жрецах, о гаруспиках, которые, например, умели читать будущее по печени овцы, которая представлялась им фактически как зеркало мира. На гробнице Франсуа в Вульчи изображен аристократ Вел Сатис, готовящийся к гаданию. Мы видим этого тосканского военачальника поднимающим взгляд к небу, куда он собирается выпустить птицу, полет которой покажет ему будущее операции, которую он собирается предпринять.

Книги по истолкованию ударов молний объясняли все параметры, на которые надо было обращать внимание, когда бог-громовержец Тин (или один из девяти других богов) посылал молнию. С их помощью можно было расшифровать послание и сделать предсказание.

*Вел Сатис, готовый следовать взглядом за полетом птицы.
Гробница Франсуа, Вульчи*

Наиболее прямая форма божественной демонстрации называлась «знамением», которое подразделялось на несколько категорий: знамение, касающееся природы (*ostentum*, *portentum* по латыни), касающееся устрашающей особенности живого существа (*monstrum*, *miraculum*) и т.д. Знамения считались знаками, которые выражали божественные пожелания. Ими нельзя было пренебречь никоим образом. Для их объяснения жрецам надо было пройти через три фазы: фаза наблюдения, фаза интерпретации (опираясь на священные книги) и фаза заклинания, чтобы все вернулось к обычному порядку вещей. Знамения могли касаться прошлого, настоящего и будущего. Но существовало важное различие между Римом и Этрурией. Если в Риме знамения всегда считали демонстрацией божественного гнева, то этруски трактовали их двояко; у них знамения могли иметь и счастливую интерпретацию.

Например, Тит Ливий рассказывает о том, как Танахвиль трактовала своему мужу Тарквинию полет птицы во время их поездки в Рим. Эта трактовка заключалась в том, что боги говорят ему, что его ждет великое будущее. Здесь явно имело место счастливое предзнаменование, ибо очень скоро оно сбылось, и Тарквиний стал царем Рима.

Тот же Тит Ливий (III, 10, 7) рассказывает о событии, произошедшем в Риме в 461 году до н.э. Он пишет: «В тот год в небе стояло зарево, а земля сотрясалась страшными толчками. Говорящая корова, в которую в прошлом году никто не верил, теперь не вызывала сомнений. Среди прочих знамений упоминают о падавших с неба кусках мяса и об огромной стае птиц, которые на лету склевывали этот дождь, а то, что упало и рассыпалось по земле, не протухло и по прошествии нескольких дней. Через

дуумвиров¹ по священным делам обратились к Сивилиным книгам²: предсказано было, что угроза исходит от собравшихся вместе чужеземцев, которые могут напасть на Город и погубить его; было дано также предостережение не затевать смут».

Гадание всегда осуществлялось в рамках совершенного знания о природе и в совершенном симбиозе с нею. Этруски вели диалог с природой и умели понимать ее через расшифровку символов. Каждый из ее элементов был носителем определенного смысла.

Живя в столь тесной связи с природой и в зависимости от нее, этруски могли чувствовать себя уверенными, успокоенными и видеть, как рассеивают страхи. Так они могли не бояться даже смерти.

ОВЕЧЬЯ ПЕЧЕНЬ ИЗ ПЛЕЗАНСА

В 1878 году в окрестностях Плезанса во время раскопок ученые сделали неожиданную находку: бронзовую модель печени овцы. Модель эта поделена на две антагонистические части — благоприятную и враж-

¹ Дуумвиры — два высших должностных лица в римских муниципиях и колониях. Избирались ежегодно и обладали полномочиями, аналогичными власти консулов в Риме. — *Примеч. пер.*

² Книги сивилл (*Sibyllini libri*) — книги пророчеств, по преданию, приобретенные Тарквинием Гордым. Представляли собой собрание стихотворных оракулов и хранились в храме Юпитера на Капитолии. К этим книгам обращались по решению сената, чтобы определить, что следует предпринять для умилостивления богов при неблагоприятных знаменьях или вообще в тяжелых для государства обстоятельствах. Сивилины книги находились в ведении жреческой коллегии хранителей и истолкователей — сначала двоих (дуумвиры по священным делам), с 367 года до н.э. — десяти (децемвиры), а в 82–81 гг. до н.э. число их достигло 15 (квиндецемвиры).

дебную, соответственно помеченные солнцем (usilis) и луной (tivr). В модели отмечена оборотная сторона с разделениями на сорок участков, на которых в строгом порядке изображены имена богов.

Это был рабочий инструмент, который этруски использовали в ритуале гадания, связанном с печенью жертвенных животных. С помощью внутренностей они обращались к богам (отсюда в латинском языке появились термины «extispicine» и «hépatoscopie»).

Поверхность этой бронзовой печени разделена прямыми линиями на многоугольники различной формы. В каждый вписаны слова, являвшиеся своеобразной «шпаргалкой» для предсказателя, ибо

*Чаклас, совершающий обряд гадания.
Бронзовое зеркало, Вульчи*

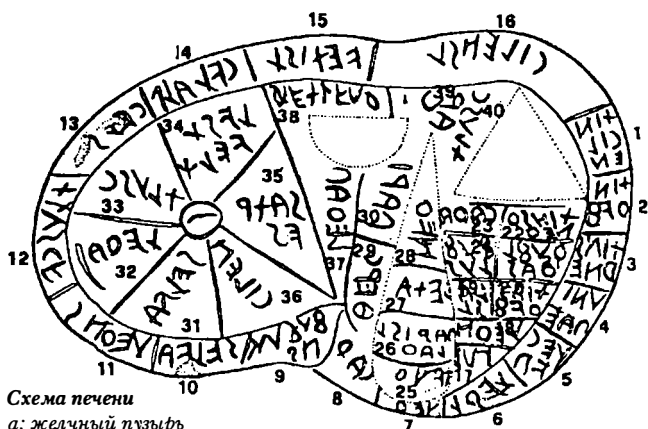
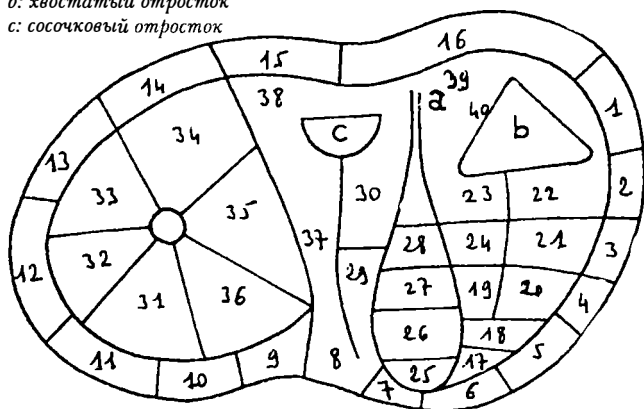

Схема печени

a: желчный пузырь

b: хвостатый отросток

c: сосочковый отросток

Печень из Плезанса и ее транскрипция

Бордюр

1. Tin Cilen
2. Tin θuf
3. Tin θne
4. Uni Mae
5. Tecum
6. Leθn
7. Eθ
8. Caθ
9. Fu θuns
10. Selva
11. Leθns
12. Tluscv
13. Cel
14. Culaθp
15. Vetisl

16. CilensI

Правая часть

17. Ne
18. Leθn
19. Lasl
20. Tins θuf
21. θuθlθas
22. Tinsθ Neθ
23. Caua
24. Fufslus
25. Tu θ
26. Marisl Laθ

27. Leta

28. N θ

Рядом с желч-
ным пузырем

29. Herc

30. Mari

Левая часть

31. Selva
32. Leθms
33. Tlusc
34. Lusl Vel
35. Satres
36. Cilen

Слева от цен-
трального же-
лобка

37. LeGam

38. θetlumθ

Слева от хвос-
татого отпрос-
тка

39. Mar

40. Tlusc

слова, написанные внутри делений, обозначают имена богов, добрых и злых. Некоторые из них уже известны ученым, имена других встречаются впервые, а третьи этрускологи пока не могут правильно прочесть.

Печень, обнаруженная в Плезансе и датированная приблизительно II веком до н.э., происходит из Кортонны, который с конца предыдущего века считался одним из главных этрусских городов. Жак Эргон после палеографического изучения высказал гипотезу о том, что это была своеобразная «дорожная печень», которая использовалась, например, для обучения новых специалистов по гаданию.

Гадание по печени жертвенного животного было распространено также и в Вавилонии, что лишний раз говорит о сильном влиянии на этрусков восточных цивилизаций. Идея о том, что любое значимое божество имело свое «представительство» на поверхности такого важного и уважаемого в древности органа, как печень, не лишена некоего здравого зерна — верит же современная медицина в то, что различные части тела имеют подобные же «представительства» на радужной оболочке глаза.

Для гаруспиков, гадавших по печени, вселенная была живым организмом, где все существовало во взаимосвязи. Для них кровь была сияющим потоком сознания, а посему и печень была средоточием глубочайших тайн и символов. Жрец пристально вглядывался в нее, как в карту звездного неба (символично, что гладкая поверхность печени была разделена на шестнадцать частей, что соответствовало шестнадцати частям небесного свода или шестнадцати жилищам богов). Являясь своеобразной «схемой» неба, печень жертвенного животного формой каждой из своих частей раскрывала опытному глазу то, что замыслили боги.

ОБРЯДЫ

Так как божественная сила влияла на каждый атом природы, внутри которой человек существовал в совершенной гармонии, религия была вездесуща в повседневной жизни этрусков. Связь с божественным осуществлялась при помощи обрядов, развившихся во время церемоний по случаю праздников.

Жрецы научно фиксировали даты церемоний, которые проходили каждый год, и фазы их развития: процессии, приношения, гадания, жертвы. Каждый обряд должен был тщательно соблюдаться для того, чтобы обеспечить общение между заинтересованным божеством и оракулом. Можно сказать, что вся жизнь этрусков была ритуализирована жрецами, которые руководили церемониями и трактовали волю богов. Не только каждое сколько-нибудь значительное решение требовало обращения к богам, но и весь повседневный быт рассматривался как совокупность примет, божественных знамений и выполнения воли тех или иных богов.

Из всех соблюдавшихся обрядов жертвоприношение было наиважнейшим и порой наиболее красочным. Этруски знали много его видов. Некоторые из них выглядели в форме даров: например, богам дарилась кровь убитого животного, чтобы душа умершего могла освободиться и стать бессмертной. Приносились и человеческие жертвы. Эта практика существовала повсюду в глубокой древности, но речь больше шла о жизнях, предложенных богу, чем о настоящих жертвах. Мы знаем несколько примеров, когда в дар богам приносились жизни военнопленных (в частности, триста семь пленных римлян было убито в 358 году до н.э. в Тарквиниях).

Настоящая жертва требовала не только приношения животного, но и осмотра его внутренностей га-

русником. Именно в этом состояла специфика Этрурии, на этом базировалась репутация ее жрецов. Эта практика была неизвестна в Риме. Там, где римляне просто довольствовались тем, что предлагали богу жертву богу (*litatio*), этрусские гаруспики жертвовали животное, чтобы изучать его *exta*, в особенности печень, чтобы по ним читать — следуя науке, изложенной в священных книгах — будущее, предсказываемое тем или иным божеством. Это предсказание было действительно для того, кто предлагал жертву, даже если ее предмет был украден!

Тит Ливий рассказывает нам о том, как во время осады римлянами города Вейи вейский царь приготовился к совершению жертвенного обряда, и гаруспик объявил, что победа даруется тому, кто разрубит внутренности данного конкретного животного. Римляне из подкопа услышали эти слова, вывели подземный ход наружу, похитили внутренности жертвенного животного и принесли их своему предводителю Камиллу. В результате Вейи пали (Тит Ливий, V, 21).

Обряды, связанные с культом мертвых, имели в Этрурии особое значение. Церемонии проходили перед или даже в самих гробницах, когда их архитектура это позволяла. Чем больше были погребения, тем более пышными и внушительными были празднования: процессии, приношения, жертвы, игры (легкая атлетика, борьба, музыка и танец, а также, возможно, театральные представления). Раскопки позволили обнаружить важнейшие культовые пространства: алтари, террасы, а в Тарквиниях — даже небольшую театральную сцену (12 м × 15 м), датируемую IV веком до н.э.

Рисунки в гробницах показывают нам сцены пиров, которые остаются неопределенными в отношении своей интерпретации. Если некоторые хотели бы видеть в этом символическое изображение по-

койного, то другие считают, что эти сцены представляют похоронную церемонию, в которой покойный сам принимает участие. Мертвый присутствует на своих собственных похоронах, как бы осуществляя связь между миром мертвых и миром живых.

ХРАМ

Строительство храмов развивалось в Этрурии, главным образом, начиная с VI века до н.э. Они символизировали материализацию на земле небесного священного пространства (*templum*), в границах которого жрецы наблюдали за божественными предзнаменованиями. Археология предоставила многочисленные свидетельства существования храмовых построек во всей стране этрусков, но от них сохранились лишь каменные фундаменты. Остальные части зданий, первоначально строившихся из дерева и самана, а затем из кирпича-сырца, были уничтожены временем.

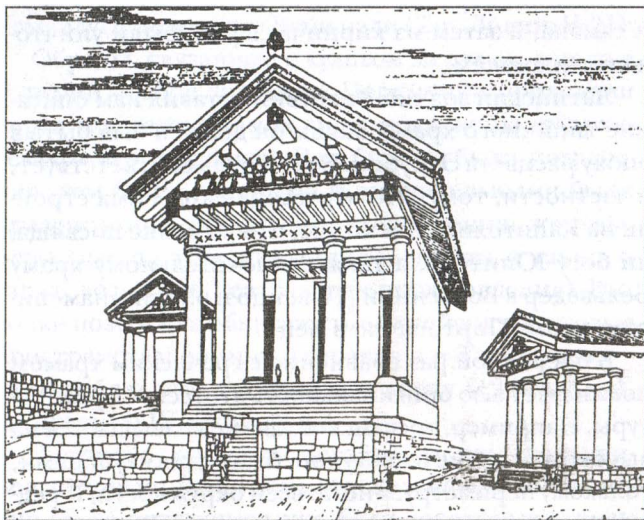
Латинский зодчий Витрувий оставил нам описание типичного храма, каким он должен был быть в эпоху расцвета Этрурии. Эта модель соответствует, в частности, тому, что этрусские цари Рима строили на Капитолийском холме, что римляне посвящали богу Юпитеру, а также замечательному храму Бельведер в Вольсинии (IV век до н.э.) или знаменитому храму Портоначчо в Вейи.

В очередной раз сравнение с греческим храмом показывает всю оригинальность этрусской архитектуры. Например, тосканское здание возвышается на высоком подиуме и доступно, благодаря ступеням, только по периметру, а не по всей окружности. В редких исключительных случаях (храм в Пирги или в Сатрикуме), он не окружен колоннами и выставля-

ет на обозрение по сторонам и сзади только глухие стены. Эта разница объясняется тем, что этрусский храм обычно стоял не посреди города, а в конце главной улицы. При этом его фасад представлял собой двойной ряд из четырех колонн, который занимал в передней части здания пространство, охватывающее почти половину общей площади подиума. Общие пропорции здания также отличались от греческой модели, так как подиум по форме был ближе к квадрату, чем к прямоугольнику. Закрытая часть, святая святых, куда могли входить только жрецы, часто была разделена на три целлы. Но это не означает, что эти храмы были посвящены триадам богов, за исключением особенных случаев.

Правильнее говорить о двух вспомогательных комнатах, которые находились по сторонам от главной целлы. Кровля из дерева, покрытого черепицей, была очень широкой – без сомнения, для того что-

Восстановленный вид храмов акрополя города Козы

бы обеспечивать защиту здания, сложенного из очень непрочных материалов, от непогоды. Оформление храма также имело функцию защиты различных частей здания, подвергавшихся атмосферным воздействиям, особенно деревянных балок, которые были покрыты сверху обожженной глиной. Здесь не было никаких тяжелых каменных скульптур, которые обычно украшают греческие храмы. Основная часть украшений была выполнена из глины. Фронтон укрывали только пластины из этого материала, а по краям крыши помещались антефиксы¹ в виде голов горгон или менад², от которых до нас дошло несколько очень красивых образцов. Наиболее красивая часть оформления располагалась на вершине крыши; она, возможно, фиксировалась на коньковых черепицах: речь идет об акротериях³, больших статуях из глины — как, например, тех, что украшали храм Портоначчо в Вейи. Их изготовитель — художник, называвшийся «*coroplaste*», мог таким образом приобрести отличную репутацию. Так произошло, например, с Вулкой из Вейи. Этот единственный этрусский художник, чье имя дошло до нас, какое-то время работал в Риме, где делал культовые статуи и занимался наружной отделкой храма Юпитера на Капитолийском холме. Более маленькие акротерии отмечали также каждый угол кровли. Эти произведения искусства, выкрашенные яркими красками и сверкавшие на солнце, придавали всему

¹ Антефикс (лат. *Antefix*, от *ante* — спереди и *fixus* — прикрепленный) — украшение из мрамора или терракоты в виде пальметты или щита с рельефом. Обычно помещалось по краям кровли вдоль продольной стороны античного храма.

² Менады («безумствующие») — в древнегреческой мифологии спутницы и почитательницы Диониса.

³ Акротерии — небольшие постаменты с украшениями по углам и наверху фронтона.

*Терракотовая статуя Аполлона из Вейи.
Предположительно, работа Вулки*

зданию впечатление величия и могущества, заставляя забыть о скромности материалов, использованных для его строительства.

Это описание, немного общее и стереотипное, не должно заставить забыть, что архитектура храмов не была единообразна и изменялась в веках. Возьмем пример алтаря Ара делла Реджина в Тарквиниях, где археологи обнаружили четыре фазы эволюции. Первый храм был воздвигнут в первой половине VI века до н.э. Это была эпоха, когда Тарквинии быстро развивались и приобретали влияние в регионе. Некоторые археологи считают, что именно по этой причине речь могла идти о первом общегосударственном алтаре этрусков, существовавшем еще до появления святилища бога Вольтумны в Вольсинии. Очень вероятно, впрочем, что на этом месте уже существовал алтарь, предшествовавший строительству этого храма.

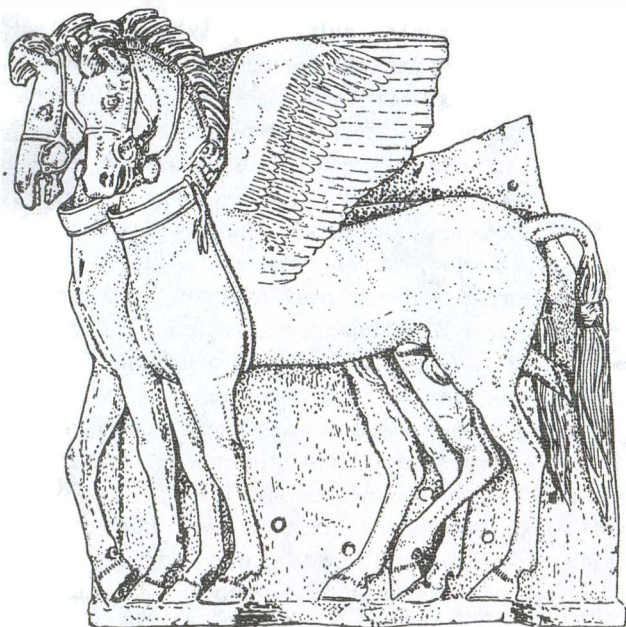
Это здание в ту эпоху имело исключительные размеры, напоминая тем самым некоторые греческие храмы юга Италии, что объясняется особым положением Тарквиний и внешнеторговыми контактами, которые оказывали влияние на этот город. Оно ориентировано по линии восток-запад, как греческие храмы. Возвышаясь в центре мощного подиума размером 31,50 на 55 м, оно представляет собой сооружение (целла и пронаос¹) длиной 27 м и шириной 12 м (это внешние размеры, так как стены имеют 1,40 м в толщину). Несколькими десятилетиями позже вокруг предыдущего был построен храм II, а первый храм оказался целлой и вестибюлем нового здания. Он уже имел 24,80 м в ширину и 44 м в длину. Пронаос с четырьмя колоннами имел размер 16 м

¹Пронаос (от греческого *pronaos* — преддверие храма) — полуоткрытая часть античного храма между входным портиком и целлой. — *Примеч. пер.*

на 24 м. Через полтора века было отмечено еще одно увеличение задней части храма, которая в III веке до н.э. была включена в целлу и разделена на три ложи. Это удлинение храма, последовавшее за падением Вейи (396 год до н.э.), соответствовало периоду восстановления престижа Тарквинии до ее столкновения с Римом (366 год до н.э.) и, без сомнения, символизировало гегемонистское положение этого города среди других этрусских городов.

От первоначального оформления храма не осталось почти ничего, если не считать некоторых архитектурных элементов из терракоты, представляющих процессии воинов и сцены пиров. При этом храм III

*Лошади.
Обожженная глина. Тарквинии*

предоставил нам великолепных крылатых лошадей, которые ныне хранятся в музее Тарквинии.

В целом этрусский храм отличается от греческого храма не только своей общей концепцией, но и ориентацией в пространстве. Греческий храм обычно ориентирован по линии восток-запад, этрусский же храм — по крайней мере, начиная с V века до н.э. — почти всегда обращен на юг. До этого его ориентация, похоже, определялась городским планом и направлением улиц. Впоследствии этим стала управлять «небесная топография», которой ведали жрецы и которую также можно обнаружить на печени из Плезанса. Ф. Прайон выдвинул интересную гипотезу «соотношения между направлением храма и делением неба, принятым в этрусской религии». Поэтому в древние времена этрусско-италийские храмы всегда были обращены к южной части «небесного круга», с тенденцией к юго-западу для храмов, посвященных божествам-женщинам, и — гораздо реже — к юго-востоку (главным образом, для храмов, посвященных богу-громовержцу Тину).

Конечно, надо отдавать себе отчет в том, что наши знания в этой области остаются очень неполными. Но даже если принципы построения храма остаются сходными (это священное здание, хранящее статую бога, и где совершаются культовые действия, посвященные этому божеству), мы снова видим, что за неизбежной игрой влияний скрывается то, что отличает Этрурию от Греции. И именно в этих различиях кроется специфика этрусского менталитета.

VII

ЭТРУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Голос этрусков доходит до нас ослабленным, словно разрушенным временем, почти неслышимым. Как Одиссей, привязанный к мачте своего корабля, чтобы не попасть под влияние пения сирен, ученые и просто любопытные хотели познать его, очарованные словами, смысл которых скрывался от них. Объявленный загадкой с XV века этрусский язык соблазняет результатами богатых археологических находок — этих единственных свидетельств ушедшей в небытие цивилизации, но все напрасно. Этим он лишь еще больше способствует сгущению этрусской тайны, которая решительно отказывается уступать усилиям тех, кто хотел бы ее разгадать.

Понять — не значит расшифровать. Этрусский язык хорошо читается, так как тексты создавались при помощи хорошо известного греческого алфавита. Но его невозможно понять. Этот язык уникален — по крайней мере, для нашей стадии познания. Многочисленные исследователи, охваченные энтузиазмом, верили, что сумеют выявить его родство с баскским языком, ивритом или турецким языком. Но каждый раз им приходилось отказываться от этой идеи. Этрусский не является индоевропейским языком, мы в этом уверены. Но он не является также и абсолютно изолированным языком, который развился без

внешнего контакта. Вероятно, он изменялся по мере расширения исторических и культурных связей этрусков, обогатившись разговорными идиомами тех народов, с кем этруски общались, кого побеждали или от кого терпели поражения. Без сомнения, этрусский язык берет начало в наиболее древних средиземноморских лингвистических традициях. Возможно, он имеет структуру, которая характерна для самых темных и неизвестных нам языков, которым не предоставился — как самому этрусскому — шанс дойти до наших дней. Но мы об этом никогда ничего не узнаем, и тут историкам следует быть поскромнее.

Кто-то утверждает, что наше непонимание этрусского языка связано с недостаточностью текстов. Действительно, они не выглядят очень уж многочисленными, особенно если сравнивать этрусский язык с тем же латинским. Речь идет, главным образом, о коротких надписях. Длинные тексты вызывают у нас чувство неудовлетворенности по сравнению со свидетельствами, которые говорят о существовании мощной священной литературы. И тем не менее, мы располагаем более чем двенадцатью тысячами этрусских надписей, что немало по сравнению с несколькими сотнями, выполненными на умбрийском или оскском языках. Но эти языки италийские, индоевропейского происхождения, и мы можем их понять. Этрусковедам же остается лишь мечтать об обнаружении своего Розеттского камня, который позволил бы им быстро продвинуться в расшифровке этрусского языка.

Однако несмотря ни на что, они продвигаются вперед. И факт того, что этрусский язык находился в тесной связи с индоевропейскими идиомами, благоприятствует пониманию его лексики. Было использовано множество методов. Один из них — этимологический метод, который состоит в том, чтобы находить сходства между этрусским и другими языками в

происхождении слов, быстро показал свою ограниченность. Так называемый комбинаторный метод, который требует очень тонкого критического анализа этрусских текстов при сравнении их между собой, также оказался недостаточным, потому что он редко давал какую-то уверенность. Наконец, метод, названный методом параллельных текстов (или билингвистическим), основанный на сравнении надписей сходного происхождения (например, эпитафий) на двух языках, из которых один известен (латинский язык, греческий язык), дал интересные, но чересчур ограниченные результаты, которые могут привести к ошибкам, так как они не принимают в расчет культурную специфику этрусков. В отсутствие настоящих двуязычных текстов ученые-лингвисты используют различные методы одновременно и с осторожностью, основываясь, как правило, на контекстах. Они понимают, что медлительность и осмотрительность являются основами их продвижения вперед, и этим они отличаются от торопливых любителей, характерных для нашего века скоростей.

Еще надо добавить, что, если методы исследования лексики дают какое-то продвижение, то структура языка остается почти на мертвой точке. Знания о ней сводятся, чаще всего, лишь к гипотезам. В этих условиях, можно только радоваться состоянию наших знаний в этой области и считать, что этруски начали с разговорного языка, даже если он и был поначалу всего лишь невнятным бормотанием.

АЛФАВИТ

История алфавита, использовавшегося этрусками, кажется очень ясной, но содержит множество вопросов. Нам известно его происхождение — оно

финикийское. Мы почти точно знаем, что он был принесен греческими колонистами, прибывшими с полуострова Халкидики (Греция) и обосновавшимися в Кумах. Его первые следы появляются в VIII веке до н.э., а наиболее известные памятники этрусской письменности — это надгробия и керамика. В настоящее время известно около девяти тысяч надписей, выполненных с помощью этрусского алфавита и найденных на надгробных плитах, вазах, статуях, зеркалах и драгоценностях. По расположению на третьей позиции буквы «с» можно утверждать, что латиняне заимствовали свой алфавит у этрусков, а не у греков.

Но существуют и многочисленные темные места — даже в том, что касается происхождения алфавита. Например, филологи, изучая надпись на Лемносской стеле, констатировали поразительные подобия, которые не могут быть случайными, с лемносским алфавитом и языком. Тем не менее, несмотря на аргументы приверженцев тезиса о восточном происхождении этрусков, греческий источник (Кумы) этрусского алфавита кажется определенным.

По другим пунктам, напротив, вопросы остаются: например, по поводу того, что привело этрусков к заимствованию алфавита у греков. Сегодня кажется, что причины этого были больше экономическое, чем религиозного порядка. Тезис, согласно которому алфавит был нужен этрускам для того, чтобы записывать священные тексты, отброшен в пользу другого тезиса, который объясняет это потребностью вести счета и составлять регистры в эпоху, когда эволюция торговли вывела ее за рамки простого товарообмена, и когда Этрурия стала ввозить больше товаров, чем вывозить. С этой точки зрения выглядит нормальным, что греческие коло-

нисты в Кампанье оказались первыми заинтересованными в этом, так как именно они развивали торговые связи, привлеченные минеральными богатствами Тосканы.

Но тогда почему большая часть наиболее древних свидетельств существования этрусского алфавита была обнаружена в женских гробницах, на предметах, предназначенных для шитья или ткачества — например, на катушках? Какую роль сыграли женщины в распространении этого алфавита? Кто такая была богиня Реитя, настоящее божество письменности, алтарь которой дал нам различные предметы для письма и бронзовые таблички, где были вырезаны знаки этрусского алфавита? Без сомнения, эти вопросы следует отнести в раздел общей оценки роли женщин в этрусском обществе. Можно предположить, что эти надписи были вырезаны на предметах, связанных с властью, достоянием которой была письменность — умение по тем временам редкое, являвшееся залогом могущества. Этрусское искусство демонстрирует привилегированный статус писца, как и в других цивилизациях, владевшего чем-то вроде колдовской силы, состоявшего на службе у своего хозяина и наделенного им особыми полномочиями.

◆ Алфавит и азбука

Нам повезло, что мы обладаем довольно большим количеством алфавитов, написанных на различных основах, которые нам позволяют рассмотреть эволюцию этрусской письменности и ее адаптацию к региональным потребностям. Ученые обычно делят эти алфавиты на две категории: с одной стороны, это алфавиты-эталонны, то есть те, которые передавались писцам в качестве образца, и с другой сторо-

ны — практические алфавиты, которые родились в процессе практического пользования этрусской письменностью. Первые датируются VII — началом VI вв. до н.э., вторые — VI—III вв. до н.э.

Алфавиты-эталонны обнаружены, например, в Витербе, Черветери (Цере) и других местах. Наиболее известный из них — алфавит из Черветери (Цере), который написан на краю таблички из слоновой кости, обнаруженной в Марсильяна д'Альбенья и датируемой серединой VII века до н.э. Он включает в себя 26 знаков (это самый полный из известных нам этрусских алфавитов), соответствующих 22 звукам финикийского алфавита, к которым в конце добавлены 4 греческих буквы (тоже финикийского происхождения).

Практические этрусские алфавиты имеют лишь 21 букву, к которым добавляется звук «f». Речь идет о буквах: a, c, e, w (digamma), z, h, θ (th), i, k, l, m, n, p, ś, q, r, s, t, u, ś (χ), φ (ph), ψ (χ = kh), f. Отметим, что в этрусском языке не используются ни гласная «o», ни глухие согласные «b», «g» и «d», а также согласные «q» и «ś» (отмеченная как «χ») исчезли достаточно рано.

С другой стороны, существовали местные варианты письма, в некоторых случаях заимствованные у других греческих алфавитов. В целом выделяются три больших ареала различных транскрипций этрусского алфавита: южная зона (вокруг городов Цере и Вейи), центральная зона (Вульчи, Тарквинии и Вольсинии) и северная зона (Кьюзи, Ареццо, Фьезоле, Вольтерра). В центре этих зон можно наблюдать региональные особенности письменности — плоды местного исторического развития.

Помимо различных форм алфавитной письменности мы находим также следы того, что было, возможно, одним из древнейших вариантов силлабического

Этрусские алфавиты			Транскрипция
A	A	A	a
B))	(b)
Г))	c
D))	(d)
E	Э	Э	e
F	Ф	Ф	v
G	Г	Г	z
H	Н	Н	h
Θ	⊗	⊙	θ
I	—	—	i
K	κ	κ	k
L	λ	λ	l
M	μ	μ	m
N	ν	ν	n
Θ	⊗	⊙	(š)
O	⊙	⊙	(o)
P	ρ	ρ	p
Q	ϱ	ϱ	q
R	ϱ	ϱ	r
S	ς	ς	s
T	τ	τ	t
Y	υ	υ	u
X	ϕ	ϕ	š
ϕ	ϕ	ϕ	φ
Υ	υ	υ	χ
	ϑ	ϑ	f

письма¹. Некоторые факты делают возможной эту гипотезу: с одной стороны, употребление в письменности одной или нескольких точек, помещенных вер-

¹ Силлабическое письмо (от греч. syllabe – слог) – слоговое письмо; вид письма, в котором знак (силлабема) передает звучание последовательностей согласных и гласных фонем или одних гласных (чаще звучание открытых слогов). Чисто силлабические системы письма – так называемый кипрский силлабарий, ряд эфиопских, индийских письменностей, письменности Тибета, Индокитая, Индонезии, искусственно созданные системы письма чероки и т.д. – *Примеч. пер.*

тикально, чтобы отделять фразы (разделительное отточие) и группы слов (соединительное отточие), а также внутри самих слов; с другой стороны, открытие силлаб, наиболее древние из которых восходят к VII веку до н.э.: *ci, ca, cu, ce, zi, za, zu, ze*.

Существует сомнение относительно роли этих силлаб, использовавшихся наряду с алфавитом. Существовало ли у этрусков два типа письменности? Различалось ли их употребление, когда один тип письма предназначался, например, для административных документов, а другой — для религиозных текстов? Некоторые историки задаются вопросом, не несут ли эти силлабы неясного воспоминания о бегстве микенцев в Италию в XIII—XII вв. до н.э.? Возможно, эта форма записи существовала для ритуалов и священных текстов. Возможно, она имела место лишь некоторое время после введения алфавита. Во всяком случае, начиная примерно с 550 года до н.э. алфавитная письменность стала общеупотребительной, вытесняя силлабическую форму письма.

МОРФОЛОГИЯ

Если невозможно разгадать тайну синтаксиса этрусского языка, то в области морфологии имеется хоть какой-то просвет (хотя и недостаточно ясный) — по крайней мере в том, что касается имен существительных, местоимений, прилагательных и частично глаголов.

А). Имена существительные:

— род: трудно узнать, как он образовывался (и образовывался ли), за исключением имен собственных (окончания *-a, -ia, -ia* или *-i*, возможно, указывали на женский род. Например, *lautniθa* вольноотпущенная, женский род от слова *lautni*).

– число: множественное число обозначалось суффиксами: -r, -al, -I, -ar.

Например, *clan* (сын) – *clanar* (сыновья).

– Склонение: окончания в различных случаях указывали на значение слова. Вероятно, существовало семь вариантов склонений в этрусском языке:

именительный падеж: подлежащее;

винительный падеж: неопределенный (если речь идет о некоем предмете), идентичный именительному определенному, который используется для обозначения конкретного предмета;

родительный падеж: самый важный случай; отличаются три значения: притяжательное; частичное (отлагательный падеж в индоевропейских языках); определяющее – эквивалент дательного падежа (*dativus dedicatorius*);

модальный (указывающий) падеж: обозначает все зависящее от обстоятельств (за исключением предложного падежа) – время, причина, цель и т.п.

адлатив (падеж приближения) – указывает объект, на который направлено действие, то есть тот предмет, на котором скажется результат действия;

отлагательный падеж: обозначает точку отсчета;

предложный падеж: часто встречающийся в надписях для указания места.

Можно выделить два типа склонений, одно относящееся к гласным, другое – к согласным, но идентичные, кроме именительного падежа и определенного винительного (иногда и родительного падежа).

Лучше всего можно идентифицировать родительный падеж, в основном с окончанием -l, -al/-la, -ial для имен, заканчивающихся на -i, и имен собственных, заканчивающихся на -s, -θ и -n (например: богиня Уни (*Uni*) – родительный падеж *Unial*), и с окончанием на -s, -es, -us для других имен (*clen* [*clan*: сын] – родительный падеж *clens*).

Кроме того, можно констатировать, что этрусский язык иногда испытывал потребность в удвоении окончания (например, Vel > простой родительный падеж vel(u)s; двойной – velusla) и даже в его утроении, чтобы указать родительный падеж родительного падежа (например, Larθ, larθalsla), три знака родительного падежа – это -al, -s, -la).

Б). Прилагательные:

Выделение некоторого количества суффиксов позволило отличить три класса прилагательных: качества, принадлежности и коллективные, которые склоняются, если они являются эпитетами или выступают как имя существительное (не в качестве определения).

прилагательное качества: суффиксы -с/-χ

zamθi золото, zamθic золотой

прилагательное принадлежности: суффикс

-na > -ne

ais – бог, aisna – божественный

spur – город, spugana – городской

коллективное прилагательное (в латинском языке -osus или -bundus имеющий то или иное качество)

суффиксы -χva /-cva > -va (иногда -ia)

avil год, avilχva – в возрасте (пожилой)

В). Местоимения:

Лучше всего известны личные местоимения и указательные местоимения.

1-е лицо

3-е лицо

личные местоимения: именит. винит. неопр. mi an (он/она)

винит. опр. mini

родит.

enaś

указательные местоимения: са или еса (энклитика в значении определенного артикля -cla) и та или ita

Г). Союзы и частицы

энклитика: -се/ -хе после l, иногда -с (в латыни: que) и

– m но (чтобы отметить противопоставление)

суффиксы владения: -θur (velθur тот, кто принадлежит к vel)

суффиксы -с/-χ для указания на народность (gumaχ римлянин)

Д). Числительные

1: thu (θu) 7: Semph (semφ)

2: zal 8: Cezp

3: ci 9: nurph (nurφ)

4: huth (huθ) 10: Sar

5: mach (maχ) 20: zathrum (zaθrum)

6: Sa

Десятки образуются окончаниями –ialχ или –ealχ

Например: 30: cealχ; 50: maχialχ

Е). Глаголы

Система глаголов кажется очень сложной, и многое в ней нам неизвестно. Мы знаем только:

– первое и третье лицо единственного числа,

– два залога: активный (действительный) и пассивный (страдательный),

– пять наклонений (изъявительное, два повелительных, желательное, причастие настоящего времени/прошедшего времени), несколько времен (настоящее, прошедшее, аорист, будущее...).

Изъявительное наклонение образуется окончанием –а.

Например: am-а он есть ag-а он делает.

Повелительное наклонение образуется корнем слова или добавлением окончания –и (mulu-дарить; mulu-подари)

ЛЕКСИКА

Сложности с пониманием этрусского языка зависят не только от нашего незнания грамматики. Реальную проблему представляет и словарь. Этрусские надписи, особенно погребального характера, обычно содержат одинаковые слова. Часто попадаются имена собственные, например, в бронзовой табличке из Кортонны из 210 слов больше половины приходится на имена собственные. Остальное практически остается непонятным, либо мы можем дать этому лишь приблизительное толкование.

К счастью, мы знаем значение некоторых этрусских слов, которые были заимствованы из греческого или из италийских языков. В качестве примера можно привести слово «вино» (*vinum*). С другой стороны, мы можем понять некоторые этрусские слова, перешедшие потом в латынь; например, слово «atrium» происходит от этрусского «*atŕe*», что обозначает «дом».

История прихода греков, ознаменовавшаяся прибытием из Коринфа в Тарквинии Демарата, нашла отражение и в словаре. В частности, этруски включили в свой лексикон много греческих слов, обозначающих мифологических героев (*Hercle* — Геракл; *Arŕu* — Аполлон). Можно также отметить три слова, очень важных для экономики и искусства: это «оливковое дерево» (*eleiva*), которое в этрусский язык привнесли греки, «бык» (*θevru*, от греческого *tauros*) и «лев» (*leu*, от греческого *leôn*). Появление некоторых слов греческого происхождения в латыни объясняется только их более ранним попаданием в этрусский язык: это, например, слово «*groma*» (измерительный прибор, использовавшийся землемерами), а также слова «якорь», «фонарь» и «триумф».

Что касается слов чисто этрусского происхождения, то сравнение текстов и двуязычных эпитафий (латинско-этрусских) позволило идентифицировать несколько лексических семейств: названия месяцев календаря, числительные, слова из похоронного лексикона:

гробница: *suθl, sacni, θa(v)ra*

саркофаг: *nutnia*

умерший: *nes*

глагол *lur-* (быть мертвым)

слова, обозначающие родственников:

дедушка, бабушка: *rara, ati nasna*

мать: *ati*; жена: *ruia*

сын: *clan*; дочь: *sec / seχ*

брат: *θuva*; племянник: *paracs*

внук: *nefts*; правнук: *prumts, prumaθs*

слова из политического лексикона:

народ (граждане): *meχl*

город: *srig*

титулы магистратов: *lauχ(u)me* (царь?), *zilaθ, maγu, macstrev*

слова из религиозного лексикона:

корень *sac-* обозначает священное

бог: *ais* или *eis*; божественный: *aisna*

гаруспик (предсказатель): *netvis*

глагольные корни *al-, tur-* обозначают «давать», а *mul-* «передавать в дар».

НАДПИСИ

Мы располагаем более чем двенадцатью тысячами этрусских надписей, и постоянно обнаруживаются все новые и новые, однако среди них очень редки те, что включают более двадцати слов. В 1893 году их начали собирать в «Corpus Inscriptionum

Etruscorum», разделенный на три части — Северная и Внутренняя Этрурия, прочая Этрурия и территория фалисков (Нижняя Этрурия). Но это собрание содержит много ошибок, поэтому лучше пользоваться «Testimonia Linguae Etruscae» (Т.Л.Е.), которая содержит избранные надписи, собранные итальянским историком и археологом Массимо Паллоттино.

Надписи в основном сделаны справа налево и бустрофедоном (способ письма, при котором первая строка пишется справа налево, вторая — слева направо, третья — снова справа налево и т.д.). Этруски часто писали, не разделяя отдельные слова. Однако иногда можно встретить тексты, где слова отделены друг от друга одной, двумя, тремя и даже четырьмя точками. Иногда попадаются точки и в середине слов, хотя этому нет никакого грамматического объяснения.

Надписи делятся на пять категорий:

А). Надписи-посвящения: их чаще всего можно найти на вазах, на которых указано имя владельца или дарителя (имя собственное и родительный падеж):

Т.Л.Е. 154: mi Larθα — я [есть] собственность Ларта.

Т.Л.Е. 338: mi mamerces: artesī — я [есть] собственность Мамеркуса Арте

Б). Надписи по обету, адресованные герою или алтарю.

Они включают в себя имя существительное, глагол, прямое дополнение; часто глагол «дарить» (mulu) стоит в прошедшем времени (muluvanise, muluenese, muluvenese), это же относится и к глаголу «давать» (tur turuce):

Т.Л.Е. 35: mini muluvanese Avile Vipiiennas — Авл Вибенна мне подарил

В). Надписи погребального характера на саркофагах и гробницах.

Т.Л.Е. 242: *mi mamarces velθienas* — я (оссуарий) [я принадлежу] Мамеркусу Велтиенасу.

Т.Л.Е. 247: *mi larices telaθuras suθi* — я [я есть] гробница Лариса Телатура.

Г). Надписи на стелах, посвященные какому-то человеку.

Д). Длинные надписи, содержащие больше двадцати слов. Их очень мало. В частности, есть всего восемь надписей, в которых имеется более сорока слов.

Самые длинные из известных надписей:

1. *Liber linteus* (Льняная книга), которая еще носит название «Книга Загребской мумии». Представляет собой книгу, написанную на льняном полотне. Содержит примерно 1200 слов, в том числе 500 разных, и она датируется II веком до н.э.

2. Черепица из Капуи V–IV вв. до н.э. имеет надпись, выполненную на бустрофедоне. Содержит 62 строки, примерно 300 слов, которые можно прочитать.

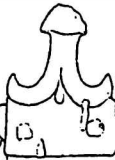
3. Пограничный столб из Перуджи содержит информацию о разделе двух земельных участков и представляет собой контракт между их владельцами. Этот юридический документ II века до н.э. содержит 46 строк и 130 слов.

4. Свинцовая лента V века до н.э., найденная в святилище Минервы, содержит 11 строк и 80 слов, из которых 40 можно прочитать.

5. Свинцовый диск из Мальяно V века до н.э. содержит более 80 слов.

6. Арибал¹ VII века до н.э. содержит 70 слов на архаичном языке.

¹Арибал — характерная форма керамики, представляет собой маленький кувшинчик для масла или духов с шаровидным туловом, узким горлом и единственной ручкой. — *Примеч. пер.*

Handwritten text in a cursive script, organized into two main columns separated by a vertical crease. The text is written in dark ink on aged, slightly yellowed paper. The script is highly stylized and appears to be a form of shorthand or a specific dialect. The columns are approximately 40-50 lines high. There are some faint markings and bleed-through visible on the left side of the page. The overall appearance is that of an old manuscript or a page from a book.

Таблица из Кортонны (сторона А)

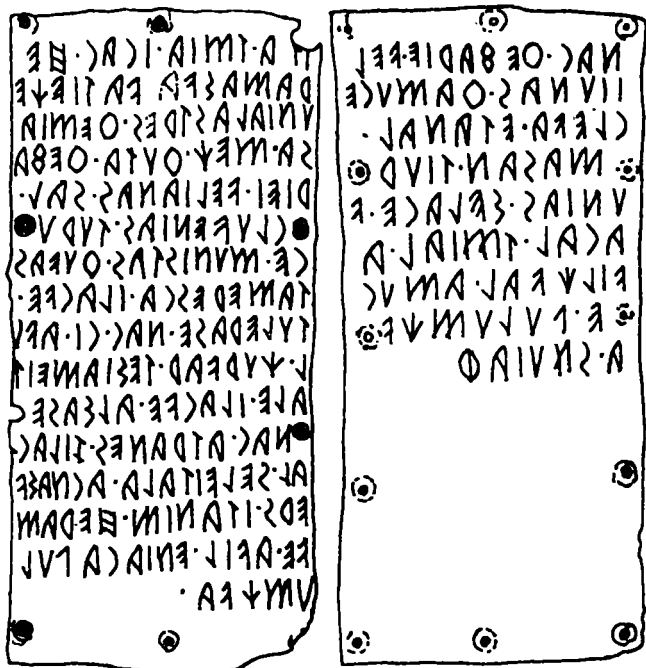
7. Скрижали из Пирги представляют собой два золотых листа, на одном содержится 37 слов, на другом — 15 слов. Они датируются началом V века до н.э.

8. Бронзовая табличка из Кортонны, обнаруженная в 1992 году, но недоступная для широкой публики до 2000 года, имеет надписи, выгравированные с двух сторон: 32 строки с одной и 8 — с другой. Эта табличка датируется III—II вв. до н.э. и является, как и надгробный камень из Перуджи, юридическим документом. В нем идет речь о продаже земельной собственности и содержится три категории имен: продавцов, покупателей и, возможно, гарантов контракта. Это официальный документ размером 28,5 см на 48,5 см, который заверен магистратом города.

ЗОЛОТЫЕ СКРИЖАЛИ ИЗ ПИРГИ

В 1961 году при раскопках этрусского города Пирги были найдены три золотые пластины с надписями на двух языках: одна на пуническом и две на этрусском языке. Это «двуязычие» тут же вызвало в памяти Розеттский камень, которого не хватало для того, чтобы расшифровать этрусский язык. Увы, исследователей ждало разочарование: не только надпись на пуническом языке оказалась не до конца понятной, но и надписи на этрусском языке дословно не соответствовали пуническому тексту.

Эти три пластины имеют десяток отверстий, так как они прикреплялись гвоздями у входа в одно из зданий — вероятно, в храм. Они датируются началом V века до н.э. Благодаря пунической надписи стал примерно понятен общий смысл этрусских надписей. Ученым удалось выяснить, что в этих текстах речь идет о посвящении правителем города Цере даров богине Уни, отождествленной в этой надписи с боги-

Золотые скрижали из Пирги,
на которых нанесены этрусские надписи E1 и E2

ней Астартой. Подстрочный перевод выглядел примерно так: «Это святое место и эти храмовые дары посвящены богине Астарте. Правящий государством Тефарий Велиана, царь города Цере, во время обряда вбивания гвоздя подарил их для этого святилища и храмовой пристройки по божественному определению в третий год своего правления в месяц погребения божества. И пусть статуя богини простоит в храме столько лет, сколько звезд на небе».

Обе этрусские надписи (первая состоит из 16 строк и 37 слов, вторая — из 9 строк и 15 слов) сделаны алфавитом, распространенным в городе

Цере. Последняя строка в первой надписи и последняя строка во второй надписи, будучи много короче, чем другие строки, примыкают к правому краю пластин, совершенно определенно свидетельствуя, что надпись идет справа налево, то от правого края пластины к левому.

В тексте E1 можно распознать следующие слова:

– tmia – что, похоже, указывает на святое место (templum?)

– unialastres: богиня Уни (в родительном падеже), возможно, отождествленная с именем Астарты

– turuce – дала

– ci avil – три года

– zilacal (родительный падеж), указание на магистрат (zilaθ)

Жак Эргон видит в строках 8–13 описание церемонии. Между тем имя царя не стоит в именительном падеже: тогда получается, что он не был тем, кто посвящал памятник богине?

Текст E2 более короткий и немного более ясный.

Имя царя стоит здесь в именительном падеже.

– cleva, похоже, указывает на приношение

– θamuce – сделала

– masan – это название месяца в связи с культом богини Уни (unias)

– vacal в других надписях указывает на приношение или на жертвенный акт

– tmial: храм (в родительном падеже)

– avilχval – происходит от avil (год) и может указывать на ежегодную церемонию

– amuce – была.

Можно понять, что Тефарий фиксирует ритуальные действия (приношения), которые должны быть совершены в храме, и это уточняет их дату. Полная интерпретация текста остается очень приблизительной. Речь идет, тем не менее, о ценном документе,

так как та эпоха не оставила нам другой надписи ритуального характера. Из него следует, что тот, кто назван «царем города Цере» в пуническом тексте, а именно Тефарий Велиана, посвящает храм богине Астарте, отождествляемой с этрусской богиней Уни, в третий год своего «правления» в благодарность за милости, оказанные этой богиней. Но даже очень приблизительно понятая эта информация имеет огромное значение: она символизирует союз с Карфагеном, городом, известным своей любовью ко всему греческому.

На какой основе родился этот союз? Историки не находят согласия в этом вопросе, но мы знаем, что он мог иметь тяжелые последствия с точки зрения антагонизма между греками и жителями Карфагена. Вполне возможно, что этруски из города Цере в войне против липарийцев и Дионисия Сиракузского желали заручиться поддержкой Карфагена, который сам находился в непростых отношениях с сицилийцами. Прием, оказанный пуническому божеству в Пирги, мог, согласно Жаку Эргону, знаменовать совместную победу этрусков и жителей Карфагена над липарийцами, если только (это другая гипотеза, выдвинутая Массимо Паллоттино) гегемонистское присутствие карфагенян на тирренском побережье не закончилось тем, что они поставили своего «царя» в Церах — того самого Тефария Велиану, который и отблагодарил их таким образом.

В любом случае, это был не первый этрусско-пунический союз, и он не должен был длиться долго. Возведение рядом с этим храмом еще одного храма двадцатью годами позже означало возобновление греческого влияния. И был близок час (474 год до н.э.), когда этрусский флот перед лицом греков, без всяких карфагенян, увидит при Кумах, как тонут этрусские «талассократические» надежды.

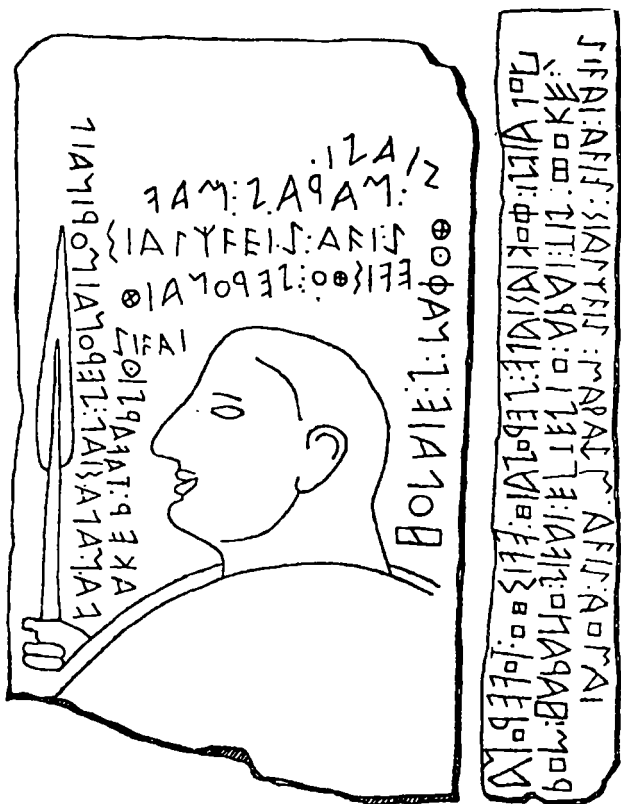
ЛЕМНОССКАЯ СТЕЛА

Лемноская стела — надгробный памятник с надписью на языке, близком к этрусскому, была найдена в 1885 году на острове Лемнос (она была вмурована в стену церкви в Каминье в юго-восточной части острова). Стела представляет собой интереснейшую находку, которая может пролить свет на происхождение этрусков, хотя она ставит больше вопросов, чем дает на них ответов.

На стеле изображен воин, вооруженный копьем, а вокруг него расположены надписи. Стелу относят к VI веку до н.э., при этом верхней границей датировки считается присоединение Лемноса к Афинам Мильтиадом в 510 году до н.э., после чего население острова было эллинизировано. Рядом со стелой была найдена вторая надпись. Итальянская археологическая экспедиция, нашедшая стелу, также обнаружила надписи, сходные с надписями стелы, на фрагментах местной керамики. Эти находки подтвердили, что алфавит стелы происходит от греческого, но язык не является ни греческим, ни индоевропейским. Исследования показали, что язык этот родственен этрусскому: он был распространен на Лемносе с догреческого периода и являлся разговорным.

Обычно на надгробиях содержится следующая информация: имя умершего, данные о его родне (имя отца, деда), его положение в обществе, возраст, иногда обстоятельства смерти, надгробное слово, имя того, кто воздвиг монумент. Несмотря на ряд сложностей, исследователям удалось достаточно ясно увидеть многие из этих элементов, благодаря известному им этрусскому словарю. Рассмотрим в качестве примера начало первой надписи:

holaies: naφθ śiaši: maraś: mav
sialχvei ś: avi ś evisθo: śeronaiθ śivai

Лемноская стела

Стела была воздвигнута в честь некоего Холайи, имя которого можно найти на одном из черепков, найденных в Эфестии (на востоке острова).

naofθ nartī, nefθs по-этруски: внук (nepos по латыни).

marāś mar, maru: обозначает судейское звание

sialχvei cialχ: тридцать

avis avils: годы

śivai ziva (-s): мертвые.

Кроме распространенных слов, можно выявить еще несколько топонимов типа «*phokiasiale*» (вторая надпись), «*phoke*» город Фокея, греческая колония в Малой Азии, в родительном падеже, как в этрусском языке.

Обе надписи дают одно и то же имя: Холайя. Похоже, что речь идет о богатой семье, которая правила в регионе из поколения в поколение. В первом случае, это был внук «*šiaši(?)*», он был «*taḡu*» и умер в возрасте тридцати лет. Второй имел отношение к Фокее. Но разные ли это люди? Вторая надпись могла быть сделана на пятьдесят лет позже первой во время обряда поминовения, что свидетельствует о том, что семья играла (продолжала играть?) важную роль в городе.

Важно то, что эта стела несет доказательство наличия политически организованного тирренского сообщества на острове Лемнос в VI веке до н.э. Исходя из этого, появляются многочисленные гипотезы, которые, впрочем, не находят четкого подтверждения: были ли это те же тирренцы, что и в Тоскане? Если да, то были ли это тосканцы, которые перебрались на остров Лемнос, или лемносцы, которые перебрались жить в Тоскану? Являлся ли Лемнос одним из этапов длительной миграции лидийцев, которые, согласно легенде, отправились с Востока, чтобы добраться и обосноваться в Этрурии? Анализ этих гипотез разделяет лингвистов и историков, так как нет ни одного аргумента, который смог бы подтвердить чью-то правоту.

С лингвистической точки зрения, существующая общность между этрусским языком и языком Лемноса отсылает нас к ситуации, сложившейся в Средиземноморье до появления разговорных языков индоевропейской группы (греческий, итальянские языки). Многие средиземноморские языковые группы, которые первоначально были широко распростра-

нены, в массе своей исчезли, и сохранились лишь изолированными островками — как этрусский или, например, современный баскский языки.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Священные книги составляют наиболее известный раздел этрусской литературы. Большая его часть не дошла до нас, хотя ряд отрывков сохранился в переводах на латинский язык, осуществленных во времена Цицерона. Священные книги образуют также наиболее оригинальную часть этой литературы, так как этрусская религия является единственной открытой для людей среди древних религий того времени, если не считать религии евреев.

Существенная часть этой религиозной литературы представляла собой труды, позволявшие жрецам интерпретировать божественные знаки: это были книги гаданий, книги толкования судьбы, ритуальные книги и т.п.

◆ **Льянная книга, или «Книга Загребской мумии»**

До наших дней дошла одна из этрусских ритуальных книг, содержащая описание обрядов, которые требовалось выполнять в честь богов в специально установленные для этого праздники. Речь идет о так называемой Льянной книге. Подобных книг должно было быть много, но лишь ей одной история позволила оказаться представленной на суд современных ученых.

История этой книги (ее еще называют книгой Загребской мумии) очень интересна. Один офицер венгерской армии, будучи в командировке в Египте,

приблизительно в 1850 году приобрел египетскую мумию. Причины, заставившие его купить мумию, до сих пор неизвестны, но факт остается фактом: мумия была приобретена, привезена в Вену, и вскоре после смерти этого офицера ее унаследовал его брат. Ему мумия была не нужна, и он подарил ее Народному музею в городе Загреб. Позже ученые обнаружили, что мумия завернута в длинные отрезки льняной ткани (примерно 14 метров длиной и 30 см шириной), на которую нанесены надписи. Согласно заключению специалистов, и мумия, и сами ткани были по происхождению, бесспорно, египетские, но надписи были сделаны на этрусском языке. Сама же ткань с надписями первоначально представляла собой один целый документ, впоследствии разрезанный на длинные полоски, которыми была обернута мумия. Текст был разделен на 12 колонок по длине, а те, в свою очередь — на отрезки по 24 строки, состоящие из 4–7 слов. В целом, сохранилось примерно 1200 слов из общего текста, который оценивается примерно в 2500–4000 слов. Как бы то ни было, речь идет о самом длинном этрусском тексте, который дошел до нас. И это единственное, что заслуживает определения «книга», за исключением совсем недавних открытий.

Льняная книга — это ритуальный календарь. Он указывает, какой обряд должен быть совершен, в какой день, в честь какого божества, в каком месте. Иногда в нем приводятся тексты молитв, которые надо было читать при совершении того или иного обряда. Упоминаемые в тексте божества порой легко идентифицируются (Neθuns — Нептун; Tin -Юпитер и т.д.), но иногда они неизвестны и их имена, возможно, обозначают какие-то коллегии богов.

Даты не всегда указаны ясно, особенно названия месяцев. Можно узнать, например, аscale (июнь) или

celi (сентябрь). Указанные числа, похоже, идут в нарастающем порядке: например, для celi

ciem cealχus – 3 вычтено из 30 27

eslem cealχus – 2 вычтено из 30 28

θunem cialχus – 1 вычтено из 30 29

Этруски считали дни, как римляне.

Молитвы, когда представляется возможным их идентифицировать, понимаются довольно хорошо, особенно если можно установить созвучие с теми, что донес до нас Катон. Довольно частые повторения только помогают лучше понять текст.

Возьмем в качестве примера интерпретацию ритуала Нептуна (который лучше всего сохранился), сделанную Хельмутом Риксом.

Молитва начинается с вызова (nunθen – я обращаюсь) божества (в звательном падеже), к имени которого добавлено прилагательное mlaχ (благородный) и местоимение второго лица в винительном падеже:

flere neθunsl un mlaχ nunθen – Божество Нептун, это к тебе, о благородный, я обращаюсь.

Далее может следовать указание на место, где должна приноситься жертва (θαcλvi θartei), но главное состоит в представлении приношений. В молитвах Нептуну можно найти huslne vinum (молодое вино) и fasei (каша из полбы, на латыни – puls) (см. вторая молитва), zusleve zarve (совершенные жертвы) (см. третья молитва), zusleve zarve faseic (совершенные жертвы и каша из полбы) (см. четвертая молитва). Таковы три основных приношения: вино (жидкость), злаки и мясо.

Наконец, каждая молитва включает указание на лица, ответственные за совершение жертвоприношения, и на связанные с этим расходы, хотя интерпретация здесь не всегда ясна.

sacnistres cilθs – от имени братства cilq

spurestres enas – от имени нашего (?) сообщества.

2. VIII f3 - IX s 1

[trin
flere neθunš]l
un mlaχ nunθen
[θaclθi θartei
ciar] huólne vinum
eši [óóce ramue
racuše] fašei-c

šacnicštreš [cilθš
špureštreš enaš
eθ]rše tinši
[tiurim avilš χiš
cióum pute tul
θanó hatec repinec
šacnicleri cilθl
špureri meθlumeric
enaš]

3. IX s 2 - 6

[trin
flere neθunšl
un mlaχ nunθen]

zušleve zarve
ecn zeri lecin
in zec fler θezinc
šacnicštreš cilθš
špureštreš enaš
eθrše tinši
tiurim avilš χiš
cióum pute tul
θanó hatec repinec
šacnicleri cilθl
špureri meθlumeric
enaš

4. IX 7 - 13

trin
flere neθunšl
un mlaχ nunθen

zušleve zarve
fašei-c
ecn zeri lecin
in zec fler θezinc[e
š]acnicštreš cilθš
špureštreš enaš
eθrše tinši
tiurim avilš χiš
cióu put[e] tul
θanó hatec repinec
šacnicleri cilθl
špureri meθlumeric
enaš

Таковы различные составные части первой фразы молитвы.

Вот окончательный перевод, который предлагает Хельмут Рикс: «Божество Нептун, это к тебе, о благородный, я обращаюсь в... (далее, возможно, идет указание места) тремя по три раза подарками в виде молодого вина (которое находится) в sesa, в gami и в gacusa соответственно, а также в виде каши, от имени братства cilθ и от нашего (?) сообщества».

Продолжение текста намного сложнее и непонятнее. В нем, похоже, содержится обещание богам и просьба об их благосклонности. С одной стороны, этот этрусский текст не кажется таким уж таинственным, как иногда хотелось бы думать; с другой стороны, похоже, не было принципиальных разногласий между ритуалами, предписанными в этой книге и ритуалами, совершавшимися латинскими и умбрийскими соседями этрусков. Таким образом, можно кон-

5. IX 18 - 24

nunθenθ
flere neθunsl
un mlaχ nunθen

χίς εόνίσις
faše

ciθum pute tul
θανθ̄ haθec repinec
šacnicleri cilθl
špureri meθlumeric
enaš

sin [...] flere neθunsl
χίς εόνίσις faše

1. VIII 11-16

trin
flere neθunsl
une mlaχ puθs
θaclθ θartei
zivaš fler
θezine
ruze nuzlχne
zati zatlχne
šacnicštreš cilθš
špureštreš enaš
eθrβe tinši
tiurim avilš χίς
hetrn aclχn
aiš cemnaχ

Пять молитв
из ритуала
Нептуна
(Льняная книга)

статировать, что имело место взаимопроникновение религиозного мышления в отношении культовой практики и подходов к тому или иному божеству.

◆ Черепица из Капуи (Т.Л.Е. 2)

Табличка из обожженной глины размером 62×49 см, обнаруженная в Капуе в конце XIX века, не представляет собой, конечно же, книгу вроде *Liber linteus*, хранящуюся в Загребе, но может считаться одним из примеров этрусской религиозной литературы. Ученые ее считают отрывком священного текста, широко распространенного в Этрурии. Надпись на табличке едва различима и состоит из почти трех сотен слов, расположенных в примерно шестьдесят строк. Она датируется первой половиной V века до н.э. Имена упомянутых в надписи божеств позволили установить, что речь идет о религиозном тексте.

Подразделение текста на десять разделов позволяет думать, что это мог быть календарь (вероятно, речь идет о десяти месяцах лунного календаря) с изложением содержания календарных религиозных ритуалов. Возможно, такие таблички жрецы выставляли в храмах для напоминания о церемониях, которые надо было выполнять верующим.

Массимо Паллоттино уже давно признал в предписаниях этого ритуала те же характеристики, что и в Льяняной книге: там упомянуты уважаемые божества, приношения, там есть глаголы, которые обозначают эти приношения, жрецы, которые их предлагают, и места, где они должны быть совершены. Некоторые божества нам известны (Suri, leθamsul, unial, calu, другие угадываются (Seθumsal, patinusnal). Некоторые из них трактуются как божества преисподней (sansul), из чего было заключено, что эти ритуалы могли иметь погребальный характер. Возможно, текст представляет собой выписку из Libri Acheruntici.

Хотя этот документ остается малопонятным, он является, тем не менее, вторым по размерам памятником этрусской письменности. Найденный в Кампанье, далеко от Тосканы, он позволяет также оценить степень этрусского влияния в этом южном регионе.

СВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Многие этрускологи ставят под сомнение существование этрусской светской литературы из-за того, что латинские авторы не оставили нам почти никакого ее следа, в отличие от священных книг. Между тем ряд специалистов, в том числе Массимо Паллоттино и Жак Эргон, утверждают, что подобная оцен-

ка слишком поспешна. Надо отдавать себе отчет в том, что религиозная литература этрусков была оригинальным и ценным вкладом в культуру римлян, с чем у них самих ничто не могло сравниться. Поэтому они стремились знать ее и даже переводить. Со своей стороны, светская литература, вероятно более близкая к литературе римлян, не требовала к себе такого же особого внимания, и поэтому ее знали и переводили более сдержанно.

Очень короткие упоминания все же обнаруживают реальность ее существования. Например, Тарквиний Приск, который перевел на латинский язык «Этрусский трактат о знамениях» (см. Макробиус, «Сатурналии», III, 7, 2), которым вдохновился Virgilий, был также, как утверждает Лактанций, автором книги «Об известных людях» («Введение в божественное учение», I, 10, 2). Варрон цитирует некоторого Вольфия, который якобы писал этрусские трагедии («De Lingua latina», V, 9, 55). Диодор (V, 40) отмечает, что этруски «развивали письменность, науки о природе и теологию»: он ставит письменность на первое место. Мы можем даже предположить, что высшие классы этрусского общества имели некий интеллектуальный престиж, особенно на юге Тосканы, в то время когда Рим только знакомился с литературой. Тит Ливий писал: «У меня есть сколько угодно свидетельств, которые доказывают, что детей римлян тогда принято было обучать этрусской грамоте, так же как теперь — греческой» (IX, 36, 3).

Город Цере, лежавший в 40 километрах к северу от Рима, без сомнения, освещал весь регион, как некий культурный прожектор для золотой римской молодежи. Многие римские семьи (Фабии, Клавдии и др.) находились в контакте с Этрурией. Цере также пользовался репутацией очага эллинизма: город имел свою сокровищницу в Дельфах, и раскопки там

обнаружили очень красивые образцы греческой керамики с черными или красными рисунками. Молодые люди изучали в Цере греческий язык, а высшее этрусское общество, разумеется, владело двумя языками, как позже ими стали владеть римляне в столице. Жак Эргон даже рассудительно предположил, что при том, что этрусский использовался для составления священных книг, большая часть светской литературы писалась, без сомнения, на греческом языке — как это будет потом в Риме (например, Фабий Пиктор). Можно только задать вопрос, почему римляне не упоминают эти труды, написанные на греческом, если они могли легко ими пользоваться?

Среди художественных жанров, имевшихся у этрусов, по крайней мере три оставили следы, которые почти не позволяют сомневаться в их существовании: это — история, поэзия и театр.

◆ История

В последнем веке до н.э. уже цитированные авторы — Тарквиний Приск, Авл Цецина и некоторые из гаруспиков — заставили Варрона читать по-этруски. Тот же Цецина сделал из Таркона (Тарквиния) основателя Мантуи, города, названного так по имени этрусского бога мертвых (Mantus), и двенадцати цизальпинских городов, объединенных в конфедерацию. Конечно, Цецина писал на латинском языке, но невозможно себе представить, что он не опирался при этом на этрусские источники.

Император Клавдий считался тонким знатоком этрусской культуры. В 48 году он произнес знаменитую речь, сохранившуюся на бронзовой пластине, которая позволяет нам познакомиться с легендарной историей этрусского царя Рима Сервия Туллия. Он утверждал, что опирается на знание *auctores*

Tusci (этруских авторов). И без сомнения, он был не единственным среди римских историков, кто опирался на них. Кроме того, Клавдий написал на греческом языке «Историю этрусков» в двадцати томах, все из которых сегодня, увы, потеряны. Там он отмечал, что пользовался семейными архивами своей первой супруги, происходящей из богатой этрусской семьи, члены которой оказали ему бесценную помощь.

В Этрурии, как и в Риме, создание исторических трудов, без сомнения, было основано на семейных архивах, и следы, которые мы смогли обнаружить, делают этрусские книги современниками первых римских хронистов: историография появилась в Италии во II веке до н.э. В Риме Фабий Пиктор создал первый памятник этого жанра литературы на греческом языке. Его семья в течение века была тесно связана с Этрурией: Фабий Максим Руллиан, консул в 322–295 гг. до н.э., был первым, кто проник в центр Этрурии и завязал связи с царями Кьюзи, Ареццо и Перуджи; прозвище «победителя Вольсиний» в 265 году до н.э. у Фабия Максима Гургита явилось транскрипцией этрусского слова *surge*, «отличившийся в Кьюзи»¹.

Семейные традиции, которые имели, как мы знаем, огромное значение в Риме, также высоко чтились и в Этрурии. Многие латинские поэты (Гораций, «Сатиры», I, 6, 1; Авл Персий, «Сатиры», III, 28; Ювеналий, «Сатиры», VIII, 1) подтрунивали над тщеславием, заставлявшим этрусков видеть свое семейное предназначение в составлении генеалогического древа. Сам Меценат, могущественный министр Августа,

¹ По другой версии, прозвище Гургит могло произойти от «проеденного отцовского наследства» (*gurges* — «мот»). — *Примеч. пер.*

крупный вельможа и потомок знаменитого этрусского рода, водружал свое генеалогическое древо в атриуме своего жилища, чтобы все знали о его аристократическом происхождении. Даже после смерти этруск не желал отказываться от свидетельств своих высоких достижений и достижений своих предков. Рисунки, которые украшают гробницы, напоминают о часах славы семьи и заменяют семейные архивы. Такова, например, гробница Франсуа в городе Вульчи.

Примеры заботы представителей богатых семей о том, чтобы сохранить в письменном виде рассказ о своей жизни, во множестве найдены при раскопках в городе Тарквинии. Речь идет об элогиях (названных «Тарквинийскими элогиями»), написанными на латинском языке в последнем веке до н.э. Они напоминают те, что были составлены в Риме для восхваления героев ранних римских легенд, лишь в Тарквиниях Таркон заменил Энея. Но в них упоминаются также и имена реальных персонажей, в основном нам неизвестных, что свидетельствует о том, что богатые этрусские семьи должны были призывать на помощь образованных людей, чтобы отмечать в письменном виде то, что устная традиция могла бы легко стереть из памяти людей. Подозреваем, что элогии могли приукрашивать факты, как это имело место в Риме. Но все же они составляли *exemplum*, на котором базировалось воспитание, и концепция истории могла там найти один из источников вдохновения.

Таким образом, мы видим, как воскресают в памяти фигуры, принесшие славу своему городу, храбрые воины или известные магистраты, чья карьера записывалась в нескольких строках на их саркофагах. Иногда мы встречаем там известную фамилию, как, например, семью Спуринна, один из представи-

телей которой, будучи гаруспиком, предостерегал Юлия Цезаря 1 марта 44 года до н.э. об опасности. Цезарь не послушался его предсказаний, и через некоторое время его судьба подтвердила волшебный талант этруска.

◆ Театр и поэзия

Хотя у нас и нет никаких литературных доказательств существования драматического искусства у этрусков, кроме цитирования Варроном некоего Вольниуса, который якобы писал трагедии во II веке до н.э., нет сомнений, что тосканцы знали и любили театральные постановки. Открытие небольшого театра, выполненного в виде амфитеатра, недалеко от гробницы Тарквиний (он датируется IV веком до н.э.) показывает, что он использовался в религиозных и погребальных целях.

Точно так же открытие в Тарквиниях, Кьюзи и Вольтерре саркофагов, на которых изображены сцены из греческих трагедий и театральные мизансцены, позволяет понять интерес, имевшийся у этрусков к драматическому искусству. Эти саркофаги датируются самое позднее III веком до н.э., то есть тем временем, когда римский театр делал лишь первые шаги, и это не позволяет говорить о каком-то римском влиянии в этой области. Греческое присутствие в Этрурии объясняет происхождение этих сцен, а также транскрипцию греческих имен в этруском языке (Achle для Ахилла, Clutumsta для Клитемнестры, Alechsentre для Александра), и это показывает, что тосканцы были очень схожи с ними и даже адаптировали свой язык к их произношению. Без сомнения, они переводили греческие произведения или сами писали пьесы, в которых действующими лицами были греческие герои.

То, что археологи не нашли остатков этрусских театров, объясняется, по всей видимости, использованием разборных деревянных подмостков, как это одно время делали римляне. Можно допустить, что Вольниус был одним из целого списка драматических поэтов, сюжеты которых нашли отражение на камнях саркофагов, но имена которых нам не известны и не будут известны никогда.

Однако если этот театр находился под влиянием греков, то можно задать вопрос: а существовал ли вообще чисто этрусский театр? Тит Ливий сообщает нам о существовании одной римской традиции, которая была заимствована в Этрурии. Речь идет о том, что во время эпидемии чумы, охватившей Рим в 364 году до н.э., в числе других средств для умиротворения богов римляне стали использовать особые представления, которые можно считать первыми театральными представлениями в городе. Согласно одному латинскому историку (VII, 2, 4), для этого из Этрурии приглашали так называемых «игрецов» (*ludions*) — это слово происходит от слова «игра» (*ludi*). Они должны были танцевать под музыку флейты, но «без каких-либо текстов и жестов, обычно сопровождающих пение». Это свидетельство отсылает нас к танцам и к музыке, которые занимали видное место в жизни этрусков и оставили нам много изображений в гробницах Тарквиний.

Согласно тому же Титу Ливию, римская молодежь (то есть «*iuniores*» в возрасте от семнадцати до сорока шести лет) начала подражать этрусским «игрецам», «бросаясь в развлечения с импровизированными стихами» — фесценниннами. Речь идет о поэзии очень простой, вольной, даже шуточно-бранной, которая рождалась во время народных праздников и которая стала называться по имени этрусского города Фесценниум. Этот этрусский обычай — возмож-

но, имевший религиозный характер — потом лег в основу италийского фарса. Мало-помалу эта практика вошла в привычку и, согласно Титу Ливию, дала актерам-римлянам новую форму выражения. Так появились «гистрионы», так как по-этрусски «игрец» назывался «*ister*». Гистрионами стали называть римских профессиональных актеров. Гистрионы образовали труппы, и тот, кто желал дать народу зрелищ, должен был обращаться к лицу, стоявшему во главе такой труппы, обыкновенно также актеру. Техника гистрионов развивалась, и постепенно сформировался первый драматический жанр — сатира (от латинского слова «*satura*» — смесь, блюдо, приготовленное из разной пищи), где были смешаны пение и пантомима под музыку флейты. Потом появились драмы, комедии и трагедии, а пантомимы во времена империи получили даже большее распространение, чем собственно драматические представления. Можно сказать, что этрусские фесценнины лежали в основе музыкально-танцевальных жанров, в то время как эпические и драматические жанры находились под влиянием греческого театра.

СРЕДСТВА ДЛЯ ПИСЬМА

Материалы, использовавшиеся этрусками для письма, мало отличались от тех, что были обнаружены археологами, например, в римских Помпеях. Двумя основными носителями текстов являлись деревянные таблички, покрытые воском, и льняная ткань. Писали этруски тростниковыми стилосами в первом случае, и птичьим пером — во втором. Краска имела естественное происхождение: обычно это была разведенная сажа или чернила морской каракатицы. Хотя мы и не обладаем никакой точной ин-

формацией, можно думать, что в этой области, как во многих других, римляне заимствовали методы письма у этрусков. Вспомним, что прежде чем обратиться к Греции, благородные римляне посылали своих детей проходить «университеты» в Этрурию, а именно в Цере.

Табличка, обнаруженная в Марсильяна д'Альбенья, датируемая VII веком до н.э., представляет собой образец первого типа носителя за одним исключением — она не деревянная, а из слоновой кости. Она была найдена в одном из погребений и, надпись на ней, будучи выполнена на столь дорогом носителе, по-видимому, имеет религиозный характер. Другие находки показывают нам диптихи, то есть набор из двух табличек, соединенных между собой. Такие таблички использовались этрусскими школьниками.

Этруская цивилизация была цивилизацией письменности, о чем свидетельствуют многочисленные обнаруженные надписи. Употребление глагола писать (*ziχ-*) в конце текста — как на черепице из Капуи или пограничном столбе из Перуджи — возможно, призвано было придать дополнительный вес написанному. Этрусские книги — из которых текст Загребской мумии является наиболее удивительным примером — писались на рулонах ткани. Речь идет о *volumen*, полосе ткани общей длиной около 14 метров, которая должна была наматываться на деревянный цилиндр. Употребление папируса оставалось очень редким из-за слишком высокой его стоимости. А льняные книги были известны также и в Риме начала Республики, еще до употребления папируса, а затем пергамента. Тит Ливий упоминает о таких книгах, на них сохранялись имена магистратов в Риме в V веке до н.э. (IV, 7). Книги, о которых говорит Тит Ливий, походили на маленькие подушки; ткань в них была сложена в несколько слоев в отли-

чие от варианта с Загребской мумией. В Этрурии найдено много образцов таких *volumina*, например, в руках покойников и на их саркофагах, что должно было свидетельствовать об их высоком положении. Таким же образом должны были выглядеть и священные книги этрусской религии.

И все-таки, хотя льняная книга и оказалась единственной этрусской книгой, дошедшей до нас, еще около шестидесяти их было обнаружено в гробницах, расположенных на юго-западе... Болгарии. Их первооткрыватель, житель Македонии, пожелавший сохранить анонимность, подарил их музею в Софии. Речь идет о сборнике из шести листов золотой фольги, связанных между собой на манер блокнота, который датируется примерно 600 годом до н.э. Этот сборник, напоминающий золотые скрижали из Пирги, включает в себя иллюстрации (всадник, сирена, солдаты) и текст, который был идентифицирован экспертами, как этрусский (один эксперт был из музея Софии, другой — из Лондона). Находка эта очень важна, несмотря на свою таинственность и недоказанность достоверности происхождения. Если предположить эту достоверность, то ее действительная связь с этрусками может считаться признанной!

VIII

ИСКУССТВО

Воздух Тосканы, безусловно, питал вдохновение художников. Как иначе объяснить, что на этой земле по ходу тысячелетий родилось столько свидетельств произведений человеческого таланта? Этруское искусство в любом случае не оставляет равнодушными посетителей многочисленных музеев, где выставлены его образцы. Посещение же расписных гробниц в Тарквиниях надолго оставляет след в воспоминаниях путешественников, погружая их в некий особый и доселе невиданный мир.

Произведения этого богатого и разнообразного искусства отражают для нас этрусскую душу. Их высокая техника показывает степень развитости их цивилизации. Они являются свидетелями существования этого вымершего народа, составляют почти единственное послание, дошедшее до нас от людей, язык которых так и остается непонятным. И все-таки следует несколько смягчить энтузиазм несколькими общими замечаниями, которые позволят лучше оценить истинную значимость этих художественных произведений.

Прежде всего, речь здесь идет о погребальном искусстве, то есть о том, что было обнаружено при раскопках гробниц. А это имеет двойное значение: с одной стороны, даже если покойник и был окружен предметами своей повседневной жизни, которые должны были сопровождать его в загробную жизнь,

они составляли лишь часть этой повседневной жизни, остальное же так и остается для нас неизвестным; с другой стороны, эти предметы свидетельствуют только о жизни богатых, которые имели средства для строительства гробниц; следовательно, мы ничего не знаем о жизни более скромных по достатку людей.

Этрусское искусство представляет собой большую сложность. Каждый город, имевший автономию, имел свои сферы искусства, в которых он превосходил других (Тарквинии — живопись; Вульчи — бронза; Кьюзи — каменная скульптура; Вейи и Цере — скульптура из терракоты), и подвергался в различные моменты различным влияниям своих соседей. Поэтому трудно говорить об этрусском искусстве в целом — настолько велики были эти территориальные различия.

Наконец, наличие греко-восточных влияний делает иногда затруднительным выделение чисто этрусских особенностей. Тем не менее, можно в трех словах определить характеристики этого искусства: это живость, спонтанность и свежесть. Искусство ради искусства в древности не существовало. Любое произведение имело магическо-религиозную функцию. Этрусское искусство иррационально, символично и устремлено к божественным силам, которые, как считали этруски, управляют миром. Без сомнения, по этой причине тосканские художники были более чувствительны к искусству Малой Азии, Финикии или Сирии, чем к греческому классицизму. Их искусство было более религиозным и близким к природе. Тосканцы изобрели свой мир, близкий к природе, животным, мечтам... Такое видение мира может быть порой чрезмерным, но именно оно лежит в основе оригинальности этрусского искусства, являясь как бы его подписью, которую можно идентифицировать через столько веков.

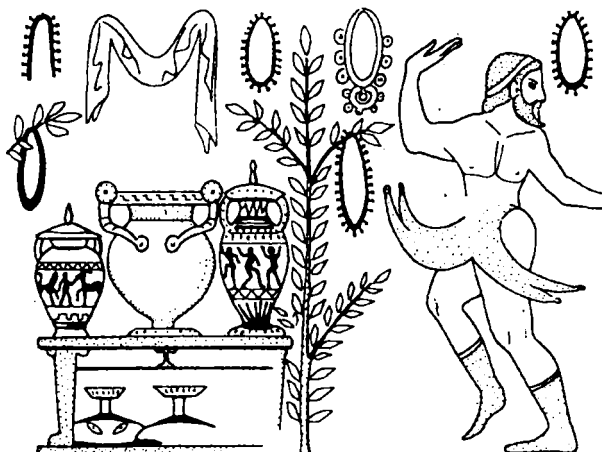
Поэтому не будем говорить о греческих заимствованиях в этрусском искусстве. Литературные и художественные имитации в древности были общим правилом, но имитировать — это не значит копировать, это значит получить источник вдохновения, а затем интерпретировать его в меру собственного таланта. Таким образом передаются каноны искусства. И у Этрурии было свое место в этой цепочке, которая соединяла средиземноморские цивилизации; она была плодотворным звеном в передаче наследия веков.

ЭВОЛЮЦИЯ ИСКУССТВА

Обозрение эволюции этрусского искусства может быть лишь кратким и весьма общим. При этом следует иметь в виду два момента:

— с одной стороны, Этрурия не была единой страной, и ее города не развивались единообразно. Некоторые города имели свои особые формы художественного выражения в ущерб другим, которым отдавалось предпочтение в других местах. В целом очевидно, что приморские города юга в художественной области проявили себя первыми, а города внутренней части Этрурии лишь позже последовали за ними;

с другой стороны, мы уже констатировали, что развитие этрусского искусства связано с прибытием греческих колонистов в середине VIII века до н.э. и с экспансией этрусков в Италии. Контакты с италийскими народами также оказали на него влияние. Этрусское искусство подверглось сильным греческим и восточным воздействиям, и это затрудняет иногда оценку его оригинальности. Впрочем, этрусское искусство, которое развилось раньше, чем ис-

Танцовщик в богато украшенном доме

куство италийских народов, в свою очередь, оказало очень сильное влияние на последних. Эволюция искусства тесно связана с политической ситуацией в городах, с прогрессом их экономики и техники. Она неотделима от исторического контекста.

Виды искусства и их распространение по городам

Вид искусства	Города, специализировавшиеся на нем
Скульптура из камня	Особенно Ветулония и Кьюзи; Вульчи
Скульптура из обожженной глины	По всей Этрурии, особенно на юге: Цере, Вейи
Бронза	Особенно Вульчи; Кьюзи, Цере, Тарквинии, Ветулония
Живопись	Особенно Тарквинии; Вейи, Цере, Вольсинии, Кьюзи
Керамика	Ориентализирующий период: Юг, особенно Цере Архаический период: Вульчи и Кьюзи, затем Цере и Тарквинии Эллинический период: Вольсинии, Вульчи и приморские города

Хронология: эволюция этрусского искусства

Периоды	Влияния	Формы
I. Виллановианский IX век до н.э. — конец VIII/начало VII вв. до н.э.	Местное, затем греческое	Геометрический стиль
II. Ориентализирующий 710–600 (580): а) 710–675 б) 675–600	Сирия (Север) Урарту (Армения) Финикия Греция: Иония, Родос, Пелопонес (Коринф)	Погребальная архитектура Скульптура на камне и из терракоты Погребальная живопись (Вейи, Цере); изображения животных и растений Бронза Слоновая кость
III. Архаический 600–480 (450): а) 600–560 б) 560–500 в) 500–480	(сначала развитие приморских городов, потом внутренних) Родос и Коринф Иония (Эфес, Милет, Фокея) Иония, потом Аттика, Большая Греция Появление греческих художников в Церах, Тарквиниях, Вульчи и Кьюзи	Золотой век этрусского искусства, развитие всех форм художественного выражения: Градостроительство Скульптура на камне (Вульчи) и из терракоты (Вейи, Цере) Бронза (зеркала) (Вульчи) Живопись (Тарквинии, Цере) Керамика

<p>IV. Пост-архаический (классический) 475–300:</p> <p>а) 475–400</p> <p>б) 400–300</p>	<p>(после 474 года до н.э. Этрурия замкнулась в себе, сокращение обменов с Грецией)</p> <p>Афины (все меньше и меньше)</p> <p>Восстановление аттического влияния</p>	<p>Все формы, но постепенный упадок. Этрурия не выглядела затронутой апогеем развития греческого классицизма</p>
<p>V. Эллинический 300 – I век до н.э.</p> <p>а) 300–100</p> <p>б) Романская Этрурия: 100–30</p>	<p>Александрия (центр эллинизма в Азии)</p> <p>Судьба Этрурии соединилась с судьбой Рима, который стал доминировать в Италии</p>	<p>Благополучный период, несмотря на войны (галлы, Ганнибал)</p> <p>Некоторые очаги оригинальности (саркофаги, погребальные урны); ренессанс искусств (архитектура, живопись...), затем полная романизация</p>

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

Современное состояние наших знаний о градостроительстве в Этрурии остается слабым, и надо надеяться, что археологические раскопки позволят поддержать некоторые имеющиеся гипотезы. Традиция сохранила этрусский обряд основания города, согласно которому древние, следуя за Ромулом, прочертили границы будущего Рима, но правила, предписанные «Этрусским учением» (*disciplina etrusca*), редко можно проверить на месте.

Наше незнание в этой области объясняется, по крайней мере, тремя факторами: география наиболее древних городов Этрурии мешала использованию принципов основания городов, сообщенных историками; города, захваченные Римом, часто подверглись большим изменениям (они иногда даже полностью разрушались, а потом восстанавливались заново); этруски использовали камень только для фундаментов, поэтому все постройки к настоящему времени исчезли, оставив лишь читаемый план здания на земле. Только некоторые части сохранившихся некрополей позволяют представить, в самом общем виде, как могли выглядеть улицы между домами. При этом следует помнить, что гробницы имели каменные фасады, а дома были построены из дерева и кирпича. Наилучшим примером такого сохранившегося городского сектора является некрополь Бандитаккия в Черветери (Цере).

Различные этрусские центры являют собой ясные примеры разнообразия существовавших правил градостроительства. Крутые холмы, часто нависающие над реками, давали жителям виллановианского периода чувство безопасности, но не позволяли им

следовать традиционным градостроительным планам в виде шахматной доски. Впрочем, раскопки, проведенные в Розелле, показывают, что эти правила менялись, и это было вполне нормально. С другой стороны, город Марцаботто дает хороший пример соблюдения традиционных принципов. Но здесь речь идет об этрусской колонии, основанной в VI веке до н.э. на почти девственном месте, морфология которого позволяла использовать священные правила. Город был упорядочен по типу шахматной доски, с соблюдением этрусского императива прокладки двух главных улиц в перпендикулярных направлениях (*cardo* и *decumanus*), с акрополем, где был воздвигнут храм охраняющих город божеств. Две главных улицы имели ширину в 15 метров.

Таким образом, стоит представлять этрусские города в целом такими, каким должен был быть Рим в самом его начале — с некоторым градостроительным беспорядком, с более или менее грязными улицами, идущими по холмистой местности, с достаточно ненадежными домами и зданиями. Линия укреплений окружала каждый город; в них имелось несколько ворот (часто больше трех, предусмотренных традицией). Сохранившиеся укрепления в некоторых этрусских городах свидетельствуют о том, что этруски умели решать довольно сложные технические задачи. Например, крепостные стены и земляные валы Тарквиний составляли десять километров! Большое свободное пространство внутри могло быть предназначено как для расширения города, так и для принятия населения окрестных деревень в случае войны.

Силуэт этрусского города, похоже, был низок. Его жители не знали многоэтажных зданий — находки, сделанные в Аквароссе, позволяют составить довольно точное представление об архитектуре жилых домов и ее эволюции. Однако это был очень яркий

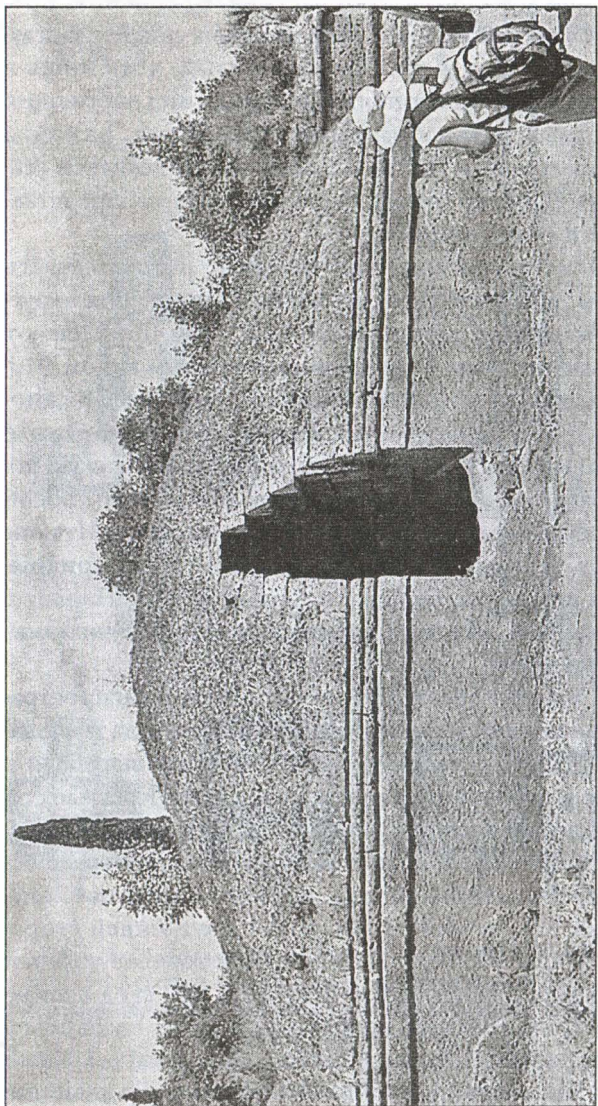
и, без сомнения, блистательно украшенный город. Мы знаем о вкусе этрусков к обожженной глине, раскрашенной яркими красками, которые сверкали на солнце на крышах храмов. Археологи смогли доказать, что эти декоративные детали из терракоты украшали не только общественные здания и храмы, но и жилища горожан. И это очень важно для понимания художественного таланта этрусского народа.

Остается упомянуть последний тип здания общественного характера (возможно, частного или полупри частного): речь идет о царской резиденции. В Мурло археологи обнаружили такое здание квадратной формы (61,25 м x 61,55 м), комнаты которого выходили на центральный двор, окаймленный с трех сторон колоннадой, в который вели два входа. Это монументальное сооружение датируется VII веком до н.э. Первоначально оно было идентифицировано как храм, но позже показалось более вероятным, что речь идет все-таки о дворце.

Мурло не является исключительным случаем. Акваросса также дала нам подобное здание, хотя и иной формы, датированное VI веком до н.э. Ряд построек окаймляет с трех сторон удлиненную прямоугольную площадь. Тут можно обнаружить место для собрания, колоннаду (греческого происхождения) и образцы местной архитектуры. Здания украшены терракотовыми рельефными фризами с изображением воинов со щитами. Не послужило ли это первоосновой для великолепных дворцов вельмож, которые появились много позже в Тоскане?

ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА

От этрусских городов не сохранилось практически ничего — лишь остатки фундаментов, несколько фрагментов укреплений и храмов. Гробницы, напро-

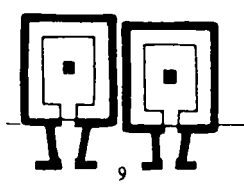
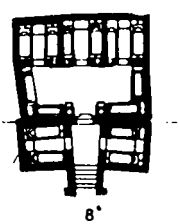
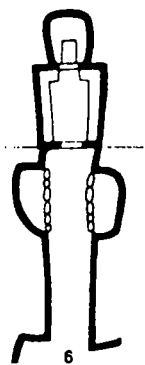
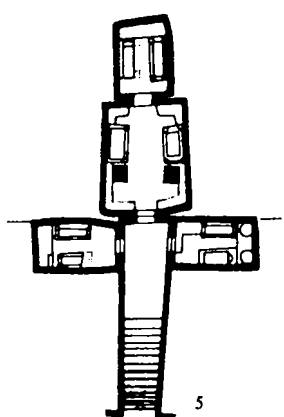
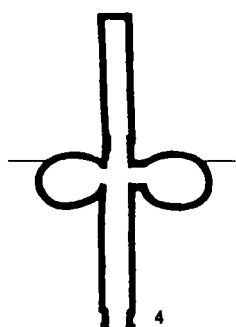
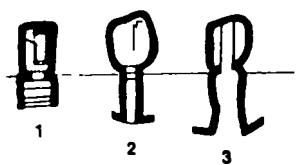
Тумба

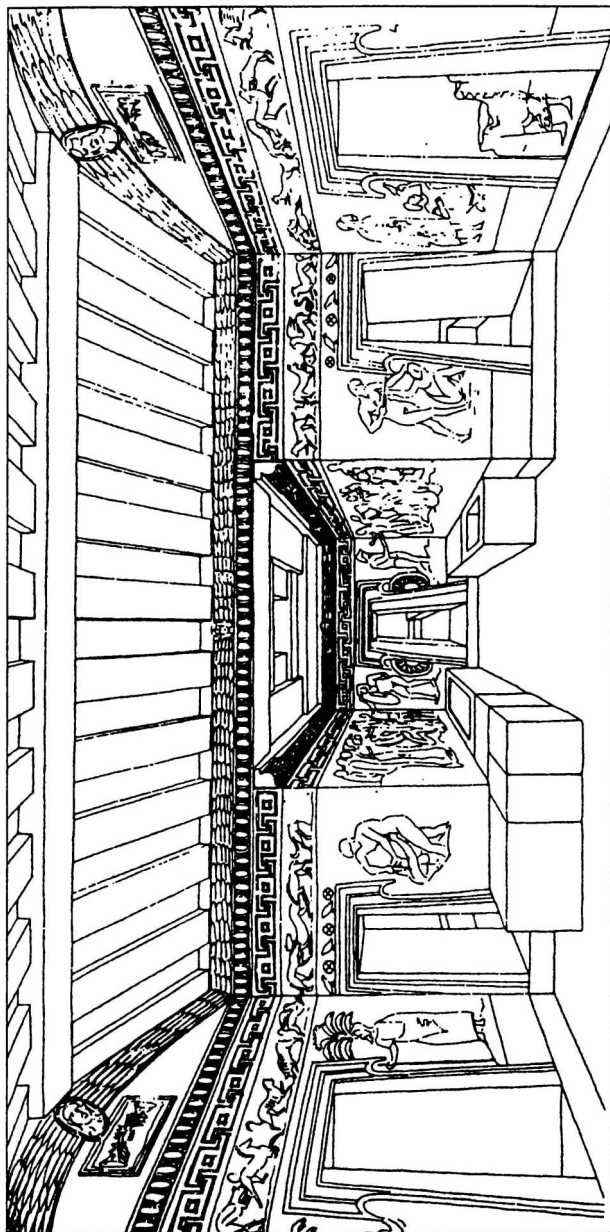
тив, будучи построены из более прочных материалов, чем дома, позволяют частично восполнить пробелы в наших знаниях. Мир мертвых свидетельствует, каким был в ту пору мир живых, хотя лишь в V веке до н.э. некрополи приобрели вид настоящих городов с разнообразными строениями, размеры которых могли достигать нескольких десятков гектаров. Пример города Цере (Черветери) представляется очень ценным.

Осмотр гробниц дает большую разновидность форм, в зависимости от места и эпохи. Для этрусков наиболее типичны склепы. Они привлекают внимание прежде всего своим внешним видом. Могилы этрусков имели различное строение. К самому раннему периоду относятся небольшие шахтовые могилы, на дно которых ставили биконическую погребальную урну с пеплом умершего. Этот способ погребения мертвых был известен на севере Италии еще в доэтрусскую эпоху. Глиняные урны прикрывали крышкой, нередко в форме шлема. Наряду с кремацией, мертвых хоронили в могилах, напоминающих рвы.

В VII веке до н.э. в Этрурии получили распространение могилы в виде круглой комнаты, куда помещали саркофаг с телом умершего. Могилу вырубали в скале или сооружали из каменных плит. Круглые стены склепа сужались к потолку. На ряд каменных плит, пригнанных друг к другу и уложенных по окружности, клали следующий ряд, несколько меньшего диаметра, так, чтобы он выступал с внутренней стороны. Таким образом постепенно создавался ложный свод, естественно менее прочный, чем свод настоящий. Чтобы потолок не обрушился, центр свода обычно подпирали мощным столбом. До этрусков ложный свод знали еще греки, применявшие его в знаменитых микенских могилах, но не им принадлежит честь

Примеры планов гробниц (эволюция в VII-VI вв. до н.э.)
 1-3: гробница с единственной комнатой
 4: с двумя боковыми нишами (гробница Реголини-Галасси)
 5: крестообразный план
 6: ниши могут принимать округлую форму
 7: присоединение нескольких комнат
 8: план дома с прихожей
 9: VI век до н.э., единственная комната становится нормой

Гробница Франсуа (Вульги)

его изобретения — цепочка тянется дальше на Восток. Вероятно, ложный свод свидетельствует о заимствовании древними греческими и этрусскими зодчими строительных методов Востока.

С VII века до н.э. появились новые архитектурные решения в области строительства гробниц в виде круглой комнаты: типичны стали внушительного вида склепы, так называемые тумулы (tumulus), известные еще в Азии и у кельтов. Особенно известны тумулы, расположенные вблизи от города Цере. Строились тумулы так: вокруг большого склепа или нескольких небольших могил сооружали круговой фундамент, который накрывался своеобразной «крышкой»; над ней насыпался куполообразный земляной холм. Тумулы производят величественное впечатление благодаря строгой простоте и большим размерам — самый крупный в Церах имеет в диаметре 48 м, то есть по площади равен небольшому городскому кварталу. Строительство таких могил, разумеется, обходилось недешево. Их внутреннее убранство свидетельствует о том, что возводились они лишь для погребения представителей аристократии.

Тумулы строили до VI века до н.э. Одновременно получило распространение и более простое погребальное сооружение — каменный склеп с дверью, но без верхнего сферического глиняного холма, нередко вырубавшийся в скалистых отрогах гор. Подобные склепы постепенно вытеснили обширные купольные гробницы, но они не стали единственной формой захоронения у этрусков. В последние века до н.э. погребальный обряд упростился. Участились случаи кремации тел, что обходилось дешевле пышного погребения в склепах.

Города мертвых сооружались этрусками столь же добротнo, как и города живых, а может быть, даже еще тщательнее. Жилые дома в этрусских городах

Хронология основных найденных гробниц

Период	Название гробниц (Г. гробница)	Примечания
675 примерно 620	Г. Реголини-Галасси (Цере) Г. Ликтора (Ветулония) Г. Уток (Вейи) Г. Раскрашенных животных (Цере)	
610—590	Г. Раскрашенных львов (Цере) Г. 1—24 (Массильяна)	Золотые изделия из Пренесте Канопы (Кьюзи)
примерно 580	Г. Бритв (Популония) Г. Реголини-Галасси (Цере)	
примерно 570	Г. Кампана (Вейи) Г. Барберини и Бернардини (Пренесте)	[Ваза Франсуа (с черными фигурами)] Антефикс Пьяцца д'Арми (Вейи) Таблички Бокканера и Кампана Гидры из Цер
550—530	Г. Щитов и кресел (Цере) Г. Быков (Тарквинии)	
530—520 520—510	Г. Надписей (Цере) Г. Авгуров (Тарквинии) Г. Олимпийских игр (Тарквинии)	Саркофаги из Цер
510—500	Г. Львиц (Тарквинии) Г. Охоты и рыбной ловли (Тарквинии) Г. Барона (Тарквинии)	
500—490 490—470		Акротеры из терракоты, статуи из Портоначчо (Вейи) Sogorlathe Вулка (Вейи)
	Г. Колесниц (Тарквинии)	
460—450	Г. Обезьяны (Кьюзи) Г. Орфея и Эфридики (Кьюзи) Г. Леопардов (Тарквинии)	Капитолийская волчица Химеры Ареццо
	Г. Триклиния (Тарквинии) Г. Погребального ложа (Тарквинии)	
примерно 400		Терракота Бельведера (Орвьето) Марс из Тоди
340—280	Г. Саркофагов (Цере) Г. Корабля (Тарквинии) Г. Голини (Орвьето) Г. Орка I (Тарквинии)	
280—150	Г. Франсуа (Вульчи) Г. Щитов (Тарквинии) Г. Орка II (Тарквинии)	Голова из бронзы Брута Маленькие урны (Кьюзи) Статуя Оратора
I век	Г. Кампанари (Вульчи)	

чаще всего представляли собой легкие недолговечные здания, а обширные некрополи строились прочно и массивно, на века, чтобы они давали надежный приют тем, кто в них покоится. Этрусские гробницы в окрестностях Цере, Тарквиний, Ветулонии и Популонии — уникальные в своем роде сооружения.

Некрополи располагались неподалеку от городов и представляли собой замкнутый комплекс. Города мертвых были настоящими двойниками и спутниками городов живых. Царские гробницы строились не хаотически одна возле другой — общий план некрополя был продуман, в нем чувствуется та же целеустремленность, что и в планировке городов.

Этрусские кладбища — не только выдающиеся памятники архитектуры. В склепах сохранилась обстановка и утварь, благодаря которым мы можем ближе познакомиться с бытом этрусков и глубже проникнуть в их духовный мир. Оформление мест погребения дает нам ценные свидетельства о богатстве и о значимости покойного; этруская гробница представляет собой нечто вроде дома умершего.

ЖИВОПИСЬ

Из всех видов этрусского искусства наиболее ярким, наиболее впечатляющим и наиболее законченным является живопись. Она очаровывала ценителей еще во времена античности и вызвала восхищение, в частности, Плиния Старшего. Значение этрусских гробниц не исчерпывается техническим совершенством построек и уникальностью обнаруженных в них находок. Многие могилы стали богатым источником сведений о живописи этрусков, одной из наиболее интересных сторон искусства этого народа. Существенная часть этих произведе-

ний, которые сумели дойти до наших дней, украшают стены гробниц, найденных в Тарквиниях. Наиболее богатые из них представляют собой настоящие картинные галереи. Свежесть красок, непосредственность чувств и сегодня волнуют посетителей. Эта живопись выглядит как некая тайна.

Прежде всего, удивляет разнообразие тем. Они аккуратно размещены в пространстве на более или менее незначительной площади, предназначенной для последнего пристанища покойника. Здесь есть и изображения природы, и рыбной ловли, и ребенок, ныряющий в воду с высокой скалы, и рыбы, и радостно резвящиеся дельфины, и борцы, и всадники, порой — мифологические сцены; в них много движения, чувственности (даже эротизма), света, живых цветов. Изменчивый вид и поэтика этого исчезнувшего мира, который, несмотря на неизбежные влияния, отражает менталитет этрусской аристократии, которая буквально кричит о своем жизнелюбии и намеревается наслаждаться и в потусторонней жизни. Это неистовство, от которого трепещут стены гробниц, объясняет заботу о том, чтобы покрыть рисунками каждый квадратный сантиметр свободной площади: этруски испытывали ужас от пустоты и от каких-либо неприятностей. Их видение жизни отличалось оптимизмом, простотой и порой даже наивностью, но при этом каждая картина кажется выхваченной из жизни, словно застывшее счастье. Художники эпохи Ренессанса унаследуют у них именно это.

История этрусской живописи началась в VI веке до н.э. Можно считать, что она появилась в Вейях в VII веке до н.э., затем в 580 году до н.э. (гробница Кампана), но главным образом — в Цере, начиная с 550 года до н.э., когда она окончательно обретает свою силу и оригинальность. Фрески гробницы

Кампана, находящейся в окрестностях древнего города Вейи, бесспорно, свидетельствуют о зарождении этрусской настенной живописи. Здесь видно, что художнику еще было трудно изобразить движение и равномерно распределить детали фрески по всей площади, соблюдая между ними пропорцию. Эти фрески производят впечатление архаичности и скованности. Но в великолепных фресках Тарквиний (ок. 540 г. до н.э.) художники уже дают полную свободу своим творческим способностям. Их палитра расширяется, а изобретательность соединяется с простотой и эффективностью изображения.

Пристрастие к фантастическим образам продолжало утверждаться: гробница Быков (530 год до н.э.) покрыта росписями, сюжет которых взят из греческого эпоса, из сказаний о Троянской войне. Ахилл, в шлеме, подобный атлетам в греческом архаическом искусстве, подстерегает молодого троянского героя Троила, сына царя Приама, ведущего своего коня к водопою. Ахилл готов его убить. Гомер рассказывает, что Аполлон, рассердившись из-за этого убийства, решил тотчас же поразить Ахилла. Сюжет этот хорошо известен по греческим вазам (появившимся позже), но здесь изображение более динамично и более символично. Художник выхватил момент, когда Ахилл только готовится к тому, чтобы выполнить это свое фатальное действие. Солнце, которое садится за лошадью Троила, указывает не только на то, что действие происходит вечером, в час, в котором, согласно легендам, имело место это убийство, но и символизирует смерть, которая угрожает молодому человеку. Между тем пальма, дерево Аполлона, находящаяся в центре изображения, высится, как предсказание судьбы, которая ожидает Ахилла в наказание за его

Фрагмент изображения из гробницы Быхов. Тарквинии

поступок. Также символическими являются и цвета (красный цвет преобладает). Рисунок этой фрески еще не совершенен. Могучий конь, например, слишком велик по сравнению с фигурами Троила и Ахилла. Стремление заполнить пустые места ведет к перенасыщению фрески второстепенными деталями. Но при этом весь комплекс фресок гробницы Быков вызывает мысли о роковой неотвратимости судьбы и внезапности смерти. Она настигает человека в тот момент, когда он ее меньше всего ждет. Однако, погибнув в бою, герои покрывают себя славой, благодаря которой продолжают жить и после смерти.

После 500 года до н.э. под влиянием строгого стиля (который достиг своего наиболее яркого выражения в Афины) этрусский рисунок начал меняться. Он совершенствовался, становился менее наивным. Стала появляться пышность деталей, различные оттенки цветов, вставшие на службу роскошной композиции. Сюжеты также изменились: появились сцены пышных похорон со спортивными состязаниями (гробница Авгуров, гробница Олимпийских игр), сцены пиршеств и танцев (гробница Леопардов и др.). Греческая живопись того времени, бесспорно, оказала влияние и на художественную выразительность этрусских фресок. Порой даже трудно определить место происхождения некоторых художников: были они этрусками или греками? При этом живопись все еще сохраняет известную простоту, придающую ей одновременно жизненность и утонченность. Сюжеты настенной росписи в гробницах не ограничиваются поминальными трапезами и сценами танцев — фрески гробницы Авгуров и гробницы Охоты и рыбной ловли воспроизводят другие стороны жизни этрусков. Над идиллической сценой рыбной ловли художник изобразил помин-

ки. Супружескую чету окружает прислуга. Музыканты услаждают слух пирующих, раб черпает для них вино из большой амфоры. Росписи гробницы Охоты и рыбной ловли озарены заходящим солнцем. Так и кажется, что с фрески доносится шум воды или птичьих крыльев.

Начиная с IV века до н.э. стиль фресок вновь изменился, и на стенах гробниц встречаются изображения совсем иного рода, более характерные для периода упадка могущества этрусков. Идиллическое видение загробного мира постепенно уступило место мрачным представлениям о демонических силах, господствующих над судьбой человека, который после смерти становится беспомощной игрушкой в их руках. Изменился и характер традиционного сюжета — поминальной трапезы. Меланхоличен стал образ пирующих, они как бы замкнулись в себе. Во фресках стало меньше жизнерадостности, которая раньше роднила мертвых с живыми.

В настенной живописи гробниц отражается сущность философии этрусков, на которую сильное влияние оказал весь ход развития их истории. Первоначальное представление о том, что радость жизни не кончается с наступлением смерти, сменилось прямо противоположным убеждением и примирением с этим печальным фактом. Покорность судьбе — такова идея поздней этрусской фрески в одной из гробниц в Вульчи, названной гробницей Франсуа. Эта гробница принадлежала семейству Вел Сатиса. Тема смерти трактуется здесь, как и в тарквинийской гробнице Быков, в связи с троянским мифологическим циклом. Предлагается параллель между двумя историческими эпизодами: этруски (греки) победили римлян (троянцев). В центре фрески изображен Ахилл, убивающий пленного врага и приносящий его в жертву душе своего дру-

га Патрокла, убитого троянцами. За действиями Ахилла следят Харон и демон Лаза. Ни тот, ни другой не останавливают Ахилла, хотя взгляд Харона выражает сочувствие несчастному, обреченному на смерть. Ведь неумолимой судьбы не избежать: остается жить лишь тот, кому суждено жить, а тот, кому предначертано умереть, неизбежно умрет. При этом подразумевается, что настоящий герой — это Вел Сатис, человек IV века до н.э., новый Ахилл. Герой может спать спокойно: Риму суждено пасть, ибо этого хотят боги.

Живопись перестала быть просто элементом декорации. Этрусские художники, украшавшие стены гробниц, умели передавать свои замыслы с особым лаконизмом и простотой. Наше восхищение их ярким мастерством увеличивается при мысли, что они вынуждены были творить в полутьме гробниц. Большинству этрусских живописцев присуще умение изображать героев в движении или за мгновение до его начала. Однако люди на фресках безмолвствуют, и это их гордое молчание лишь усиливает впечатление монументальности.

В желании отобразить динамику движения этрусские художники делили одно событие на несколько картин, сюжетно связанных между собой. Так возник своеобразный стиль последовательного живописного рассказа. Этот стиль — вклад этрусков в развитие творческого художественного метода.

◆ Изобразительные средства

Существовало несколько техник, которые могли варьироваться в зависимости от эпохи и навыков художника. В целом, в древние времена стена, на которой собирались сделать рисунок, покрывалась слоем глиняной штукатурки, а потом мастикой

на базе известкового молока. Последняя, еще свежая, имела то преимущество, что могла фиксировать краски, изготовленные из природных компонентов, разведенных в воде (белый цвет — известка; красный цвет — оксид железа; синий цвет — лазурит; желтый цвет — охра; черный цвет — уголь и т.д.). Такая техника требовала от художника очень быстрой работы.

Чтобы ориентироваться, художник должен был предварительно набросать фигуры на штукатурке. Примерно до 470 года до н.э. рисунок оставался простым, а краски распределялись внутри намеченных контуров. Персонажи изображались в профиль, а их торсы — в анфас. С конца V века до н.э. этрусская живопись сделала большой прогресс под влиянием греческой живописи. Работа стала более кропотливой. Мало-помалу начала появляться перспектива, плавные переходы от света к тени. Персонажи стали изображаться повернутыми в три четверти.

Имен этрусских художников мы почти не знаем. Плиний рассказывает о прибытии в Этрурию греческих учителей. Возможно, именно ими были основаны школы, в которых прошло обучение очень много художников. До нас дошла подпись некоего Аранта, раба Геркнаса, но мы не знаем, много ли рабов было в числе художников. Это была эпоха (V век до н.э.), когда, как утверждает Плиний, в Рим прибыли Дамофил и Горгас, которые в 493 году до н.э. работали над созданием храма Цереры и, по видимому, являлись выходцами из Таренто. Очевидно, что не один и не два художника из Великой Греции или Сицилии обосновались в Этрурии, чтобы обучать там молодежь своему искусству. Но в Этрурии, в отличие от Греции, художники не подписывали свои работы.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ БРОНЗЫ

Те, кто знаком с этрусскими изделиями из бронзы, в первую очередь назовут Капитолийскую волчицу — символ Рима, Химеру из Ареццо или большую статую Оратора, которая символизирует достоинство римского нотабля республиканской эпохи. Однако это и есть почти все дошедшие до нас крупные этрусские изделия из бронзы. Между тем производство бронзы было обильно и весьма разнообразно, начиная с вооружения и воинского снаряжения (шлемы, щиты, мечи, кинжалы) и кончая украшениями, предметами домашнего обихода (лампы, канделябры, жаровни, вазы, курительницы для благовоний, ручки и прочие детали мебели) и посудой (котлы, сита, воронки). Изготавливалось также бесчисленное количество маленьких бронзовых статуэток, удивительных зеркал с тонкой чеканкой. Коротко говоря, репертуар изделий из бронзы удивлял своим разнообразием и качеством. Эти изделия различались в зависимости от эпохи и места, откуда они происходили. Виллановианский период (до VIII века до н.э.) дает только предметы утилитарного назначения. Начало ориентализирующей эпохи (до начала VII века до н.э.) отличается от него несильно: изделия этого времени характеризуются некоторой грубоватостью, особенно в деталях. Пришлось ждать периода греческого влияния (VI век до н.э.), чтобы этрусское бронзовое производство достигло своего расцвета. Статуэтки, изготовленные в Вольтерре, Ареццо и Кьюзи, показывают присутствие греческих черт; главным образом, в них заметно следование ионическим канонам. Вторая половина VI века до н.э. и начало V века до н.э. — золотой век этрусской бронзы. К количеству изделий добавилось их качество, которое порой признавалось более высо-

ким, чем у греческих изделий; ионическое влияние, а затем и влияние Афин стало преобладать. Продукция этрусских мастеров экспортировалась не только в страны Средиземноморья (например, в Испанию или на Кипр), но и в Англию, Данию и даже Польшу.

С географической точки зрения различались четыре стилистических зоны:

1. Южная Этрурия (и Лаций), вокруг городов Цере и Вейи. В Цере изготавливалась чеканная бронза (например, декоративные пластины вроде тех, что украшали колесницы) и некоторые виды литой бронзы (например, метатель копья из Цере). Из города Вейи, где работали знаменитые мастера вроде Вулки, происходит самая знаменитая этруская бронзовая скульптура — Капитолийская волчица, которая одновременно является и наиболее древней из тех, что дошли до нас (примерно 470—450 гг. до н.э.).

2. Район города Вульчи и, вероятно, Тарквиний. Помимо изделий из бронзы религиозного назначения, отсюда происходят многочисленные произведения с характерной гармонией стиля и орнаментами с растительными (лотос, листья дуба) и зооморфными мотивами — канделябры, курительницы для благовоний, треножники и т.д.

3. Район города Кьюзи, который не производил каких-то особенных изделий, но стиль которого легко узнать по виду и использованной технике. В целом произведения здесь были не столь выразительны.

4. Северная Этрурия и Северо-Запад — с обильной и весьма разнообразной продукцией, но без особенного устоявшегося стиля. Качество изделий, выходявших из мастерской Бролио, в эту эпоху снизилось.

Начиная с 470 года до н.э. бурные исторические события и экономический кризис, который за этим последовал, заставили художников немного отступить и ограничить производство. Следующий век отметил возвращение к канонам классической традиции, традиции V века до н.э. — традиции Поликлета и Фидия. Об этом свидетельствует множество маленьких изделий из бронзы: например, атлеты и воины. У последних еще есть шлемы, защитная кираса и копье, но они уже представляют собой другой вариант равновесия, более гибкий, с опорой на одну ногу. Некоторые изделия особенно значительны: Марс из Тоди имеет высоту 1,35 м, а очень красивая голова молодого человека, обнаруженная недалеко от Песаро, говорит о том, что вся статуя могла иметь приблизительно 1 м в высоту.

В следующие века (III—I вв. до н.э.) уже с большой натяжкой можно говорить об этрусском искусстве. Этрурия стала романской. Эллинистическая эпоха еще продолжала напоминать о себе многочисленными изделиями (украшения для мебели, религиозные статуэтки), но их качество становилось все более и более посредственным. Однако некоторые произведения все же привлекают внимание силой своего исполнения, как, например, прекрасная голова Брута с пронизывающим взглядом (без сомнения, III век до н.э.) или замечательная статуя Оратора, найденная около Перуджи. Конечно, эти произведения являются этрусскими, но они уже принадлежат к школе римского веризма¹, наиболее яркие образцы которого появились в конце II века — начале I века до н.э.

¹Веризм (итал. *verisimo*, от *vero* — истинный, правдивый) — течение в итальянском искусстве. Ведущий тезис эстетики веризма — показать «жизнь, как она есть». — *Примеч. пер.*

◆ Различные техники

Для изготовления бронзы необходимы медь и олово. Этруски на своей территории обладали и тем, и другим, но представляется, что они импортировали медь и олово, в частности, из Испании.

В работе с бронзой использовались техники проката и литья. Первая техника позволяла делать из листового металла посуду, оружие или декоративные элементы, предназначенные для украшения мебели. Что касается литья, то оно имело два варианта: полное литье и полое литье. В первом случае заливалась вся емкость формы, сделанной из обожженной глины. Учитывая стоимость и вес таких изделий, художники предпочитали второй вид техники для производства крупных изделий. В этом случае они наполняли форму изнутри твердой глиной, и расплавленная бронза втекала лишь между этой литейной «шишкой» и стенками формы. Впрочем, большие статуи были выплавлены из отдельных частей (например, из шести у Марса из Тоди и семи у Оратора), и некоторые детали (руки, ноги) могли быть полностью литыми. Оставалось только собрать эти части, что не составляло больших затруднений, так как этрусские художники умели это делать.

◆ Зеркала

Среди бронзовых предметов этрусского искусства многочисленную группу составляют зеркала, украшенные гравированными изображениями. Как и цисты (металлические сосуды), они занимали особое место в этруском мире. Конечно, зеркала были предметами женского обихода, но они при этом являются и удивительными свидетельствами обо всей этрусской цивилизации.

Зеркала. Бронза, IV век до н.э.

Этрусское зеркало — это диск из бронзы. Ручки обычно тоже делались из металла, но могли быть и из кости или слоновой кости. Вес зеркала мог составлять от сотни граммов до одного килограмма! На тыльной стороне зеркал были воспроизведены сюжеты из мифологии, нередко встречались и сцены из повседневной жизни. Они изобилуют дета-

лями, значительно обогащающими наши познания о жизни этрусков. На многих зеркалах удалось обнаружить надписи, поясняющие смысл того или иного рисунка.

Особый интерес представляет техника изображения отдельных сцен. Ограниченная площадь зеркала, его стереотипная круглая форма, сам способ работы — гравировка по металлу — определяли его отличие от настенных фресок. Нетрудно, однако, заметить и сходство между ними — например, наличие в обоих случаях наряду с тщательно выписанными деталями откровенно схематических набросков. Круглая форма зеркала вынуждала художников к рациональному ее использованию. Им приходилось изображать фигуры склоненными или сидящими, помещая стоящих в середину зеркала, или же уменьшать фигуры по бокам. Края зеркал украшались стилизованным орнаментом из переплетения цветов, веток и т.д.

Художник не имел права на ошибку: он никак не мог исправить неверно нанесенный штрих. Но, возможно, не он один был ответственен за работу. Он лишь воспроизводил модель, которая была приготовлена заранее. Таким образом, возможно, существовал рисовальщик, который готовил сюжет, выполняя рисунок на деревянной или терракотовой плитке. Возможно, он же приспособлял сцену для выбранного формата зеркала. В любом случае, мы можем предположить, что несколько человек, сменяя друг друга, создавали эти маленькие шедевры точности и тонкости.

Составить хронологию эволюции зеркального производства сложно. При этом мы можем утверждать, что IV век до н.э. был золотым веком зеркал. В следующем веке производство тоже было крупным, но более серийным; изображения выглядят

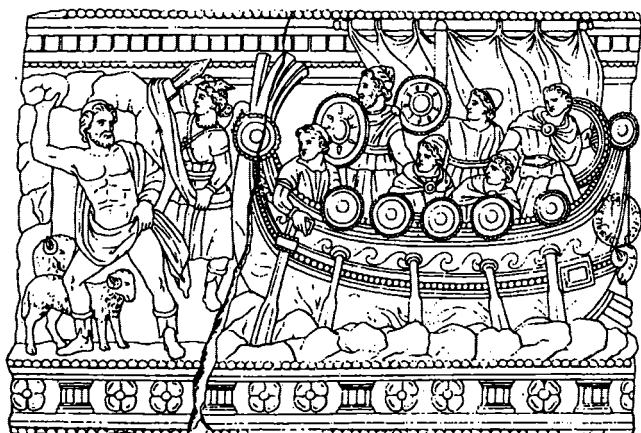
перегруженными (пять, шесть персонажей), и вся композиция утратила элегантность. Надо, однако, отметить привлекательность зеркал из Пренесте. Хотя они и отражали латинское мышление, но техника у них была этрусской. Действительно, Этрурия тогда уже была романской, но юмор и дух свободолюбия, исходящий от этих зеркал, конечно же, были заимствованы у этрусков.

КАМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА

Древние считали этрусков великими скульпторами; об этом, в частности, свидетельствует Плиний. В целом так и было, и тосканцы оставили нам тому доказательства, в основном из бронзы и терракоты. Возможно, они также вырезали скульптуры из дерева, как греки до них и римляне после них, но время нам не оставило об этом никаких следов.

Познания этрусков и их технологии были более интересными в том, что касается бронзы и глины, тогда как скульптура из камня выглядит менее убедительной и менее совершенной. Греки дали нам в этой области более законченные произведения. Разница может объясняться этрусской концепцией скульптуры из камня: она имела, главным образом, погребальный характер. В результате художники никогда не использовали материалы, трудные для обработки, вроде мрамора. Они предпочитали туф и песчаник. Как видим, они выбирали материал мягче, легче поддававшийся обработке. С другой стороны, в отличие от греков, их искусство оставалось подчиненным религиозному предназначению.

Таким образом, следует отличать направление каждого типа скульптуры: из камня (и, возможно, из терракоты) — погребальное (статуи, урны и т.д.), из

*Каменная урна, представляющая сцену из Одиссеи.
Полуколонна из Фьезоле (конец VI века до н.э.)*

терракоты — религиозное (храмы) и аристократическое (дворцы), из бронзы — утилитарное домашнее и утилитарное религиозное (как показывают предметы, найденные в гробницах). Остается неизвестным, из какого материала изготавливались скульптуры общественного характера. Известно, например, что римляне увезли с собой почти две тысячи статуй после захвата Вольсиний. Можно предположить, что некоторые были бронзовыми, но ничто не позволяет утверждать это наверняка.

Каменные скульптуры появились в VII веке до н.э. с появлением гробниц в виде комнат. Эти скульптуры выполняли не только декоративную функцию: они должны были обеспечивать защиту покойного от демонов. Обычно они изображали животных и мифологических существ: львов (с крыльями или без), сфинксов, кентавров. Человеческих изображений было мало, при этом человек редко изображался во весь рост; этрусские художники предпочитали

Саркофаг со скульптурным изображением мужа и жены на супружеском ложе. IV в. до н.э.

полустатуи и бюсты. Вульчи, а затем Кьюзи стали основными центрами производства.

Другой формой каменной скульптуры, развившейся в VI веке до н.э., стало рельефное искусство. Оно практиковалось на четырех типах оснований: на надгробных стелах, на плитах, на погребальных урнах и на полуколоннах.

И в этом случае художественное творчество, как видим, было неразрывно связано с погребальными обрядами: барельефы чаще всего украшали урны и саркофаги, а на плитах, закрывающих саркофаги, и на крышках урн возлежали фигуры мужчин, женщин и даже супружеские пары. Эти произведения часто называют вершиной портретного искусства этрусков.

ТЕРРАКОТА

Работа с глиной очень рано стала одним из видов искусства, в котором этруски показали себя совершенными мастерами. Конечно, тут в первую очередь вспоминаются разноцветные статуи, стоявшие на крышах этрусских храмов, или выразительные головы эллинистической эпохи, которые открыли Риму путь в столь же специфическое искусство портрета. Хотя терракотовая пластика и касается главным образом оформления храмов, она присутствует и в погребальном искусстве этрусков (урны, саркофаги). Последнее появляется уже в виллановианскую эпоху.

Виллановианцы очень рано начали заботиться о персонализации погребальных урн покойников, отмечая их общественное положение особыми предметами: военным шлемом для воинов, посудой для женщин и т.д. Затем стали изображать самого покойного: крышка урны стала напоминать форму голо-

вы, а ваза — тело. Мы находим следы этой эволюции в Тарквиниях и Вульчи с конца VIII века до н.э. Но после появления новых форм захоронения эта практика не развивалась. В Кьюзи между тем продолжали сжигать мертвых до VI века до н.э. и заключать их прах в вазы, названные «канопами» (ввиду их сходства с египетскими вазами того же названия). Это овальные урны, стилизованные под человеческое тело, с ручками в виде человеческих рук, закрывавшиеся крышками, с изображением головы умершего. При изготовлении крышек проявилось умение этрусков передать портретное сходство.

Позже — и безотносительно к канопам Кьюзи — художники стали производить погребальные урны-цинерарии в Церах, Вейях или Мурло. Они развились до изделий очень больших размеров, производящих сильное впечатление тонкостью своей работы и выразительностью. Характерным примером тому являются так называемые «саркофаги Супругов». Один из них находится сейчас в Лувре, а другой — в Риме. Эти саркофаги, почти идентичные, изображают возлежащих на ложе мужчину и женщину с длинными локонами, широко раскрытыми глазами и радостными «архаическими» улыбками. Одной рукой мужчина обнимает прислонившуюся к нему жену. Они оживленно беседуют, устремив взоры на невидимого зрителя. Такие саркофаги, возможно, служили хранилищем для пепла.

В эллинистическую эпоху оформление погребальных урн стало тяжелее, перегруженнее, иногда грубее. С другой стороны, этот период дал нам несколько прекрасных образцов, в которых искусство портрета достигло своей полной зрелости. Нам известны замечательные головы из Тарквиний и Цере, показывающие прекрасное владение цветом, что придает этим лицам особую выразительность; в них

каждая морщинка говорит о заботе художников о максимальной достоверности.

Большой интерес представляют также образцы этрусской храмовой скульптуры: антефиксы и акротерии. Фантастические глиняные маски с изображением медузы-горгоны широко применялись в качестве антефиксов (украшений из обожженной глины, прикрывавших концы балок по краям кровли). Отметим, что храмовая скульптура у этрусков была преимущественно терракотовой, а не каменной или бронзовой, ибо последние были слишком тяжелы для сырцовых стен и деревянных перекрытий. Она играла роль декора — узорными терракотовыми фризами покрывались поверхности балок — и выполняла задачи культа статуями божеств и мифологическими фигурами и сюжетными сценами на антефиксах и рельефах. Наиболее интересные образцы храмовой скульптуры, найденные в Тарквиниях и Вейях, приходятся на время расцвета этрусского зодчества (конец VI — начало V вв. до н.э.). Акротерии поражают своим размерами. Следует отметить скульптурную группу из храма Портоначчо в Вейи: она представляет борьбу Аполлона и Геркулеса за лань. От всей сцены остались лишь обломки, но ученым удалось реконструировать ее. Статую Аполлона, к счастью, время почти не тронуло. В ней мы можем наблюдать черты, типичные для этрусской скульптуры конца VI века до н.э.: характерное выражение лица, реалистическое отображение пропорций тела, легкость, с которой передано движение. Широкий шаг, подавшееся вперед туловище и решительно устремленный перед собой взгляд исполнены большой эмоциональной силы, выраженной движением огромной фигуры, напряженными чертами лица. Широкие складки одежды Аполлона ниспадают почти парал-

лельно. Поверхность глины покрыта слоем сохранившейся красной краски.

С глиной было легко работать, она была дешевая и легкая, что прекрасно сочеталось со вкусами этрусков. Помимо статуй, мастерские производили фигурные пластины, которые использовались для декорирования стен храмов и дворцов. На них были изображены животные, гонки колесниц, процессии, пиры. Тускания (территория Тарквиний), Вейи, Цере и Мурло были основными центрами производства терракоты в VI и V вв. до н.э.

Таким образом, терракота (обожженная глина) стала составной частью повседневной жизни этрусков. Декоративные пластины, плоские или полуцилиндрические черепицы, гримасничающие маски-антефиксы, яркие акротерии и т.д. создавали особый мир красок и света, который приближал этрусков к богам, укрывая недолговременные стены покрывалом вечности.

КЕРАМИКА

История этрусской керамики знала три кульминационных момента, которые следуют друг за другом в хронологическом порядке и отображают эволюцию этрусского искусства. Эти три момента могут определиться следующим образом: керамика «импасто», керамика «буккери» и керамика коринфского, ионического, а затем аттического стиля.

Керамика «импасто» соответствовала традиционной работе с глиной, вначале ручной, затем на гончарном круге. Речь идет о типичной продукции виллановианской эпохи. Ее формы менялись, и греческое влияние здесь почувствовалось очень рано, за исключением повседневной посуды. Гончары вос-

производили греческие амфоры и гидрии, которые в обилии привозили торговцы.

В вазах «буккеро» проявилась творческая самобытность этрусков. Эта оригинальная техника пользовалась известностью во всех странах Средиземноморья. Амфоры, чаши и другая посуда подвергались обжигу так, что глина приобретала черный цвет («буккеро» по-итальянски значит «черная земля»). Существовало несколько разновидностей «буккеро»: «буккеро неро» — это сильно прокопченное тело глиняного черепка и «буккеро россо» — это то, что не сильно прокоптилось. Прокопченную глину затем полировали горячим камнем, достигая такого эффекта, словно вазы были металлические. Керамисты не просто подражали — они стремились соперничать с теми, кто работал по металлу. В технике «буккеро» особое значение придавалось резьбе. Металлическим резцом на керамическую поверхность наносились разные узоры, настоящее кружево — концентрические круги, воинственные, динамические композиции — на черной поверхности светлые, иногда покрытые краской.

Керамика «буккеро» появилась примерно в 600 году до н.э. На ней специализировались мастера из города Кьюзи, но следует помнить, что техника «буккеро» — это наиболее характерная черта всей вообще этрусской керамики, и изделия «буккеро» могут служить наилучшим доказательством их принадлежности к искусству Этрурии.

Во второй половине VII века до н.э. в Этрурии стало налаживаться производство ваз коринфского стиля. Рисунки на этих вазах нередко отличаются по своему типу от греческих. С середины VI века до н.э. утвердился чернофигурный стиль, сменившийся во второй четверти V века до н.э. краснофигурным. Здесь также, несмотря на греческое влияние, мы ви-

Два примера керамики «буккеры»

дим своеобразие художественного вкуса и мироощущения этрусков. Влияние этрусского художественного стиля ощущалось и в Риме, особенно после создания там в VI веке до н.э. коллегии мастеров-горшечников. Керамика, производимая в мастерских Этрурии, находила спрос вплоть до эпохи империи.

Формы и изображения менялись: ремесленники черпали свое вдохновение как в греческих источниках, так и в искусстве италийских народов. Они давали полную свободу и своему собственному воображению: создавались амфоры в виде голов животных (лев, бык) или вазы, подражавшие формам животных или птиц. Так называемый «тяжелый буккеро» характеризовался добавлением массивных рельефных изображений. Некоторые виды керамики покрывались красным лаком.

Обилие керамики выражалось и в разнообразии способов ее применения: бытовая посуда, емкости для приношений богам (вино, масло, мед, семена), ритуальные предметы, предметы для религиозного использования. Многочисленны были вазы, на многих из них нанесены граффити или надписи (76% изделий, обнаруженных в том же Портоначчо в Вейях, представляют собой именно такой случай).

Примерно в 600 году до н.э. или, возможно, чуть позже начала развиваться расписная керамика. Сначала она очень неловко копировала коринфские вазы, а оформление ограничивалось животными, представленными на двух или трех ограниченных зонах вокруг вазы; художники довольствовались тем, что рисовали более или менее чудовищных животных: крылатых львов, сфинксов, грифонов... Приезд ионийских художников в Этрурию, в частности, в город Цере, вызвал к жизни местное чернофигурное производство (где черные фигуры рисовались поверх естественной по цвету глины). Две

Сосуд с головой быка

мастерские, расположенные в городе Вульчи, выделялись особо: это мастерская, которой руководил художник из Пария, и мастерская художника из Микалии. Художники этой второй мастерской в большей степени испытывали влияние аттического искусства и производили наиболее красивые предметы. Примерно тридцать мастерских весьма среднего качества продолжали свою работу вплоть до 450 года до н.э.

После этого некоторые художники переключились на так называемую краснофигурную технику, практиковавшуюся в Аттике с 530 года до н.э. (в от-

личие от чернофигурной, она подразумевала создание черного фона и рисование по нему фигур краской, имитирующей красноватый цвет глины). Качество этих изделий, производившихся в Вульчи, Церах и Кьюзи, было нормальным до середины IV века до н.э., а потом оно начало деградировать.

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ: ЗОЛОТО, СЛОНОВАЯ КОСТЬ

Художественное выражение этрусков было, без сомнения, самым рафинированным и наиболее законченным в изделиях небольших размеров, особенно в тех, что иллюстрировали величие и богатство власть имущих. Самыми благородными материалами, которые давали художникам возможность наиболее ярко показать свой талант, являлись золото, слоновая кость и серебро. Если последнее было предназначено преимущественно для посуды, то золото использовалось для производства ювелирных изделий, которые считались одними из наиболее тонких и красивых за весь античный период.

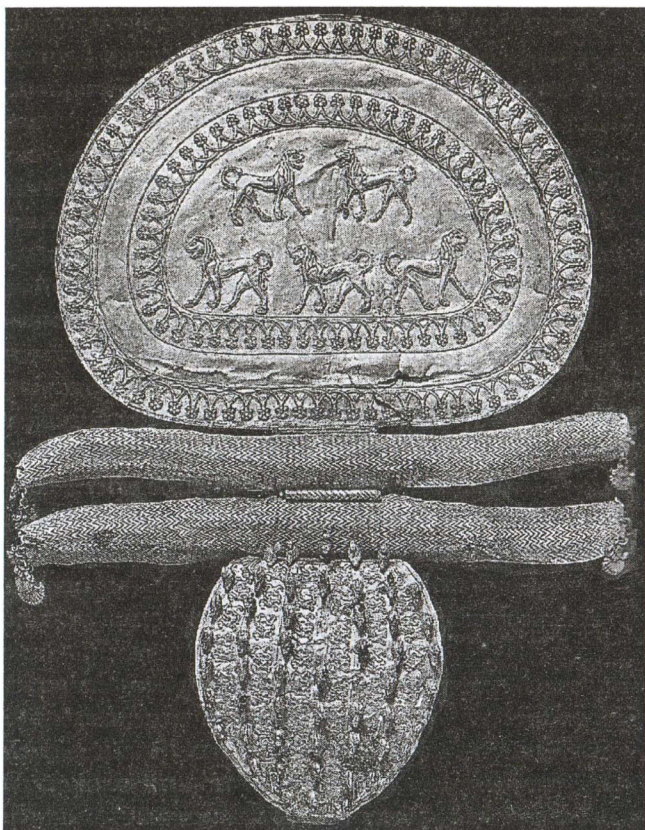
◆ Изделия из драгоценных металлов

Традиция производства ювелирных изделий восходит у этрусков к самому началу их истории, о чем свидетельствуют бронзовые застёжки виллановианской эпохи. Но по-настоящему ювелирное искусство возникло лишь в ориентализирующую эпоху. Самое удивительное состоит в том, что оно появилось как бы внезапно, и уже к 675 году до н.э. демонстрирует свою зрелость, о чем говорят гробницы городов Цере, Ветулония, Пренесте и Вульчи. Вероят-

но, технологии были привезены художниками, приехавшими из Сирии, с Родоса, из Египта и с Кавказа и обосновавшимися на юге Этрурии (самая большая мастерская находилась в Цере). Наиболее красивые изделия были найдены в гробницах Реголини-Галасси (Цере), Барберини и Бернардини (Пренесте), а также в погребениях Ветулонии и Популонии.

Этрусские ювелирные изделия отличались великолепной техникой исполнения, изяществом и изысканностью форм. Особенно успешно этруски обрабатывали золото, причем нередко в качестве образца они пользовались чужеземными ювелирными изделиями, особенно восточными. И хотя этрусские драгоценности ни в чем им не уступали, в богатых склепах встречается немало украшений, привезенных из других стран. Это убедительно свидетельствует о том, что этруская аристократия жила в богатстве и роскоши. Изяществом поражает этруская филигрань — ювелирные изделия из тонкой ажурной проволоки, а также гранулированные украшения. Грануляция, то есть припаивание мельчайших золотых шариков к медному основанию, пользовалась большой популярностью у этрусских ювелиров. Золотые крупинки были очень малы, почти микроскопичны — на этрусских украшениях имеют от 1/10 до 3/10 мм в диаметре. Самые мельчайшие назывались *pulviscolo* (мельчайшая пыль). Естественно, для каждого изделия их требовалось огромное множество. На некоторых, особенно дорогих изделиях, их число достигало нескольких тысяч. Долгое время никто не мог объяснить, как золотых дел мастера в древности припаивали золотые крупинки к меди, не расплавляя их при этом. Технология оказалась довольно сложной. Золотые шарики особым способом приклеивали к папирусу, который затем накладывали на медную основу и постепенно нагревали. При температуре 890 градусов шарики

Фibuла. Золото, Цере

припаивались, так как при нагревании меди в контакте с золотом их общая температура плавления была ниже, чем при нагревании каждого металла в отдельности. В этом и заключался секрет припаивания золота к меди. Однако тайна грануляции до сих пор не раскрыта до конца. Загадкой, например, остается, как, собственно говоря, древние ювелиры изготавливали сами золотые шарики.

Технология позволяла этрусским мастерам делать разнообразные драгоценности (застежки, нагрудные пластины, браслеты, ожерелья, кольца), а также — несколько реже — кубки и золотые вазы. Их оформление воспроизводило традиционные восточные мотивы (животные и чудовища, крылатые львы, сфинксы, химеры). С конца VI века до н.э. наблюдается изменение в употреблении техники грануляции, которая не использовалась больше для создания некоего рельефного мотива, а начала служить для наклеивания золотой фольги (так появился «вышивной стиль»). Замечательная голова бородастого Ахелоя (V век до н.э.) является наилучшим этому примером. При этом надо констатировать, что, несмотря на применение драгоценных камней, вдохновение этрусских ювелиров начало ослабевать и обезличиваться. Их произведения стали более тяжелыми. И хотя они и оставались красивыми, легкая и сияющая фантазия этрусков явно поблекла.

◆ Изделия из слоновой кости

Работа по слоновой кости также является одним из наиболее характерных искусств этрусков. Все большие гробницы ориентализирующей эпохи дали нам тому интересные примеры. Появившись довольно внезапно в VII веке до н.э., изделия из слоновой кости почти исчезли к V веку до н.э. Речь идет, таким образом, о типично восточном искусстве, для которого можно выделить два периода: один, более древний, когда производились достаточно грубые изделия (с 675 по 630 гг. до н.э.), другой, более поздний, характеризовавшийся более тонкой работой (с 630 по 590 гг. до н.э.).

Сырье поступало к этрускам через финикийских торговцев. На Востоке производство изделий из сло-

новой кости издавна развивалось в Сирии, в Финикии и на Родосе. Но многие изделия были созданы в самой Этрурии, что доказывают куски необработанной слоновой кости — без сомнения, импортированные — обнаруженные в Ветулонии. Именно там обосновались восточные мастера, которые начали постепенно обрывать учениками.

Продукция из слоновой кости была очень разнообразна: расчески, пиксиды (маленькие ларчики и шкатулки, похожие на керамические), маленькие коробки для румян, ручки для вееров, статуэтки и т.д. Местные мастера были не слишком искусны, однако им случалось сравниться с их учителями, как, например, в маленькой статуэтке льва (имитация сирийского стиля), держащего в пасти ногу человека, лежащего на спине (гробница Барберини). Все в этом произведении проникнуто духом сирийского искусства, за исключением пояса человека, лежащего на спине, образ которого является чисто этрусским. Эта деталь показывает, что изделие было выполнено в Этрурии, но неясно — сирийским художником или одним из его этрусских учеников?

После упадка искусства резьбы по слоновой кости в V веке до н.э. имела место попытка его возобновления в IV веке до н.э., но в этот период качество продукции было весьма посредственным. Как видим, это роскошное искусство не выдержало серьезного экономического кризиса, который последовал за поражением этрусков в сражении при Кумах в 474 году до н.э.

IX

ДОСУГ

Надо признать, что наши знания о повседневной жизни этрусков остаются очень ограниченными: нам не хватает исторических свидетельств по этому поводу, подобных тем, что рассказывают о других цивилизациях таких, как Рим или Греция. Имеющиеся изображения, конечно, многочисленны и ясны, но они довольно односторонни и оставляют неприятное чувство вынужденности довольствоваться имеющимся. С этой точки зрения мы можем только подписаться под мнением Стендаля, который утверждал, что этруски развили «искусство быть счастливыми».

Очевидно, что этрусская живопись таит в себе свежесть и живость. Фрески показывают оживленных женщин и мужчин, которые словно «разрывают» стенки гробниц в том смысле, как сейчас говорят, что некоторые актеры буквально «разрывают экран».

На этих картинах мы можем обнаружить некоторые виды деятельности, которые вполне можно считать повседневными и относящимися к проведению досугу: различные развлечения, спортивные соревнования, представления бродячих акробатов, охота и рыбная ловля, роскошные пиры в опьяняющей атмосфере вакхических танцев под аккомпанимент музыкальных инструментов.

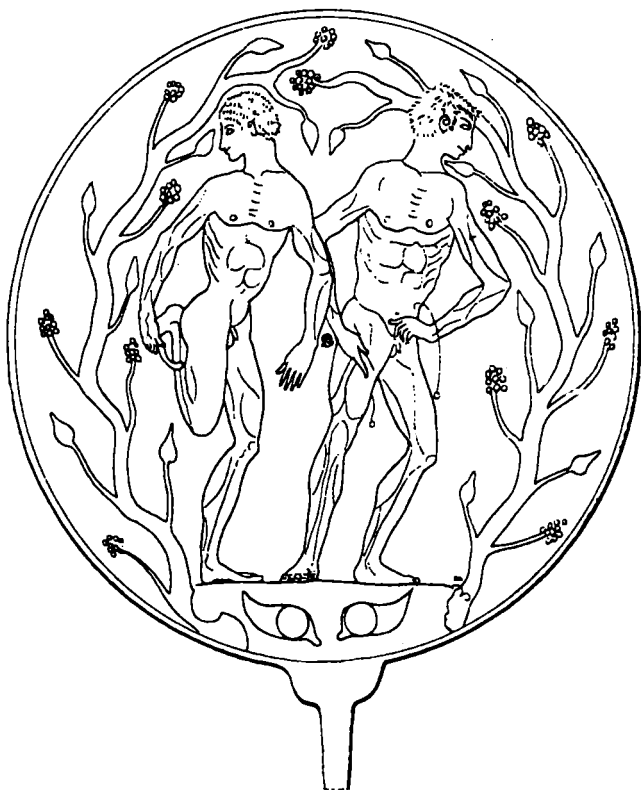
Безусловно, эти картины воспроизводят сцены, которые действительно имели место во всем этом блеске, в этом купании в окружающей радости жиз-

ни. Но это сцены ритуальные, связанные с погребальными обрядами и характерные только для богатой аристократии. Они свидетельствуют об обычаях лишь наиболее рафинированной части этрусского общества, причем в особые моменты ее существования. Мы не можем распространять их на весь этрусский народ. Кроме того, необходимо помнить о религиозном и символическом характере того, что мы видим. Праздники и церемонии являлись естественной частью этрусских обрядов, и все моменты повседневной жизни находили отражение в религиозной практике. Спорт, охота или пир — все это питало этрусскую духовность. Однако почти нет причин сомневаться в том, что и вне торжественных моментов, изображенных на рисунках, благородные этруски предавались радостным утехам.

ИГРЫ

В античных цивилизациях игры занимали первостепенное место. Они не были спектаклями, как это обстоит в нашем современном мире, простыми развлечениями или просто спортивными соревнованиями. Анализ смысла олимпийских игр говорит об их самом что ни на есть символическом характере. Как в Греции, так и в Этрурии и Риме они имели религиозную окраску. Они отмечали важнейшие события общественной жизни (по случаю различных праздников календаря, которые определяли различные периоды года) со всеми ее главными естественными этапами, какими были, например, вхождение во взрослый мир (инициация) или смерть (похороны). Они отражали, таким образом, в культурной форме общественную организацию (и политику). Их развитие показывает связи внутри общества, коллектив-

*Два молодых гимнаста
(один из них использует стригиль¹). Бронзовое зеркало*

ную идентичность. Поэтому, несмотря на очевидные заимствования, было бы неверно полагать, что этрусские игры являлись лишь простым перенесе-

¹ Стригиль — металлический скребок в форме вопросительного знака, служивший античным атлетам для массажа, а также для соскабливания с тела масла, которым умащивались перед соревнованиями, и приставшего к телу песка с арены. — *Примеч. пер.*

нием греческих игр на тосканскую почву. Игнорировать специфические черты этрусского менталитета нельзя.

Текст, который долгое время считался доказательством греческого происхождения этрусских игр, вошел в противоречие с результатами археологических раскопок. Геродот (I, 167), описывавший знаменитое сражение при Алалии (ок. 540 года до н.э.), утверждал, что победители преследовали фокейских пленных, спровоцировав этими бесчинствами гнев богов.

Делегация из Цере отправилась в Дельфы, чтобы проконсультироваться с пророчицей (Пифией), и там им посоветовали принести жертвы в память об их истребленных врагах и установить «в их честь игры, соревнования в физических упражнениях и конном спорте». Но ничто не говорит о том, что этруски до этого не имели игровой практики. Фризы из терракоты, найденные при раскопках храмов в Мурло, свидетельствуют о существовании конных скачек еще в первой половине VI века до н.э. Более того, Тит Ливий отмечает, что Тарквиний, этрусский царь Рима, вернувшись со своей первой войны, «устроил игры, обставленные с великолепием, невиданным при прежних царях». Тогда впервые было отведено место для цирка, который называли Большим. На игры «смотрели с помостов, настланных на подпорах высотой в двенадцать футов. В представлении участвовали упряжки и кулачные бойцы, в большинстве приглашенные из Этрурии» (I, 35, 9).

Археологические раскопки свидетельствуют о важности игр в жизни этрусков. Изображения в гробницах, а также статуэтки, зеркала, вазы и т.д. говорят о том факте, что игры превращались в большой народный праздник. Они отражали мировоззре-

ние всего общества, которое в этих развлечениях находило выражение своей любви к жизни во всей ее полноте.

◆ Различные виды игр

До сражения при Алалии в этрусских иконографических источниках можно найти только следы кулачного боя, борьбы и лошадиных скачек. Похоже, что такие виды спорта, как прыжки в длину, метание диска и копья, бег иногда в полном вооружении, появились только после 540 года до н.э. и были заимствованы у Греции.

Из всех видов спорта конные скачки и гонки колесниц (биг — запряженных двойкой лошадей, или триг — тройкой, но никогда квадриг) имели наибольшую популярность у этрусков. Приз для победителя состоял, например, из бронзового котла, который стоял на глазах у всех на финише. Другая особенность состояла в том, что возницы не держали вожжи в руках, как это делали греки, а завязывали их у себя за спиной. Со свободными руками они имели возможность более свободно махать кнутом, взбадривая животных, но в случае падения такой возница больше рисковал получить серьезные травмы.

Именно так и произошло на соревнованиях, изображенных в гробнице Олимпийских игр, где можно увидеть возницу, подброшенного вверх, а его колесницу — перевернутую, и все это под взглядами трех зрителей, которые от ужаса схватились руками за головы.

Гробница Колесниц показывает нам то, что можно назвать «разминкой перед заездом» (нельзя быть уверенным, что художник был этрусском; он мог быть и греком). Участники соревнований еще только готовятся к ним: борцы, кулачные бойцы, жокеи, воз-

ницы на коленицах, метатели диска и копья, прыгуны в длину и даже вооруженные танцоры. Этот удивительный перечень спортивных дисциплин позволяет думать, что здесь изображена подготовка к играм исключительного размаха. Можно заметить также немного загадочного человека, держащего в руках палку в виде жезла (*lituus*), которого долгое время считали арбитром. Его можно найти и на других изображениях (например, на гробнице Авгуров), и он называется *tevaqaθ*. На самом деле, как доказал Ж.-П. Тьийе, не факт, что эта палка была именно *lituus*. Возможно, речь идет о чисто этрусском атрибуте того, кто имеет власть. Вполне вероятно, что человек с таким жезлом дает сигнал к началу игр, а не является простым арбитром (возможно, это магистрат-жрец в роли высшего арбитра).

Что касается толпы, которая присутствует при этих приготовлениях, изображенных на фризе гробницы Колесниц, то трибуны, занятые людьми, напоминают те, что соорудил в Риме Тарквиний. Мы можем увидеть там два яруса, где наверху зрители в комфортных условиях предаются беседам, а внизу находятся рабы, занятые подготовкой к соревнованиям. Что поражает в очередной раз, так это свободное оживление, живость этих сцен, взятых прямо из жизни, в изображении которых художника не сдерживают никакие табу.

Спортивные соревнования не составляли всей совокупности этрусских игр. Комедианты и акробаты также играли в них заметную роль, что видно из изображений на стенах гробниц VI века до н.э. Речь идет фактически о цирковых представлениях. Можно увидеть, например, всадника, стоя удерживающего равновесие на двух лошадях, несущихся на полной скорости, и перепрыгивающего с одной лошади на другую. Подобные «всадники-прыгуны»,

хорошо известные в Риме, носили одежду (набедренная повязка, шапка и кнут), которая, как считается, имела этрусское происхождение. Этот вид развлечения, очевидно, удовлетворял вкус этрусков к сильным переживаниям и жестоким опасностям. Точно так же можно восхищаться танцовщицей с подсвечником на голове, в то время как ее партнер берет в стоящей рядом корзине кольца, чтобы бросать их с целью набросить на подсвечник (в гробница Жонглеров).

Надо упомянуть также еще одну категорию игр — драматические спектакли. Тит Ливий рассказывает о представлениях, устраивавшихся в Риме, на которые приглашали этрусских «игрецов», которые «плясали под звуки флейты и на этрусский лад выделывали довольно красивые коленца» (VII, 2). Таким было для римлян начало латинского театра.

◆ Природа игр

Без труда можно понять, что этрусские игры эволюционировали в течение своей истории. Одной из их особенностей было насилие. Мы видели, что первые спортивные соревнования были связаны с насилием; это было еще до принятия греческих дисциплин, больше похожих на соревнование между спортсменами. Можно предположить, что этрусские игры в своих истоках были кровавыми. Все народы древности в ту пору практиковали жертвы пленников и посвящали их богам, чтобы добиться их милостей. Мы знаем, что победители в сражении при Алалии перебили фокейцев, взятых в плен в этом сражении, и что 358 году до н.э. триста семь римских солдат были умерщвлены во время войны между Римом и Тарквиниями на форуме этого города. И так было много раз. Этрусское искусство (сарко-

фаги, погребальные урны, вазы, живопись) иллюстрирует кровавые эпизоды похорон Патрокла. Гробница Франсуа из Вульчи предоставляет, без сомнения, самое известное изображение подобного рода. В течение долгого времени историки думали, что традиции жертвоприношений по случаю похорон какой-то важной персоны лежали в основе гладиаторских боев в Риме. Сегодня мы знаем, что эти неслышавшие смерти поединки впервые начали проводиться в Кампанье.

В Этрурии игры превращались в нечто вроде большой музыкальной ярмарки с гуляньями и спортивными соревнованиями, театральными представлениями и танцами мимов. Можно ли представить себе Олимпийский стадион, где жонглеры выступают в перерывах между забегами? Но главное отличие заключалось в актерам, участвовавших в играх. В Греции все атлеты были гражданами, которые, если можно так выразиться, защищали цвета своего города. В Этрурии в большинстве случаев они были профессионалами, статус которых приближался к статусу рабов. Они принадлежали аристократам, которые организовывали игры, но сами не соревновались. И это было справедливо, так как сложность некоторых номеров действительно требовала таланта специалистов-профессионалов. Рассказ Тита Ливия (в начале книги V) уточняет: царь города Вейи, разозленный тем, что его не избрали в святилище бога Вольтумны главой всех двенадцати этрусских городов, решил нарушить священный закон и прервать игры. Он «прямо в разгар представления отозвал актеров, большинство которых были его рабами». Таким образом, в Этрурии речь шла об аристократических церемониях, благодаря которым власть имущие могли выделиться перед другими гражданами, которым достаточно было роли зрителей.

Вернемся еще раз к тому, что говорил Тит Ливий об этрусских «игрецах», призывавшихся в Рим. В 364 году до н.э. в Риме случился страшный мор, и для умиротворения богов «были учреждены сценические игры, дело для воинского народа небывалое, ибо до тех пор единственным зрелищем были бега в цирке» (VII, 2). После этого молодые римляне стали подражать пришлым актерам-этруским. «Так переняли этот обычай, и от частого повторения он привился. Местным своим умельцам дали имя гистрионов» (VII, 5).

ФЕРСУ

Это очень загадочный персонаж. Он появляется несколько раз, в разных ситуациях, на трех гробницах (гробнице Авгуров, гробнице Олимпийских игр и гробнице Пульчинелли). В двух случаях его имя написано рядом с его изображением. Его костюм меняется мало, он носил нечто вроде плаща с широкими рукавами, который, как кажется, был сделан из многочисленных кусков ткани (или кожи?). Еще более характерны маска, которую он постоянно носит, и его головной убор. Последний имеет коническую форму и заканчивается помпоном, а также имеет две широких полосы, которые закрывают щеки и соединяются под подбородком. Они также могут подниматься вверх шапки и там фиксироваться. Этот головной убор темного цвета сделан из кожи или войлока и напоминает головной убор лучника или охотника. Что касается маски, то она покрывает все лицо и шею. Из-под нее торчит длинная черная борода. Лицевая часть маски сделана, без сомнения, из кожи бордового цвета и имеет только небольшие отверстия для глаз и рта, что позволяет предполо-

жить, что этот персонаж всегда оставался немым. В целом это очень похоже на театральную маску, в частности, на специфическую маску мимов. Жак Эргон не сомневается в том, что она схожа с масками актеров популярных фарсов, костюмы которых легли в основу персонажей итальянской «Commedia dell'Arte». Он также напоминает, что Плавт, этот латинский Мольер, родился в Сарсине, на самой границе Этрурии.

Слово «fersu» связано с маской, главным элементом этого персонажа. «Personality» в английском, «personnalité» во французском и т.д. — все эти термины происходят от латинского «persona», а оно, в свою очередь — от этрусского «fersu». Латинское слово «persono» означает «произносить», говорить через отверстие в маске. Ею пользовался актер, играя роль в античном театре. Маска здесь была выражением определенного типа характера и одновременно предопределяла роль. В Древнем Риме этим словом уже обозначалось гражданское «лицо». Например, раб не был персоной, не был носителем прав, не имел никакой роли, никакого признаваемого обществом характера — у него не было общественной маски.

В целом остается загадкой: что же представляет собой этот персонаж? В разных местах он играет разные роли. Иногда, как, например, в гробнице Авгуров, он может появиться два раза, в двух различных положениях, и невозможно установить связь между ними. На фреске гробницы Пульчинелли Ферсу показан бегущим. Сцена на гробнице Авгуров явно имеет характер поединка. На ней изображены двое мужчин. Один из них — Ферсу. Второй — вероятно, раб — повернут к нему спиной, на нем только набедренная повязка, лицо скрыто куском ткани или кожи. На него набрасывается собака, с которой он

должен бороться вслепую. Но трудность не только в этом: тот, кому предстоит борьба с собакой, ограничен в движениях. Хотя в правой руке он держит палку, у него нет возможности управлять ею свободно, потому что кисть его руки обвязана веревкой, которая обвивает также его левую ногу, образуя таким образом петлю. Другой конец этой веревки держит в руке Ферсу. Кроме того, Ферсу держит еще одну веревку, привязанную к ошейнику собаки.

Были выдвинуты многочисленные гипотезы в качестве объяснения этой малопонятной сцены. Наиболее ранняя из них утверждает, что у этрусков существовала игра «fersu», ставшая предшественницей гладиаторских боев. Так мог выглядеть акт человеческих жертвоприношений во время похорон богатых этрусков. Ферсу выступает в роли организатора игры, он постоянно поддерживает остроту и драматичность поединка между человеком и животным. Этот поединок является одним из примеров жестоких развлечений, которые в дальнейшем нашли очень широкое распространение во всей области Средиземноморья. Однако более поздние данные и эволюция наших знаний позволили заключить, что гладиаторские бои впервые появились не в Этрурии, а в Кампанье, а этруски переняли этот обычай позднее (вероятно, в конце IV века до н.э. или в начале III века до н.э.).

Ж.Вилль предложил считать игру «fersu» эпизодом «uenatio» (то есть охоты), когда охота имитировалась для наказания приговоренных к смерти, которых бросали на растерзание зверям. Эта гипотеза не увязывается с тем, что такие сцены были изображены на стенах гробниц, что возвращает нас к ритуальным жертвам, связанным с похоронами. А. Хус, вероятно, прав, когда говорит о том, что в эпоху строительства вышеупомянутых гробниц че-

ловека не убивали по-настоящему, а смертельный бой лишь имитировался. Конечно, это не говорит о том, что «актер», боровшийся с собакой, не рисковал своей жизнью, но при этом надо понимать, что насилие совсем по-разному трактовалось в древнем обществе и трактуется в наше время, и цена человеческой жизни в разные времена всегда была различна, а «игрецы» (*ludions*) были всего лишь рабами.

К тому же не мог ли подобный обряд выражать символику, имеющую отношение к мифологии? Д.Ребюффа отмечает некоторое число элементов, которые не согласовываются со сценой «*uenatio*», и предпочитает видеть в этом столкновении между человеком и собакой представление мифа о Геракле и Цербере. И тут можно себе представить, что палка — это дубина, которая не является оружием, а служит для идентификации персонажа. В любом случае изображенное действие, каким бы ни было его настоящее значение, выглядит как похоронный ритуал, в котором насилие, такое распространенное в античности, имеет целью придать покойнику силу, необходимую ему в его новой загробной жизни. А пролитая кровь представляет собой суррогат жертвы, олицетворяемой актерами, для которых это всего лишь роль (хотя и с риском для жизни). Но эти комедианты придают совсем иной вид этим играм.

Действительно, Ж. Эргон и Ж.-Р. Жанно хорошо показали пародийность «*fersu*». Смех приобретает в этих церемониях магический характер, который добавляется к религиозному аспекту. Дионисий Галикарнасский (VII, 72, 10) уже отмечал особенность этих сатиров, одетых в козы шкуры, танцующих, имитируя атлетов игр 499 года до н.э.: «Они комично имитировали движения других, делая из этого смешное представление». Итак, все изображения

«fersu» не ограничиваются жестокой игрой невидящего человека и собаки. Ж.-Р. Жанно сравнивает это даже с парой боксеров, имитирующих бой. Таким образом, в жестах Ферсу следует видеть шутовскую пародию на игры, осуществляемую актерами в масках, способными также «играть» насилие, придавая играм магическо-религиозный характер. Конечно, эта интерпретация предполагает, что человек, укушенный собакой и практически беззащитный из-за куска ткани или кожи, брошенного ему на голову, был одним из таких актеров. Но тогда можно говорить об «игре ферсу», в театральном смысле этого слова.

ОХОТА И РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

Нет ничего удивительного в том, что этруски в лесах Тосканы, богатых дичью и рыбой, отводили важное место охоте и рыбной ловле. Многочисленные авторы свидетельствуют об этом (среди них Варрон, Плиний Старший, Плиний Младший, Страбон и др.). Даже в ряде гробниц, особенно V и IV вв. до н.э., можно увидеть подобные сцены, и наиболее знаменитой из них является гробница Охоты и рыбной ловли.

В росписях этой гробницы представлены рыбаки в лодках, охотники, стреляющие из рогаток в птиц. Художник показал скалы и море, выпрыгивающих из воды дельфинов, летающих птиц, охотников, рыбаков забрасывающих сети. Примечательно, что у этрусских мастеров было больше, чем у греческих живописцев, стремления к конкретности; поверхность моря отмечена волнистой линией, над которой показан высоко подпрыгивающий дельфин, изображены редкие кусты на скалистом берегу и

другие детали. Здесь человек является хищником, он врывается в природу, испытывая при этом беззаботность и чувство свободы. Здесь находится место и суевериям: отметим защитный глаз, украшающий переднюю часть лодки и охраняющий от злой судьбы. Не будем забывать, что этруски в большинстве своем были моряками. Они ловили в море тунца, за передвижениями которого следили с высоких мысов, а их порты (особенно Пирги) принимали самых известных рыбных промысловиков. Кроме того, они осваивали пространства пресной воды, вроде больших озер Больсена, Браччиано и Вико.

Охота чаще, чем рыбная ловля, изображалась на фресках этрусских гробниц. В частности, она показана на гробнице Охоты на оленя, на гробнице Охотника или Черной самки кабана. На них мы можем увидеть охотников, вооруженных копьями, рогатинами или сетями, которые преследуют кабана, оленя, зайца или пытаются поймать птиц. Охота на кабана вообще была любимым занятием этрусков. Трудно сказать, что именно кабан символизировал для них. Часто он находится в центре сцены, и часто на него нападают не мужчины, а крылатые юноши, духи. Возможно, это символизировало то, что кабан — хозяин леса, но ему суждено умереть.

Охотники изображались либо пешими, в сопровождении слуги, либо конными, преследующими то или иное животное при помощи собак. На охоте этруски широко использовали магическое воздействие музыки на животных. На это указывал греческий автор Элиан, который в своей «Истории животных» писал, что этруски ловили оленей и вепрей не только при помощи сетей и собак, но и при помощи музыки. Со всех сторон они выставляли сети и другие приспособления для ловли животных. Потом выходил флейтист и играл «самые гармоничные мело-

дии». Музыка лилась над холмами, долинами и лесами, проникала в логова зверей, и животные, неспособные «противиться удовольствию от музыки и поглощенные ею» не только не убегали, но и «словно зачарованные шли вперед, и сила мелодии гнала их в сети, превращая в жертв музыки». Подобное использование музыки у этрусков не должно удивлять. Рог и труба также применялись для сбора охотничьих собак.

На птиц этруски охотились при помощи рогаток и сетей. Пернатых водилось очень много в лесах Тосканы. На фресках изображены разные виды птиц — от простых воробьев до дроздов и диких уток, живших в болотах. Именно эти водоплавающие птицы представлены в гробнице Охоты и рыбной ловли. Некоторые виды птиц использовались для гадания, например, на известном изображении Вел Сатис готовится отпустить птицу, чтобы по ее полету распознать волю богов (гробница Франсуа, Вульчи). Плиний считает, что в Этрурии обитали редкие и неизвестные в других местах виды птиц. Мы знаем некоторые этрусские их названия: *antar* — орел; *agac* — ястреб; *sapu* — сокол.

Охота была опасным занятием. Поэтому на фресках мы видим, что самые сложные операции выполняют рабы — например, добывают захваченное животное. Между тем охота служила видом аристократического досуга; благородные этруски охотились только верхом. Это очень важная разница между этрусским менталитетом и римским: в Риме охота долгое время считалась занятием рабов и ограничивалась уничтожением животных, вредивших урожаю. Эту «зачистку» могли делать только рабы. В Этрурии же, как в Греции или на Востоке, охота считалась делом воинов и аристократов. Мы не знаем, откуда этруски заимствовали эту концепцию прове-

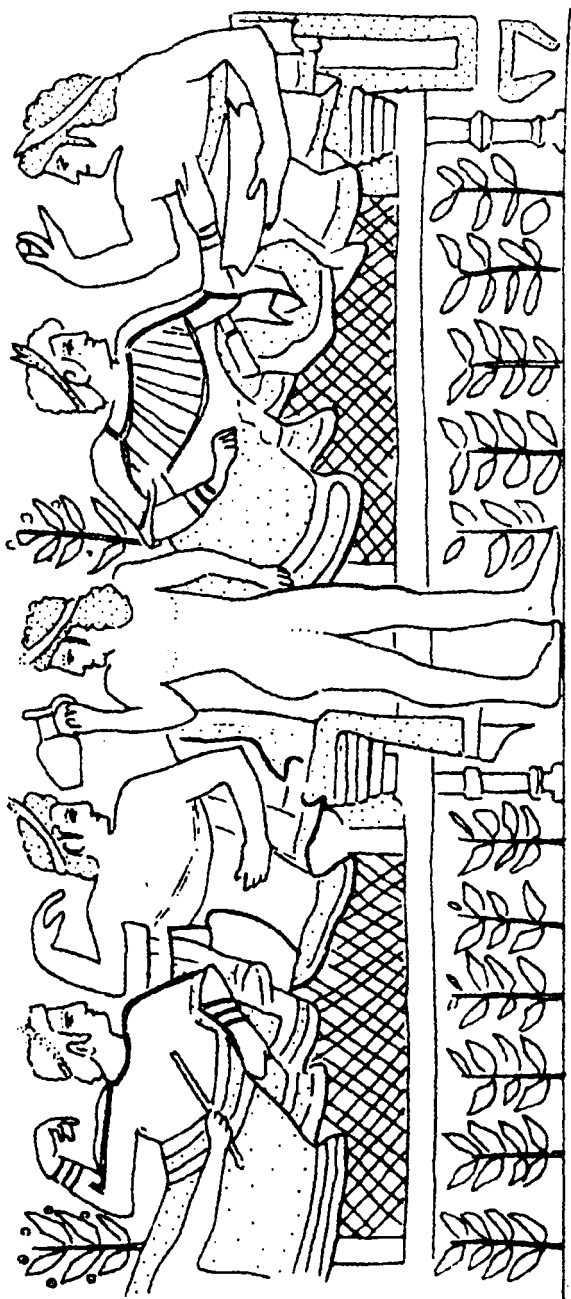

дения досуга, но политическая структура страны (этот мир властителей) у них в большей степени, чем в Риме, соответствовала этой интерпретации.

ПРИЕМ ПИЩИ

Прием пищи у этрусков ассоциируется с изображением пиров, которые можно видеть на настенных росписях гробниц в Тарквиниях. Возникающее при этом ощущение изысканности и изнеженности подтверждает характеристики, данные тосканцам некоторыми их противниками, такими, например, как древнегреческий историк Феопомп. Мы отдаем должное этим сценам, элегантности их изображений, симфонии красок, которые отражают различные вариации искусства жить счастливо, в постоянном ощущении праздника. Пирующие не смотрят друг на друга, только на блюда, которые им приготовлены; приправой к ним служат музыка и выступления танцоров, которые опьяняют их вакхическим ритмом. Они красивые, молодые и влюбленные в жизнь. Устроившись по два человека на кровати, загорелые мужчины и их подруги с кожей цвета молока разговаривают, развлекаются или бросают исполненные желания взгляды на божественное тело молодого голого виночерпия, пришедшего наполнить их кубки. Декорация подобных сцен включает в себя сдержанную мебель, украшенную тонкими разноцветными покрывалами, раскрашенными большими стилизованными цветами воображаемого сада, в котором ходят в развалку несколько уток.

Можно понять критику греков. Они не игнорировали подобную чувственную изысканность, но они не могли допустить, чтобы женщина разделяла подобным образом постель на пиру с мужчиной, даже

Пиршество. Гробница Леопардов. Тарквинии

*Бронзовое сито для вина.
V в. до н.э.*

если он был ее супругом. Впрочем, эллинское влияние на эти пиры, где потребление вина стало ритуалом, уже давно установилось. Поначалу этруски не занимались виноградарством и импортировали вино. Привычка черпать вино лежа пришла к аристократии в ориентализирующую эпоху — то есть была заимствована. Позднее этрусские пирушки стали одним из символов роскоши, и, чтобы ограничить их пагубное действие, потребовались специальные законы. Для многих подобного рода вечеринки стали символом духовного упадка.

Таким образом, у греков и у римлян были причины осуждать подобные этрусские пиршества. И все-таки необходимо сделать два ограничивающих замечания: во-первых, все это касалось лишь аристократии и не имело никакого отношения к жизни простого населения; во-вторых, речь могла идти только о церемониях, имевших отношение к похоронным обрядам. Следует отметить также эволюцию в представлениях о пиршестве. В ориентализирующую эпоху в имидже этрусского пира не было ничего негативного. В последние века Этрурии мы часто видим изображения тучных людей (особенно на урнах), которые породили миф о разжиревших этрусках, погрязших в *luxuria*, что осуждалось римской моралью. Но римская точка зрения не всегда соответствовала этрусской, и эти изображения толстяков имели, без сомнения, в Этрурии более социальный смысл, чем моральный: толстяк — это тот, кто достиг определенного уровня жизни, то есть аристократ.

В любом случае этрусские изображения похоронных пиров имеют важное символическое значение, и некоторые из этих символов вполне ясны; они могли обозначать общественное положение покойного, быть демонстрацией высокой степени ци-

визации, как представление жизнерадостной жизни, которая ожидала умершего в загробной жизни.

◆ Стол этрусков

Если оставить в стороне символическую область и вернуться к реалиям повседневной жизни, то приходится признать, что мы очень мало знаем о повседневной пище этрусков. Археология отчасти проливает свет на этот вопрос — в основном в отношении зажиточных классов общества, но нам все равно недостают документов-первоисточников. Древнегреческий философ Посидоний писал, что «этруски два раза в день накрывают себе великолепные столы с посудой, украшенной цветами и серебряными вазами». Этот автор дал себя увлечь мифом о ленисти этрусков и постарался показать различие между тосканцами, с одной стороны, и римлянами и греками — с другой.

Действительно, если сравнивать с римлянами, которые садились за стол лишь один раз в день, этруски с их двумя приемами пищи, казалось, пребывали в непрекращающемся кутеже. Но ведь этот обычай касался только самых богатых и не имел отношения к крестьянам и ремесленникам. Точно так же и наличием серебряных ваз мог похвастаться далеко не каждый. Каждодневная посуда была бронзовой или керамической, особенно в период с VI по IV вв. до н.э. Пристрастие к серебряной посуде, похоже, пришло к этрускам в конце их истории, в III веке до н.э., когда Этрурия стала романской. Бедные же люди пили и ели из глиняной посуды. Еда бедняков, как и посуда, была самой скромной, чего нельзя сказать о богатых, хотя и в этом случае свидетельств до нас дошло крайне мало. Самым главным из них ос-

таются фрески с гробницы Голини в Орвьето (описанной Жаком Эргоном), датируемой концом IV века до н.э. Художник изобразил приготовления к похоронному пиршеству; этим занимаются одиннадцать рабов. Известно, каким уважением пользовались в Великой Греции кулинары. От них это перешло к этрускам. Позже и римляне переняли эту греко-восточную моду на кулинарные изыски. На фреске видно, например, что для пиршества готовят быка (его голова уже отрезана), зайца, лань и двух уток.

Здесь изображен раб-мясник, режущий мясо, предназначенное для жаровни. Рядом стоят четыре столика, они уставлены тарелками и украшены двумя элегантными девушками-служанками. Булочник готовит хлеб. Рядом с персонажами написаны их имена и выполняемая ими функция. Месильщик теста, например, которого зовут «Pazu», называется «*mulu(.)ane*». Жак Эргон предположил, что это происходит от латинского глагола *molō* (молоть). Его роль — главная на кухне, и, чтобы его жесты были верны и ритмичны, ему аккомпанируют игрой на флейте. Вдали изображен очаг: там один человек, одетый в простую набедренную повязку, руководит действиями других. Без сомнения, это *curator*, кухонный смотритель, командующий батальоном рабов. На столе стоит посуда: кубки, бокалы и др. Все выполнено из разных материалов. На кроватях лежат хозяйева, готовые пить и есть под музыку. И при этом все выглядывая красиво, даже полуобнаженные рабы. Менее всего они похожи на униженных слуг, что бы ни говорили о них римляне. Труд рабов гарантирует успех пиршества; его дополняют роскошные декорации. Вино, этот напиток богов, даст забвение простым смертным и иллюзию того, что они разделили трапезу с небожителями.

МУЗЫКА И ТАНЕЦ

Флейтисты, удлинённые пальцы которых, казалось, порхают по инструменту, неистовое движение, полностью захватывающее танцовщиц в легких полупрозрачных одеждах... Сколько подобных картин остается запечатленными в памяти посетителей, спускающихся в расписные гробницы Тарквиний! Ошибиться невозможно: музыка имела капитальное значение в повседневной жизни этрусков. Она сопровождала их практически в каждый момент их существования. Что касается танца, то он не сводился к простому развлечению, а играл значительную символическую роль в многочисленных обстоятельствах, особенно религиозного характера.

◆ Музыка

Даже трудно себе представить, насколько вездесуща была музыка в жизни этрусков. Без сомнения, этим они во многом были обязаны влиянию греков, у которых, как мы знаем, музыкальное творчество было сильно. При этом трудно сказать, использовали ли этруски те же музыкальные приемы, но многочисленные дошедшие до нас сцены с изображением музыкантов позволяют думать, что тосканцы даже в большей степени, чем греки, жили в музыкальной среде. Жак Эргон не без юмора писал, что молчание — это «то, что было труднее всего обнаружить в этруском городе».

Существуют многочисленные свидетельства большой любви этрусков к музыке. Под музыку они пекли хлеб, устраивали пиршества, браки, похороны, проводили спортивные состязания, религиозные церемонии, музыка сопровождала их во время жатвы и сбора винограда. Аристотель удивлялся,

*Женщина играющая на лире.
Вульчи*

Флейтист.

Фрагмент росписи гробницы Леопардов

говоря о том, что ни один вид деятельности не оставался у этрусков без музыкального сопровождения. Некоторые тексты напоминают о колдовских свойствах, приписываемых этрусской музыке. Элиан, например, описывал охоту, во время которой флейтист играл мелодию, под воздействием которой животные покидали свои логова и сами уст-

ремлялись в сети охотников. Звуки музыки сопровождали этрусков в их повседневной жизни, что позволяет говорить об их особом душевном складе. Они даже рабов секли исключительно под звуки музыки.

Любимым музыкальным инструментом этрусков была флейта (*aulos*), простая или двойная, звуки которой сопровождали почти все события в жизни этого народа. Часто ее звуки сопровождались звуками лиры или цитры (хорошая лира могла иметь до семи струн). Флейты делались из различных материалов: из кости, слоновой кости или из самшита. Но это касалось только маленьких моделей. Большие модели были язычковыми, и их звучность напоминала наши гобой и кларнет. Звук их был более хриплый («грубый», по словам Овидия), а в двойной флейте одна из труб играла роль баса. Казалось, звуки флейты задавали ритм сердцебиения этрусков.

Учитывая значимость профессии флейтистов в повседневной жизни этрусков, можно предположить, что они были объединены в артели профессионалов, членов которых приглашали для участия в церемониях. Их репутация быстро пересекла границы, и мы знаем, что и в Риме существовало подобное же объединение музыкантов, пришедших из Этрурии, которые сопровождали своей игрой жертвоприношения.

О других музыкальных инструментах этрусков мы не знаем почти ничего. С другой стороны, военная музыка была одной из составных частей репутации тосканцев. Согласно Плинию («Естественная история», VIII, 209), этруски изобрели медную трубу, а флейту — фригийцы. Раскопки в Цере и Тарквиниях позволяют нам назвать в числе духовых инструментов этрусков прямую трубу (*tuba*) и изогну-

тую трубу (по латыни она называлась «lituus», так как напоминала по форме палки, использовавшиеся авгурами), рог (изогнутый, как простой охотничий рог), а также морскую трубу, издававшую ужасный звук, которым пользовались пираты, чтобы напугать противника (греки называли этрусских моряков «пиратами-трубачами»). Некоторые из этих инструментов имели потом в Риме прекрасное продолжение своей карьеры. Вспоминаются слова Вергилия («Энеида», VIII, 524–526): «Нежданно эфир задрожал, сверкнуло сиянье с громом и звоном; и все внезапно сокрылось от взора; и тирренской трубы раздалось завыванье в эфире».

◆ Танец

Танец, как и музыка, играл важнейшую роль в религиозной и светской жизни этрусков и имел магическо-символическое значение, как, впрочем, и в других древних обществах. Поэтому не следует придавать ему функцию только частного развлечения. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на выразительных танцоров, изображенных на стенах гробницы Львиц и гробницы Вакханок. Их вакхический характер очевиден, их развинченные движения, которыми руководит играющий на флейте или на кифаре, очень походят на то, как на юге Италии отмечался — вплоть до полного опьянения — праздник, связанный с культом бога Диониса. Этрусски проявляли большой интерес к эзотерическим культам, в которых существенную роль играл танец. Кроме оргиастических танцев, связанных с определенными ритуалами, они любили торжественные процессии, которые являли собой род ритмически организованного шествия в честь того или иного божества с пением торжественных гимнов. Оргиастические

*Танцовщица.
Гробница Триклиниум, Тарквинии*

танцы в честь бога плодородия Диониса постепенно сложились в определенную церемонию. Ее участники, изображавшие свиту Диониса, специально обучались для этих целей. Силены и сатиры¹, покрытые плащами в цветах (у первых) и козлиными шкурами (у вторых), перешли потом вместе со своими торжественными шествиями (*pompa circensis*) в игры римлян. Вакхические танцы включались также и в похоронные процессии, привнося в город Ромула те самые «излишества», которые захватили этрусские города.

Этрусские танцоры объединялись в труппы, и труд их был не из легких: длительный танец требовал хорошей тренировки, а ритмические прыжки — прекрасного здоровья! Эти молодые люди, по свидетельству Тита Ливия, назывались «гистрионами», а в Риме их называли «*ludions*», так как они принимали участие в играх (*ludii*). Их главный танец назывался трипудий (*tripudium*): это танец в трехдольном размере, в котором трижды ударяли ногой о землю. Танцоры иногда скрывали свои лица масками, как в игре, которая называлась «*fersu*».

Танцевали не только профессиональные артисты. Простые молодые люди тоже занимались этим в определенных обстоятельствах, и их танцы приобретали магическое значение, особенно когда танцевали во время церемоний посвящения или ритуалов очищения. Они также танцевали трипудий. Он же использовался и как боевой танец с оружием — этрусские воины во время танца тренировали себя.

¹ Сатиры — лесные божества, демоны плодородия в свите Диониса. Силены — демоны плодородия, в римской мифологии существа, подобные греческим сатирам, составлявшие свиту Бахуса. И те, и другие — воплощение стихийных сил природы. — *Примеч. пер.*

Информация об этрусских танцах все еще остается разрозненной и во многом случайной, пока нам явно недостает многих элементов, чтобы разгадать эту тайну. Тем не менее, и того, что уже известно, достаточно, чтобы понять фундаментальную роль музыки и танца в повседневной жизни этого народа.

Х

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Кто же такие были этруски? Данные об этом расходятся, и коллективный портрет этого народа имеет самые неясные очертания. Для одних это были жестокие пираты, чья дикость имела мало подобий в средиземноморском мире; для других — закоренелые гуляки, которые проводили время в бесконечных удовольствиях. Римляне называли их погрязшими в набожности, «самыми религиозными из людей», хотя, согласно Катону, при этом один гаруспик не мог общаться с другим, не смеясь. Современные историки, в зависимости от своих собственных склонностей, охотно поддерживают одно из этих мнений, не обращая внимания на другие. В действительности, этруски были всем понемногу и одновременно имели какие-то доминирующие характеристики, связанные с той или иной эпохой, местом и точкой зрения свидетеля.

Очевидно, нам недостает этрусских текстов, чтобы объяснить смысл некоторых дошедших до нас изображений. Тем не менее, изучение этрусских фресок и скульптур позволяет подчеркнуть некоторые особенности их цивилизации — место женщин в обществе, пристрастие этрусков ко всевозможным удовольствиям, их манеру одеваться. А достижения археологии позволяют нам лучше узнать их жилища. Этот очень образованный и оригинальный народ, как кажется, позволяет таким образом приблизиться к себе через века молчания.

Отличия этрусков от других народов Средиземноморья объясняют непонимание, которое порой проявляли по отношению к ним их современники. Греческие и латинские свидетельства, даже когда они искренни и полны восторгов (а так бывает далеко не всегда!), должны восприниматься с большой осторожностью. С другой стороны, даже грубые шаржи, вроде работ Феопомпа, не лишены интереса и часто содержат данные, от которых нельзя отмахиваться.

Совершенно верно, что сцены, изображенные на стенках гробниц, представляют феерический мир, и эти внешняя роскошь, богатство и проявления радости бытия отчасти объясняют, почему этруски вызывали зависть и осуждение у менее развитых народов. И все же необходимо отличать мечту от реальности. Этот праздничный мир, предстающий перед нашими глазами, не имеет отношения к повседневной жизни и может характеризовать только часть общества. Остальные же его члены являются анонимными актерами, немymi свидетелями этого благополучия, и мы о них почти ничего не знаем.

Среди наиболее честных свидетелей этрусской цивилизации надо отметить труды древнегреческого философа-стоика Посидония из Апамеи (конец II века до н.э.). Рисуя широкую панораму этрусской жизни, он упоминает их вкус к удовольствиям в питании и любви, а также то, что они передали римлянам: военные трубы, символы власти и тоги, а также атриумы. Он настаивает на их высокой степени культуры и религиозности («Они продвинули письмо, науки о природе и о божественном»). Что касается наиболее значительных черт этрусков, то он утверждает, что «они отличались энергией, завоевали обширную территорию и основали там многочисленные города». И когда он говорит об их «гос-

подстве на море», он делает это, чтобы лучше проиллюстрировать их мужество (*andreia*) и их силу духа. Не удивительно, что эта сила дала этрусской цивилизации процветание и внушала мужчинам и женщинам желание в полной мере пользоваться жизненными благами.

ЭТРУССКИЕ ИМЕНА

В Риме имя гражданина состояло из трех частей: фамилии, отчества (*gentilice*) или имени его рода (*gens*) и имени. Например: Марк Туллий Цицерон. Подобное очень редко встречалось у италийских народов до романской эры. В Этрурии имена людей отличались в зависимости от места, эпохи и типа надписи (похороны, посвящение, восхваление...). Трехчастные имена использовались с начала романизации, но их употребление было окончательно принято только в конце I века до н.э.

Имен в древние времена было очень много (потом их стало меньше). Отметим, например: *Avile / Aule*; *Arnθ* [Аррунс]; *Larθ*, *Lar*, *Laris*, *Lars...* *Vel*, *Veθur*; *Seθre* (связано с именем Вулкана); *Tarχi...*, все они этрусского происхождения. У других италийское происхождение, как, например, у имен *Vipe* (*Vipina(s)* Вибенна), *Tite* (*Titus*), *Caе* (*Caius*). Некоторые имена имели особую судьбу. Имя *Вел*, например, лежит в основе многих названий городов — Вольтуро, Вульчи или Вольсинии, а также других городов в Испании, в Южной Италии или на юге Франции.

У этрусских женских имен были свои особенности. В Риме женщина имела только имя своего рода (*gens*). Так, например, Горация была дочерью Горация, Туллия — дочерью Марка Туллия Цицерона.

В Этрурии женщина получала свое собственное имя, а также имела отчество (gentilice), а иногда и прозвище. Среди женских имен выделим имена $\theta\alpha\eta\chi\upsilon\iota\lambda$, $R\alpha\mu\theta\alpha$, $L\alpha\rho\theta\iota$ ($L\alpha\rho\theta\iota\alpha$), $Velci$ ($Velia$), $Se\theta\tau\iota$ ($Se\theta\tau\iota\alpha$)

Фамилия могла иметь различные формы. Тем не менее, наиболее часто встречались фамилии с суффиксом -на: Цецина, Мецена, Перпенна.

Прозвища встречались редко — они были чужды этрусскому менталитету. Отметим, что из четырех тысяч надписей, обнаруженных на севере Этрурии, прозвище (cognomen) присутствует только в 15% случаев; еще меньше их было на юге. Кроме того, когда они и употреблялись, то часто были италийского или римского происхождения (например, Брут — Брутус).

Старинные надписи обнаруживают, таким образом, следующую систему составления имен:

- имя + фамилия: $ar\eta\theta\ vel\chi\alpha$
- имя + имя отца + фамилия: $ar\eta\theta\ vel\theta\upsilon\tau\upsilon\tau\upsilon\varsigma\ vel\chi\alpha$
- имя + имя отца + имя или фамилия матери + фамилия: $ar\eta\theta\ vel\theta\upsilon\tau\upsilon\tau\upsilon\varsigma\ \theta\alpha\eta\chi\upsilon\iota\lambda\alpha\chi\ [p\upsilon\mu\pi\tau\upsilon]\ vel\chi\alpha$

◆ Как называли себя этруски

Мы привыкли говорить об этрусках и тосканцах, используя римскую терминологию. Римляне, как говорит Страбон, называли их «Etrusci» и «Tusci». Тоскана обязана своим названием второму имени, хотя современные границы этой провинции и не покрывают в точности территорию этрусков. Греки, опять же согласно Страбону, использовали другие названия: они называли этрусков «тирренцами» «в память о Тиррене, сыне Атиса, который послал колонистов из Лидии в эти места». Отсюда происходит и название Тирренское море. Они еще называли его «Tursenoi». Это название можно найти у Геродота и даже на неко-

торых надписях в Дельфах (где люди из Цере ос- новали Сокровищницу).

Действительно, многие этрусские имена имели один корень (*turs*), который мы видим на золотой фибуле, найденной около Кьюзи и датированной концом VII века до н.э.: *Tursikina*. Так звали владельца этого украшения (отметим, что окончание «на» было очень распространено). «Этрусск» — это была фамилия этого человека, как других могли звать «Француз» или «Испанец». Впрочем, в Этрурии существовали и другие фамилии, которые напоминали о принадлежности к той или иной стране: *Craice* (Грек) или *Latiθe* (Латинянин); вероятно, это могли быть иностранцы греческого или латинского происхождения, обосновавшиеся в Тоскане. Тем не менее, нам известны и другие имена, у которых нет корня «*turs*».

Поэты называли этрусков «лидийцами» (*Lydi*) из-за легенды об их происхождении, популярной в эпоху античности. Виргилий так называет их в своей поэме «Энеида», связывая происхождение этрусков с судьбой Энея, пришедшего из Трои. Кроме того, Дарданос, предок Энея, уехавший в Малую Азию, считался уроженцем Кортонны, важного города Этрурии. Таков был способ связывать этрусков с судьбой Рима и отрицать греческое влияние!

К этому достаточно символическому наименованию можно добавить и то, что нам рассказывает Дионисий Галикарнасский, для которого этрусски по имени одного из своих предводителей звались «расенна» или «расна». Эти термины хорошо известны по некоторым выражениям типа «зилат мелхл раснал» (*zilaθ melχl rasnal*), что долгое время переводилось как «претор этрусских народов». Некоторые ученые-этрусковеды сегодня оспаривают эту формулировку и предпочитают переводить ее как «претор

государства» (*praetor reipublicae*). Тем не менее, новая интерпретация далека от того, чтобы быть убедительной, особенно в других надписях, где появляется это слово.

ЖИЛИЩА

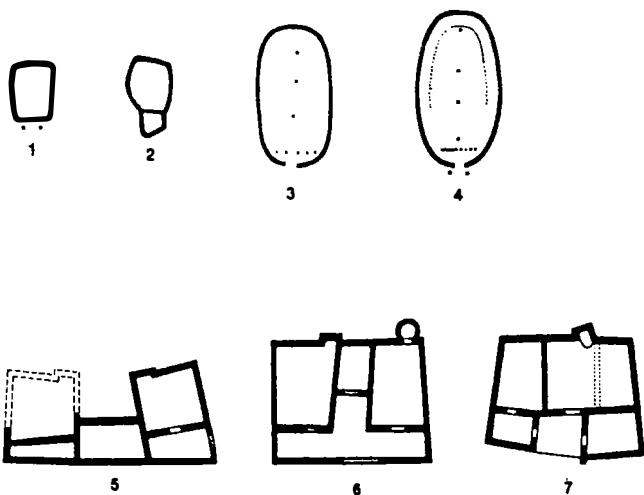
Этрусские дома были низкими, средиземноморского типа. До VIII века до н.э., и даже в VII веке до н.э., они имели круглую или овальную форму, стены были из самана, а крыши — из соломы; в них были устроены дверь, окно и отверстие для вывода дыма. Именно такой внешний вид имеют погребальные урны-хижины.

Погребальная урна-хижина виллановианской эпохи

Начиная с 850 года до н.э., первые внешние влияния и начало урбанизации вынудили этрусков трансформировать их жилища. Появились каменные фундаменты, стены из самана, обожженного кирпича или туфа, жилища приобрели прямоугольную форму и их стали покрывать плоской черепицей, большой вес которой создавал определенные проблемы (подсчитано, что кровля дома площадью 8×12 м весила 12 тонн!). Таким образом, требовалось усиливать конструкцию, поэтому легкие стены зачастую укрепляли деревянными брусьями (бревна были вставлены даже в стены храма в Мурло). Единственная комната разделялась на две части, одна из которых предназначалась для очага, затем — на три, а иногда и больше.

Эволюция этрусского дома
1-4. Форма хижины (одна комната)
5. VI век до н.э.: прямоугольная форма с двумя или тремя комнатами
6-7. (та же эпоха): появление прихожей, в которую выходили комнаты

Жилища, обнаруженные в Аквароссе, показывают горизонтальное развитие дома: две или три расположенные рядом комнаты (не в ряд), перед ними прихожая, которая занимает всю ширину, на которую выходят комнаты. Такое положение может считаться типично этрусским в VI веке до н.э.; оно напоминает также структуру храма с тремя целлами и некоторые гробницы. Все это было украшено раскрашенными изделиями из терракоты, которые этруски так любили.

У этих домов не было второго этажа. Могли ли существовать многоэтажные постройки? Фактически это не невозможно, если принять в расчет двухэтажные жилища, изображенные на погребальных урнах или на стенах скальных гробниц. Но традиционно частные дома строились, согласно общим правилам.

Пример Марцаботто дает, впрочем, лишь частичное подтверждение этому: жилища этой колонии, построенной, согласно плану, в виде шахматной доски, представляли собой «блоки» площадью 150×35 м. Сначала полагали, что речь шла об инсулах (*insulae*)¹ римского типа, но потом было доказано, что каждый такой «остров» делился на низкие и индивидуальные жилища, каждое из которых имело фасад шириной 17–25 метров.

Каждое жилище имело схожую планировку. Длинный коридор вел от входа в центральный двор. В глубине располагалась комната, которая напоми-

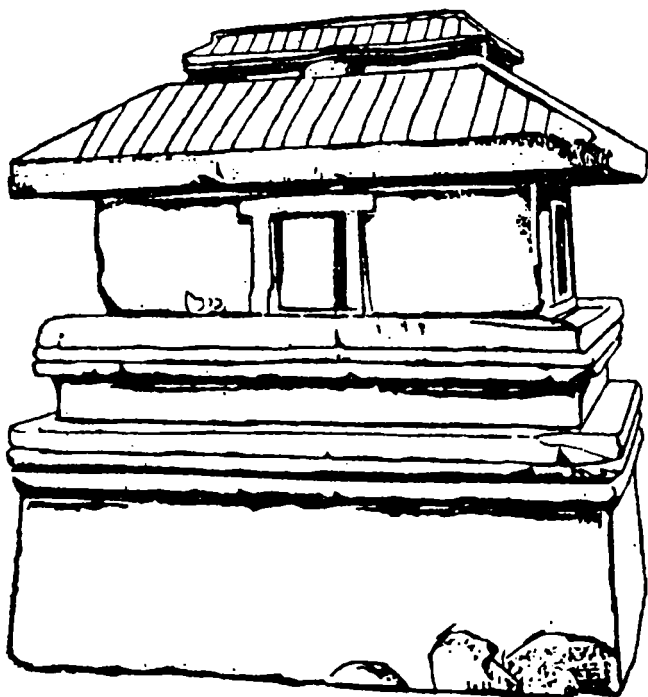
¹ Инсулы (буквально: острова — *insulae*) — многоэтажные дома, появившиеся в Риме в конце III века до н.э. Общей лестницы в них не было, на каждый этаж вела своя. Окна и балконы выходили на улицу. На первом этаже обычно располагались либо квартиры состоятельных римлян (вход в такие квартиры украшался колоннами и портиками), либо лавки торговцев. — *Примеч. пер.*

нала «tablinum» древнего римского дома. Так как эти жилища были заняты, главным образом, мелкими ремесленниками, их мастерские и магазины выходили в коридор или занимали боковые части двора.

Колодец находился во дворе. Со двора шла канава, по которой производился сток сточных вод к трубопроводам, которые шли вдоль улиц или под ними.

Остается неясным, лег ли этрусский дом в основу традиционного римского дома (особенно это касается атриума, одну из разновидностей которого

Погребальная урна в форме дома

иногда называют «тосканский атриум»). Варрон говорит, что римляне принялись «имитировать внутренние дворы этрусков». В действительности этот вопрос является предметом дискуссий, он более сложен, чем это может показаться. Не вдаваясь в подробности, мы можем сформулировать несколько простых замечаний. Римский дом вначале был маленькой фермой, двор которой был закрыт, а в глубине его находилось скромное жилище владельца. Резервуар (бассейн), предназначенный для сбора дождевой воды, использовался также для водопоя животных, которые спали во дворе. В жилых кварталах эти хлевы становились мастерскими или магазинами, жилищем для рабов, а хозяева продолжали жить в глубине двора, за которым открывался сад. Такова структура домов, которые мы находим в Марцаботто, за одним исключением — двор здесь не имеет бассейна, но есть колодец. У более важных персон атриум становился центром дома, местом приемов, «общественной» частью жилища, в то время как «*tablinum*» и комнаты оставались закрытыми для посторонних. Двор покрывался крышей, за исключением центра, где оставалось отверстие для сбора дождевой воды в бассейн (*compluuium* / *impluuium*). Гробницы архаической эпохи демонстрируют многочисленные примеры зданий подобного рода, так как строились в соответствии с планом этрусского жилого дома. Эта структура напоминает структуру домов, обнаруженных в Аквароссе. Наиболее величественные гробницы с главной комнатой в глубине, выходящей в большой вестибюль, и с боковыми комнатами, выходящими в эту центральную комнату, строились согласно плану, который вполне соответствует помпейским домам, комнаты в которых располагались вокруг атриума.

◆ Этрусская мебель

Мы очень мало знаем о том, какой мебелью украшали этруски свои дома. То, что мы видим на изображениях в гробницах, вазах или бронзовых зеркалах, имеет отношение только к аристократии, более же малообеспеченные классы вряд ли располагали подобным, как это имело место в Греции и Риме.

Основной мебелью являлись кровати, столы, сиденья и ящики для белья. Мы знаем несколько типов кроватей, настоящих или воспроизведенных в камне или терракоте. На этих ложах спали, но они служили также и для пиров, как об этом свидетельствует живопись, найденная в Тарквиниях. Столы были небольшие, круглые или прямоугольные, с резными ножками. Сиденья также имели разнообразные формы: табуреты, стулья, кресла. Нам известно, что курульные кресла римских магистратов были заимствованы у этрусков. Они могли быть богато украшены (например, пластинами из слоновой кости). Ящики для белья изготавливались из дерева и могли быть украшены бронзовыми деталями, как, впрочем, и другие предметы мебели из дерева.

Оформление дома дополнялось некоторым количеством деталей, безусловно, полезных, которые придавали всему оттенок изысканности и элегантности: канделябры, лампы для благовоний, жаровни и бронзовые треножники, модели которых происходят из раскопок гробниц. Их форма действительно была роскошной.

Чтобы восстановить атмосферу этрусских интерьеров, следует также упомянуть ткани и обивку, богато расшитые, полные переливающихся цветов, о которых говорили древние авторы. Они, безусловно, способствовали приданию интерьеру ощущения праздничности и чувственности.

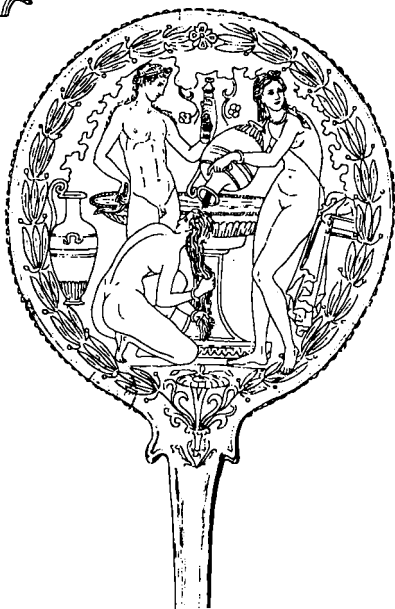
СПЛЕТНИ

Бомарше хорошо знал эту грозную власть: клевета лучше запечатлевается в памяти, чем свидетельства и правда. Так и наиболее подробный и наиважнейший документ, касающийся личной жизни этрусков, обязан тому, что следовало бы назвать самой большой кумушкой-сплетницей в истории. Речь идет о Феопомпе¹, который писал в середине IV века до н.э., сто лет спустя после поражения при Кумах, в то время, когда тосканцы вели борьбу с Римом.

Его слова должны восприниматься с большими оговорками. Мы должны помнить, что он был греком, чье мышление сильно отличалось от мышления этрусков, и что он с напыщенностью развивал традиционную тему критики (изнеженность, «truphḗ» в греческом языке, «luxuria» в латинском языке), что его слова полны лжи и вымыслов самого автора, который, хотя и был историком, но не имел тем не менее необходимого для этого высокого разума.

В том, что этруски любили роскошь и предавались удовольствиям со всей возможной изысканностью, нет ничего позорного и удивительного для нас. Многие авторы (иногда вдохновленные Феопомпом) отмечали это: Аристотель, например, писал: «Тирренцы обедают в обществе своих жен, лежа на одной постели». Подобных свидетельств много. В них говорилось, что этруски два раза в день накрывали себе роскошные столы (в то время как римляне питались только один раз в день), лежали под

¹ Феопомп (около 377–300 до н.э.) — древнегреческий историк. Странствующий софист. Автор «Греческой истории» (в 12 книгах) и «Истории Филиппа Македонского» (в 58 книгах). От его сочинений сохранились лишь фрагменты. — *Примеч. пер.*

*Сцены в бане.
Бронзовые зеркала*

*Молодой человек между двумя женщинами.
Бронзовое зеркало*

покрывалами, «вышитыми цветами», были окружены множеством рабов, иногда очень пышно одетых. А еще утверждали, что этруски были «лишены мужества, которое у них было в прежние времена, из-за того, что они живут в бесконечных пиршествах и наслаждениях», что они слишком изнежены и потеряли ту репутацию, которую их предки приобрели себе на войне. В реальности это увлечение удоволь-

ствиями не было причиной упадка этрусков, и часто изображаемые толстяки являются лишь карикатурой (они существуют везде — их больше среди богатых, но это не может быть характеристикой, данной целому народу).

Все клеветнические слова древнегреческого историка Феопомпа являются лишь проявлением обычного расизма, когда человек не пытается понять различия между народами, но предпочитает злословить, чтобы элементарно удовлетворить свою очевидную зависть. Клевета Феопомпа показывает его узкомыслие, показное целомудрие и неприступность этого автора. Мы знаем, что на самом деле дети этрусков не рождались на свет, не зная своих отцов. Найденные надписи, напротив, показывают значимость семьи для этрусков, а их гробницы задуманы как настоящие жилища для ушедших в вечность родственников с ясной идентификацией каждого из членов семьи.

Злословие Феопомпа

«Феопомп в XLIII книге своей «Истории» говорит, что у тирренцев женщины были общи, что они очень заботились о своем теле, что они часто рассматривали себя голыми, нередко вместе с мужчинами, иногда между собой; для них совсем не позорно было появляться голыми. Они садились за стол не со своими собственными мужьями, а с первыми встречными. Они были очень красивы и большие любительницы выпить. Тирренки воспитывали своих детей, которые рождались на свет, не зная, кто их отец. Эти дети жили таким же образом, как и их кормильцы, проводившие большую часть времени в попойках и имеющие связи со всеми женщинами, с какими им хотелось. Не было зазорным для тирренцев иметь венерические болезни; это было

даже модно в их стране. И они не считали позорным, когда хозяин дома занимался любовью, а когда их об этом спрашивали, они говорили: «Он делает то или иное», давая такое бесстыдное определение этому. Когда у них имели место собрания, они делали это так: вначале входили слуги с зажженными факелами, приводя с собой иногда куртизанок, иногда очень красивых мальчиков, иногда также их собственных жен; когда они получали необходимое им удовольствие, молодые люди ложились вместе с ними. Они занимались любовью часто на виду у других, но чаще всего окружая свои постели шалашами, сделанными из ветвей, и набрасывая поверх свои плащи. Они имели, конечно, связи с женщинами, но чувствовали себя лучше с мальчиками и молодым людьми. Те же в их стране были абсолютно красивы, так как жили в праздности и имели эпилированное тело. Впрочем, все варвары, которые жили на Западе, покрывали свое тело смолой и так брили его; а у тирренцев имелось много специальных заведений для этой операции, как у нас парикмахерских».

(Атеней, «Софисты за пиршественным столом», XII, 517 d).

Понятно, что греку было трудно себе представить, какое в реальности место занимали женщины в этрусском обществе, и потому он не мог отказать себе в женоненавистническом удовольствии при их оценке.

Сексуальность этрусков также являлась предметом нареканий. Давайте оставим в стороне речи о том, что этруски свободно переходили из одной пары в другую; в этом, без сомнения, более вымысла, чем правды. Претензии относительно гомосексуализма еще более удивительны: греки сами осуще-

ствляли эту форму сексуальных контактов. У них такие отношения были признаны только между взрослыми и молодыми мальчиками свободного рождения, и они заканчивались, когда ребенок становился взрослым. В Риме, напротив, гражданин мог получать удовольствие как с девушкой, так и с мальчиком при условии, что те были рабами. Кто были те мальчики и молодые люди, о котором говорит Феопомп? Слуги или проститутки? Идет ли речь о молодых рабах, которые разгуливают между гостями на фресках из Тарквиний?

В росписях этрусских гробниц иногда можно встретить эротические сцены (как, впрочем, и на вазах), но было бы ошибочно интерпретировать их, как оргии. Они, скорее, имеют символическое значение и несут смысл, который нам непросто понять. Возможно, в них следует видеть утверждение жизненной силы, торжествующей над смертью. Мы можем понять, что они шокировали нашего автора, но не мог ли он попасть в ловушку понимания всего в буквальном смысле? Ответить на этот вопрос трудно. Мы можем только сожалеть, что все это злословие не предоставляет нам никакой серьезной информации о сексуальности этрусков.

ЖЕНЩИНА И СЕМЬЯ

Этруская женщина не пользовалась в Древнем мире хорошей репутацией. Действительно, она не жила такой же закрытой жизнью, как греческая женщина или римская женщина, и могла лишь вызвать непонимание у приезжих или у представителей соседних народов. Наибольший вклад в это внес древнегреческий историк Феопомп, несмотря на свое красноречие, приводит в своих трудах много слухов

и сплетен. Если верить ему, то этрусская женщина не знала ни стыдливости, ни правил приличия. Она любила вмешиваться в дела мужчин, делить с ними постель и пить без меры. Она не испытывала никакого стыда и могла заниматься любовью публично, часто меняла партнеров и порой даже не могла точно сказать, кто является отцом ее детей. Единственное, что у нее было нормально: она была красива, заботилась о своем теле и ухаживала за лицом.

Что это? Злословие? По большей части, конечно, да, но ясно одно — этрусская женщина пользовалась свободой, которую совершенно неправильно интерпретировали иностранцы. Латинские авторы готовы подписаться под заявлениями Феопомпа. Римский комедиограф Тит Макций Плавт в одной своей комедии утверждает, что этрусская женщина — это доступная женщина, которая занимается проституцией, чтобы накопить денег на приданое, а Тит Ливий, серьезный историк, противопоставляет этрусских жен Тарквиниев и римлянку Лукрецию (I, 57). Легенда эта известна: сыновья Тарквиния Гордого, последнего царя Рима, скучали под стенами осажденного ими города. Вечером, после очередной выпивки, разговор неизбежно переходил на женщин. Каждый начинал хвалить свою жену. Так и не придя к согласию, молодые царевичи решили поехать в Рим, чтобы проверить на месте поведение своих жен и закончить, таким образом, это соревнование женских достоинств. Оказалось, что все этрусские молодые женщины изменяли своим мужьям, лежа в постелях с молодыми людьми своего возраста. Только жена Коллатина, римлянка Лукреция, сидела посреди своих служанок и пряла шерсть в темных покоях своего жилища. Этот эпизод демонстрирует контраст между этрусскими женщинами и добродетельной Лукрецией. Этот контраст весьма

силен. Одновременно с этим можно утверждать, что и роль женщины в этрусском обществе была совершенно иной, чем роль женщины в греческом или римском обществе.

Какими бы ни были отношения между этрусскими мужьями и женами, совершенно ясно, что женщины в Этрурии пользовались большей степенью социальной свободы, чем это было возможно в Греции и Риме. Отсюда проистекает и их отрицательное изображение, как постоянно пьющих и развратничающих. Различные погребальные надписи обнаруживают и более высокий статус женщины в Этрурии. В отличие от римских обычаев, этруская женщина идентифицировалась своим собственным именем в дополнение к имени своей семьи, в то же время материнское и родовое имя зачастую фигурировали наряду с отцовскими, что стало привычным в Риме только в императорскую эпоху. Например, на погребальных урнах, найденных в Кьюзи, можно найти такую надпись (T.L.E. 129):

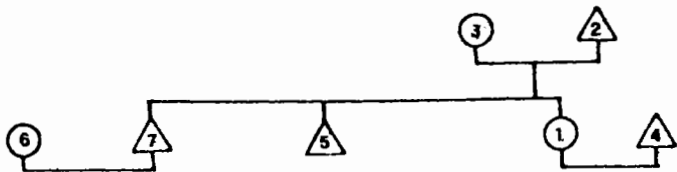
Velthur Larisal clan Cuclnial Θanχvilus lupu avils XXV = Велтур, сын Лариса и Куклнии Танхвил, умерший в двадцать пять лет.

Эта надпись показывает важность матери в семье; кроме того, здесь можно увидеть важное отличие от Рима, где женщина имела только имя. К сожалению, мы очень мало знаем об общественном статусе этрусской женщины.

Фактически, этруская женщина имела не только имя, то есть юридическое признание, но и играла такую роль в обществе и имела такое влияние — возможно даже политическое — которыми нельзя было бы пренебречь. Римские легенды предлагают нам несколько примеров этого с такими незаурядными персонажами, как, например, Танаквил. Давайте вспомним очень коротко эту супругу

Саркофаг Хести Афуны (Кьюзи):
 покойная (справа, ведомая Вантом)
 прощается с семьей: 1: Хести Афуна;
 2: ее отец; 3: ее мать (или сестра);
 4: ее муж; 5 и 7: ее два брата;
 6: жена ее брата Ларза

Женщина из Черветери

Тарквиния, первого римского царя этрусков. Тарквиний, которого Тит Ливий (I, 34) называет Лукумоном, был сыном эмигранта-корфинянина Демарата и этрусской женщины. Он сочетался браком с девушкой-аристократкой из Тарквинии, которую звали Танаквиль, и которая имела весьма честолюбивые намерения в отношении себя и своего мужа. Но этрусский город ничего не мог предложить этому сыну беженца. И тогда она решила уехать вместе с ним в Рим, к «новому народу, где благородное положение приобретается быстро и одними заслугами». Пара бросила свои пожитки в повозку и отправилась в путь. По дороге произошел странный случай: орел схватил и унес шляпу Лукумона, но, вознесясь над их повозкой и покружив немного в воздухе, птица неожиданно вернула головной убор обратно. Танаквиль расценила это как предзнаменование «небесный знак», который она объяснила своему мужу как знак его будущего величия. Так Тарквиний стал первым этрусским царем Рима. Следующее событие, в котором Танаквиль сыграла главную роль, стало избрание Сервия Туллия наследником царя. И здесь пригодился ее опыт в разгадывании небесных знамений. Когда пламя окружило голову спящего юного Сервия, Танаквиль увидела в этом благоволение богов и интерпретировала его в том смысле, что в будущем он принесет пользу их семейству. По совету жены Тарквиний позаботился, чтобы мальчик, родившийся, согласно преданию, от дворцовой служанки, получил образование и воспитание. Тарквиний в конечном счете женил его на своей дочери.

Подобное политическое влияние позволило некоторым историкам, начиная с XIX века, выдвинуть гипотезу, которая, в любом случае, не имела отношения к Этрурии: это гипотеза о существовании там матриархального общества. Легенды о Танаквиль,

на которых основывается эта теория, сами же ее и отрицают. Если бы она жила в матриархальном обществе, то, будучи этрусской женщиной высокого происхождения, она не нуждалась бы в том, чтобы подталкивать своего мужа к удовлетворению ее честолюбивых намерений. С другой стороны, даже Титу Ливию нравится говорить о ее способностях к предсказанию, хотя история не дает нам ни одного имени женщины-жреца или гаруспика в Этрурии. Здесь все же речь идет о легендах, имевших, главным образом, символический характер.

Тем не менее, эти замечания не означают, что некоторые этрусские женщины, в отличие от римских, не могли играть важную роль, в том числе в политической сфере. Раскопки обнаружили очень богатые женские могилы, относящиеся еще к виллановианской эпохе. Один из наиболее ярких примеров — это гробница Лартии в городе Цере (гробница Реголини-Галасси, примерно 650 год до н.э.). Здесь в первой камере покоились останки воина в бронзовых доспехах. Во внутренней камере на каменном ложе лежали красивые, хрупкие драгоценности из белого золота, кольца и браслеты; конечно же, то был прах женщины благородного происхождения. На нескольких серебряных сосудах из гробницы Реголини-Галасси есть надписи «*Mi Larθia*» («[Я] принадлежу Лартии»). Нет никакого сомнения, что эта Лартия была женщиной очень богатой и утонченной.

Можно ли утверждать, что этрусские женщины держали бразды управления в городах, когда их мужья уезжали, чтобы бороться с врагами на земле или на море? Легенда о Танаквиль, жене первого этрусского царя Рима, позволяет думать, что амбиции этой женщины основывались на действительных реалиях этрусского общества.

Между тем не стоит преувеличивать роль женщины в этрусском обществе — ее надо соотносить с ее социальным положением. Очевидно, имеется больше свидетельств о высоком месте женщин в наиболее высоких общественных слоях. В то же самое время женщина не играла такой же роли в маленьких сельских центрах в VIII или VII вв. до н.э. Можно отметить, что социальная роль женщины начала возрастать во второй половине ориентализирующего периода (это связано с тем, что у женщин стало появляться больше свободного времени, а рост числа рабов избавил их от выполнения многих обязанностей). Они теперь могли принимать участие в выполнении общественных функций, присутствовать на пирах и играх, управлять домашними слугами. Тем не менее, прядение и ткачество оставались благородной прерогативой женщины даже в VI или V вв. до н.э., так как только семья высокого общественного ранга могла иметь стадо, которое поставляло для этого сырье. Подготовка пищи и хлеба также находилась в компетенции хозяйки дома, но с IV века до н.э. все эти домашние задачи уже выполнялись служанками. Эти женщины-рабыни отвечали также за уход за телом своей хозяйки, ее прической и макияжем.

Наши знания становятся более расплывчатыми, как только речь заходит о женщинах более скромного достатка, о вольноотпущенных и даже о рабах. Например, существовали проститутки, без сомнения, находившиеся в тесной связи с некоторыми категориями музыкантов, но мы о них почти ничего не знаем. Также можно только догадываться о существовании ритуальных проституток и женских коллегий (например, на службе храма Астарты в городе Пирги).

Этрусские женщины, таким образом, имели различные судьбы в зависимости от их положения в

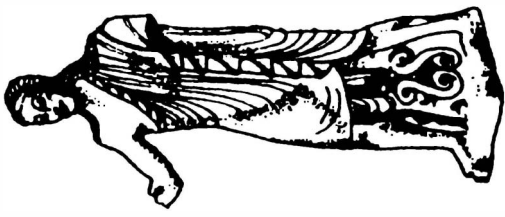
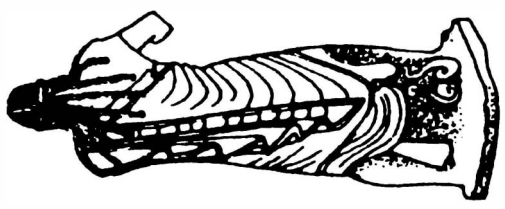
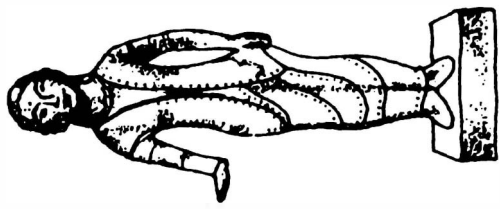
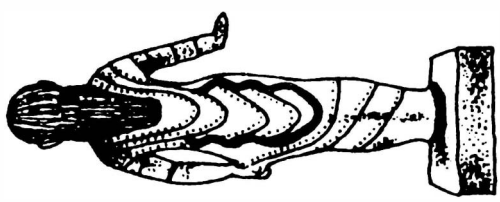
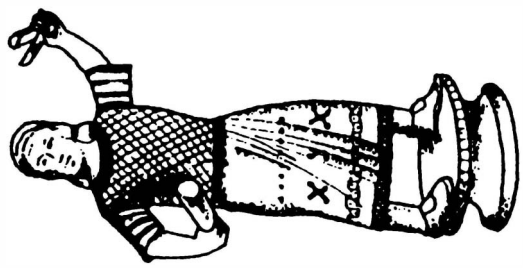
обществе. В целом, однако, они жили лучше, чем другие женщины Древнего мира: очевидно, что они были более свободны и эмансипированы, чем их римские и, главным образом, греческие сестры. Некоторые видят в этом далекое восточное наследие. В любом случае, Рим, который на первых порах охотно заимствовал все у этрусков, не считал нужным признавать права, предоставленные этрусками своим женщинам.

При этом этрусские женщины не были удачливее своих римских соседок с точки зрения здоровья и смертности при родах. Статистика эпитафий показывает, что женщин в Этрурии было меньше, чем мужчин (это соотношение выглядело как 40% против 60%). Кроме того, не надо недооценивать и такую особенность древних цивилизаций: отцы предпочитали иметь сыновей-наследников, а не дочерей. При всем при этом в Этрурии женщина имела более привилегированный статус и пользовалась большим уважением, чем в любом другом месте.

КОСТЮМ И УКРАШЕНИЯ

Читая описания греческих авторов (доброжелательные и не очень) и видя, главным образом, удивительные образы, которые нам предлагают фрески гробниц, мы можем получить представление о богатстве этрусского костюма. Яркие платья танцовщиц и плащи мужчин кажутся украшенными тонким оформлением: они вышиты коричневым, красным, ярко-синим, зеленым или бледно-желтым, сияют в ночи, как яркие лампы, и кажутся буквально пропитанными светом.

Необходимо сразу отметить несколько нюансов: эти изображения отражают реальность, но речь

Примеры перизом, тунник и плащей

идет только о том, что носила аристократия, к тому же во время похоронных церемоний. Это не является тем, что носило большинство этрусков в обычные дни повседневной жизни. Кроме того, надо иметь в виду и специфические одеяния персонажей театра и танцоров.

Костюм, очевидно, изменялся с течением времени, и влияние моды иногда может даже быть вполне заметным. И все-таки почти полная нагота простого народа, крестьян и рабов, по-видимому, была повседневной реальностью. При этом не существовало большой разницы между сельскими тружениками, носившими простые набедренные повязки, и людьми из города, которые оказывались одеты так же, когда снимали свои тоги.

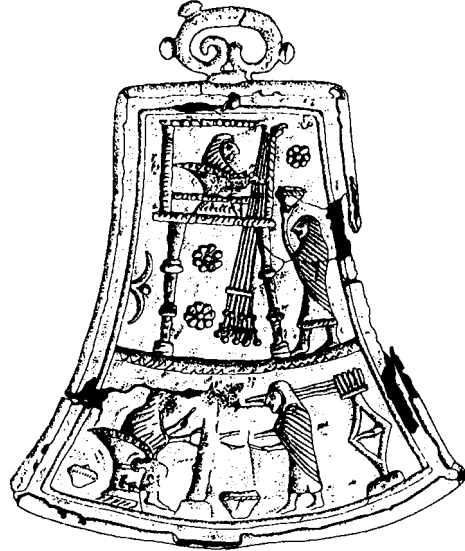
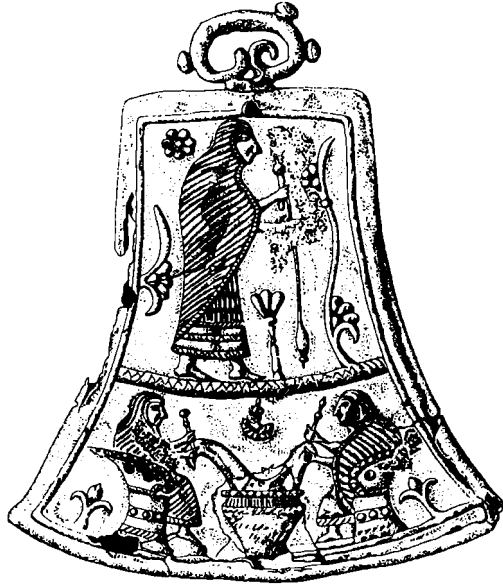
Что касается рабов, то они часто ходили голыми или в набедренных повязках, и редки были случаи, когда они должны были быть одеты в роскошные украшения (в основном это происходило во время праздников).

◆ Одежда

Три главные детали составляли одежду этрусков: это перизома, туника и плащ (манто).

Перизома — разновидность нижнего белья, нечто вроде набедренной повязки, напоминавшая облегающие трусы. Перизома появилась у мужчин с VII века до н.э. Возможно, она попала в Этрурию через Грецию.

Туника — род верхней одежды; поначалу ее носили только мужчины. К середине VI века до н.э. появилась льняная туника, как у мужчин, так и у женщин. Она походила на хитон, который этруски позаимствовали в Ионии. Существовал удлиненный вариант туники (такие носили женщины, а также стари-

Бронзовый кулон, конец VII века до н.э.: слева показаны работы по прядению и наматыванию нити на веретена; справа – тканье на вертикальном станке и подготовка клубков (?)

ки). Укороченный вариант, более удобный и легкий, в основном носили молодые люди.

Плащ носился поверх туники. На рисунках можно увидеть много различных моделей плащей. Они в основном были толстыми и тяжелыми. Прямоугольный плащ греческого типа был наиболее распространен. Женский плащ был широким и обволакивающим фигуру; этот покррой был неудобен для мужчин.

Эти детали одежды, вероятно, подверглись сильному восточному влиянию. Стоит вспомнить о популярности, которой пользовались изделия из переливающейся крашеной шерсти из Милета у жители Сибариса, которые и принесли эту моду в Италию. Мы знаем также, какие связи соединяли их с этрусками, поэтому не удивительно, что тосканцы приняли и развили ионическую моду в конце VI века до н.э. Вышивки и окраска были характерны для изделий из шерсти, в то время как лен использовался в его естественном цвете.

Бронзовый кулон в виде колокола, обнаруженный в одной из гробниц в районе Болоньи, показывает женскую моду конца VII века до н.э. и, главным образом, работу с шерстью. Различные ее этапы свидетельствуют об уже существовавшей в ту эпоху хорошо установленной традиции. Мы видим различные фазы обработки шерсти, начиная от прядения до тканья на специальном станке.

Среди различных видов этрусских плащей можно выделить особую модель. Речь идет о «тебенне» (это еще одно слово этрусского происхождения). Греки называли такой плащ «хламидой, которую носили этруски». Скорее, короткая вначале «табена» отмечалась многими авторами (например, Дионисием Галикарнасским), как прототип «трабеи», которую в Риме носили жрецы и всадники. Конеч-

*Оратор.
Бронзовая статуя*

но, слова «трабея» и «табенна» имеют сходное происхождение, но эволюция этих видов одежды и их употребление отличаются.

В то время как «трабея» сохраняла свои первоначальные размеры, «табенна» постепенно удлинялась и из прямоугольной перешла в более округлый вид, чтобы затем стать римской тогой. Напомним, что сначала тога служила покрывалом для кроватей, которым накрывались, чтобы выходить из дома.

Этруская живопись, особенно фрески гробницы Франсуа, показывает нам, что «табенна» могла стать тогой для торжественных мероприятий (*toga picta*) с вышивками, выкрашенной в разные цвета и с пурпурными полосами.

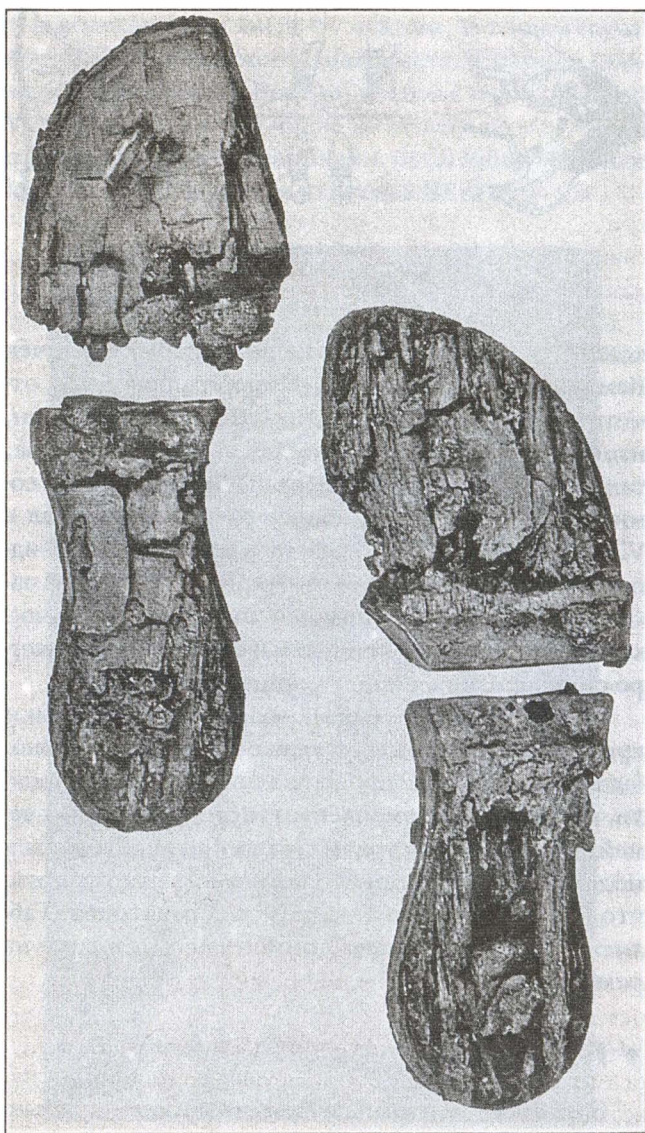
◆ Обувь

Имел ли тосканский воздух способность вдохновлять творцов этрусской моды? Уже в те времена различные модели обуви этрусков привлекали к себе внимание, и тирренские сандалии с их позолоченными ремешками вызывали ярость в Греции, где их считали плохим примером иностранной роскоши.

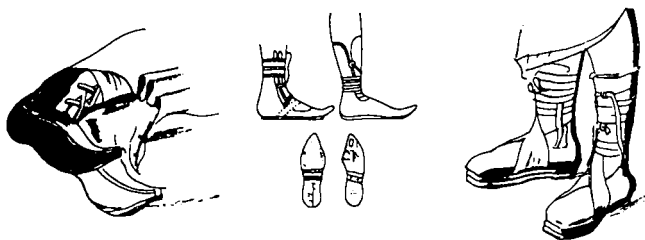
Мужчины и женщины носили одинаковые виды обуви, но с различными вариантами. Мы можем их разделить на три основные категории: сандалии, калцеи и бродеквины.

Сандалии были, в основном, легкие, с кожаной или деревянной подошвой. Они крепились к ноге ремешками. Существует очень много их разновидностей.

Calcei repandi (иначе говоря, калцеи с загнутыми носами) представляют собой обувь, выполненную из цветного сукна, которое могло быть красным, зеленым, каштановым... Их носы загнуты вверх примерно так же, как у обуви, которая носилась в Средневе-

*Деревянные подошвы сандалий из Бизенцо.
VI в. до н.э.*

Различные модели башмаков

ковье. Их можно заметить на ногах царя с табличек Кампана, на ногах божеств (Цицерон, например, отметил их у Ланувинской Юноны Соспиты), женщин, изображенных на знаменитых саркофагах Цере, танцовщиц с росписей гробницы Львиц. Это, без сомнения, была обувь, наиболее распространенная в VI веке до н.э. Существовало множество ее разновидностей – калцеи могли быть открыты в передней части или закрыты при помощи шнурка. Их ионическое происхождение хорошо известно, но они быстро стали оригинальной маркой этрусской моды.

Бродеквины (башмаки) были более тяжелыми и крепились кожаными ремешками. Они, возможно, были не такими распространенными, ибо их носили, главным образом, члены аристократических семей. Римские магистраты сохранили некоторые их модели с несколькими вариантами. Можно сказать, что это предки башмаков римских сенаторов. Таблички Кампана нам дают пример таких башмаков на ремнях.

◆ Прическа

Этрусские женщины и мужчины имели привычку ходить без головного убора, по крайней мере, начиная с V века до н.э. Существовала мода на свет-

лые волосы, в том числе и у мужчин, которым случилось носить, как и женщинам, светлые парики (также в V веке до н.э.). Борода, носимая мужчинами до VI века до н.э., в том числе до IV века до н.э. — важными персонами и стариками, была забыта в конце VI века до н.э. и совсем исчезла в III веке до н.э.

*Типичная прическа этрусских женщин.
Начало VI в. до н.э.*

В VII и VI вв. до н.э. женщины носили длинные волосы до пояса, заплетенные или, скорее, завязанные за спиной. Затем, с VI по V вв. до н.э., они стали ниспадать на плечи (если не были собраны в пучок на голове). В IV веке до н.э. волосы стали более короткими и более вьющимися, а в следующем веке их стали завязывать в шиньоны на затылке. Это все, если говорить о глобальных тенденциях; при этом могли существовать и различные варианты причесок.

Шляпы, как модные украшения, начали играть большую роль в VI веке до н.э., и произошло это под ионическим влиянием. Было много различных моделей головных уборов, среди которых некоторые были связаны с теми или иными религиозными или политическими функциями. Без сомнения, таковыми были заостренные «сомбреро» с широкими полями, которые можно увидеть на изображениях во дворце Мурло. Греческие широкополые шляпы, похоже, были распространены среди крестьян на севере Этрурии и в равнине реки По, возможно, потому что они лучше защищали от холода.

Наиболее характерный головной убор, тоже ионического происхождения, носил название «tutulus», и в Риме его использовали только жрецы. Речь идет о шляпе конической формы, выполненной из ткани (той же, из чего была сделана туника). В Этрурии их можно увидеть на головах женщин — например, в некоторых саркофагах они изображены на головах зрительниц, наблюдающих с трибун за играми.

◆ Украшения

Красота и тонкость украшений, в избытке обнаруженных в этрусских гробницах, достаточны для того, чтобы показать значение, которое этруски

*Женщина за туалетом.
Служанка слева держит флакон с духами.
Рисунок на бронзовом зеркале*

придавали этому дополнению женского туалета. Нагрудные бляхи, кольца, браслеты, серьги, ожерелья, застежки, расчески, бронзовые, серебряные, золотые, с драгоценными камнями. Список этот может быть очень длинный, и следует отдать должное изобретательности их творцов. Речь идет о настоящих произведениях искусства. И это не касается только женщин: рядом с женской диадемой можно увидеть корону из золотых листьев Вел Сатиса (гробница Франсуа), дополняющую одежду триумфатора.

Ветулония была важным центром ювелирного производства, что было связано с ее специализацией на работе по металлу. Работали здесь греки и этруски. Их вдохновение концентрировалось главным образом на флоре и фауне, реальных или фантастических: на сфинксах, сиренах, птицах, химерах... Эти маленькие шедевры рождались в их ловких руках для того, чтобы служить красоте, и этим искусством не могут не восхищаться даже современные ювелиры. Ювелирные украшения представляют собой одно из наиболее ярких творений этрусского художественного гения.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТРУРИЯ	3
I ИСТОРИЯ	4
ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ	6
ВИЛЛАНОВИАНСКИЙ ПЕРИОД	12
ЭТРУСКИ В ИТАЛИИ	17
АПОГЕЙ	21
ЭТРУСКИ В РИМЕ	30
УПАДОК И РОМАНИЗАЦИЯ	37
ХРОНОЛОГИЯ	50
II ТЕРРИТОРИЯ ЭТРУРИИ	55
ЛАНДШАФТ	57
ДВЕНАДЦАТЬ ГОРОДОВ	60
ГОРОДА ЮЖНОЙ ЭТРУРИИ	62
ГОРОДА СЕВЕРНОЙ ЭТРУРИИ	73
ЭТРУССКАЯ КАМΠΑНЯ	79
ПАДУАНСКАЯ ЭТРУРИЯ	82
III ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	87
СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ	89
ЦАРИ	94
МАГИСТРАТЫ	99

	АРИСТОКРАТЫ	102
	РАБЫ	107
	ВОЛЬНООТПУЩЕННЫЕ	109
	КЛИЕНТЫ	111
	АРМИЯ	113
	ФЛОТ	119
IV	ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ	122
	СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	124
	ГИДРОТЕХНИКА	130
	МЕТАЛЛУРГИЯ	132
	ТОРГОВЛЯ	136
	ЭТРУСКИ	145
V	ВРЕМЯ	147
	КАЛЕНДАРЬ	149
	ВОЗРАСТЫ ЖИЗНИ	156
	ПЕРЕХОДНЫЕ ОБРЯДЫ	164
VI	РЕЛИГИЯ	171
	ПРОРОКИ	174
	БОГИ	177
	ЖРЕЦЫ И ГАРУСПИКИ	186
	СВЯЩЕННЫЕ КНИГИ	189
	ГАДАНИЕ	197
	ОВЕЧЬЯ ПЕЧЕНЬ ИЗ ПЛЕЗАНСА	201
	ОБРЯДЫ	205
	ХРАМ	207
VII	ЭТРУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ	214
	АЛФАВИТ	216

	МОРФОЛОГИЯ	221
	ЛЕКСИКА	225
	НАДПИСИ	226
	ЗОЛОТЫЕ СКРИЖАЛИ ИЗ ПИРГИ	230
	ЛЕМНОССКАЯ СТЕЛА	234
	РЕЛИГИОЗНАЯ ЛИТЕРАТУРА	237
	СВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА	242
	СРЕДСТВА ДЛЯ ПИСЬМА	249
VIII	ИСКУССТВО	252
	ЭВОЛЮЦИЯ ИСКУССТВА	254
	ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА	258
	ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА	260
	ЖИВОПИСЬ	267
	ИЗДЕЛИЯ ИЗ БРОНЗЫ	275
	КАМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА.....	281
	ТЕРРАКОТА	284
	КЕРАМИКА	287
	ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ: ЗОЛОТО, СЛОНОВАЯ КОСТЬ	292
IX	ДОСУГ	297
	ИГРЫ	298
	ФЕРСУ	305
	ОХОТА И РЫБНАЯ ЛОВЛЯ	309
	ПРИЕМ ПИЩИ	312
	МУЗЫКА И ТАНЕЦ	318
X	ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ	326
	ЭТРУССКИЕ ИМЕНА	328
	ЖИЛИЩА	331

Гиды цивилизаций

СПЛЕТНИ	337
ЖЕНЩИНА И СЕМЬЯ	342
КОСТЮМ И УКРАШЕНИЯ	350

Научно-популярное издание
Гиды цивилизаций

Жан-Ноэль Робер

ЭТРУСКИ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редактор *А.Ю. Низовский*
Корректор *Л.В. Суркова*
Дизайн обложки *Е.А. Бессонова*
Верстка *М.А. Виноградов*

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат

№ 77.99.02.953.П.008287.12.05 от 08.12.2005 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 29.03.2007. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 11.5. Тираж 5 000 экз. Заказ № 5498.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Гульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109 .

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: (495) 188-88-02, (495) 188-16-50, (495) 188-65-10.
Тел./факс: (495) 188-89-59, (495) 182-60-47
Интернет/ Home page: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «Вече».
Тел.: (495) 188-66-03.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «Вече» вы можете приобрести
в издательстве и в наших филиалах по адресам:

ООО «Вече-НН»:

603163, г. Нижний Новгород,
ул. Нижнепечерская, д. 2, литера А, помещение 3.
Тел.: (8312) 96-23-88
E-mail: vechenn@pochta.ru

ОАО «Новосибирсккнига»:

г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, д. 1.
Тел.: (3832) 10-24-95, (3832) 10-39-67.
E-mail: sales@nkniga.ru

ООО «Вече-Казань»:

г. Казань, 7-я Кадешвская ул., д. 9Б.
Тел./факс: (843) 571-33-07.
E-mail: veche-kaz@nm.ru

ООО «Издательство «Арий»

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.
Тел.: (38-044) 537-29-20, (38-044) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «Вече»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва»,
ТД «Молодая гвардия», «Московский дом книги»,
«Новый книжный».

Книги издательства «Вече» в Интернете
Интернет-магазин «Лабиринт»: <http://labirint-shop.ru/>

Жан-Ноэль Робер

ЭТРУСКИ

Этруски — создатели первой развитой цивилизации на Апеннинском полуострове. Возможно, этруски были «пришельцами из-за моря»; их первые поселения представляли собой процветающие общины, располагавшиеся в центральной части западного побережья Италии, в области, называвшейся Этрурия. В эпоху наивысшего могущества этруски распространили свое влияние на значительную часть Апеннинского полуострова, вплоть до подножий Альп на севере и окрестностей Неаполя на юге. Покорился им и Рим. Книга известного французского историка Ж.-Н. Робера рассказывает о религии, военном деле, языке, письменности, искусстве и быте этрусков.

ISBN 978-5-9533-1931-7

9 785953 319317

